

Г. Бауэр

КНИГА О СЛОНАХ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ
РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

г. бауэр

КНИГА О КЛОНАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
„Мысль“
Москва 1964

H. BAUER

DAS ELEFANTENBUCH

VEB. F. A. BROCKHAUS VERLAG
LEIPZIG, 1955*Перевод с немецкого*
И. Н. ГРИГОРЬЕВА*Издание второе, исправленное**Редакция, примечания*
и послесловие
доктора биологических наук
П. Б. ЮРГЕНСОНА

Эта книга об одних из наиболее интересных и популярных животных земного шара.

Ее автор — немецкий писатель Ганс Бауэр — стремился сообщить о них самые разнообразные сведения. Живо и увлекательно рассказывает он о жизни слонов среди природы и в неволе в давно минувшие и нынешние времена, об удивительных физиологических особенностях этих гигантских представителей животного мира, о том, как ловят слонов и как их приручают и дрессируют, о ценнейших слоновых бивнях — слоновой кости и о многих других интереснейших особенностях этих своеобразных животных.

На обложке использован рисунок художника
Франса МАЗЕРЕЛЯ

«У слона» — так называлась гостиница, в которой остановилась Шарлотта Кестнер, когда в 1816 году приехала в Веймар, чтобы после сорокачетырехлетней разлуки вновь увидеться с Гёте и быть рядом с этим великим человеком.

Ныне, как и в те далекие времена, сотни и тысячи гостиниц во всем мире названы в честь этого громадного животного. Ныне, как и в те далекие времена, оно фигурирует в шуточных стихах и эпиграммах. Ныне, как и в те времена, слон — самое популярное животное: всюду, где бы он ни появился, он привлекает к себе внимание. А с научной точки зрения слон — самое своеобразное из всех животных, занимающее даже особое место в зоологической литературе.

Десятки тысяч лет ходило по джунглям и степям на своих массивных, как колонны, ногах это миролюбивое, питающееся растительной пищей животное, которого не боялся ни один зверь и которому, пожалуй, и самому не приходилось бояться ни одного зверя. Но затем у него появился опаснейший противник — человек. Он начал преследовать слона «огнем и мечом», загнал его в крааль* и сделал своим слугой.

Теперь лишь вопрос времени, скоро ли волны цивилизации захлестнут последние прибежища слонов во Внутренней Африке или в глубине Южной Азии. И как бы ни горевали поклонники этих пугливых при всей их массивности и неисчерпаемой силе животных, дни слонов сочтены. Они вошли в нашу современность как последние вестники давно минувших доисторических времен, как одно из удивительных явлений, дающих представление об условиях, при которых возникла жизнь на нашей планете.

В этой книге рассказывается о жизни слонов на свободе и в неволе в давно прошедшие и нынешние времена.

Как проводит слон свои дни в африканских и индийских джунглях или на лесопильных заводах Бирмы и Цейлона? Как относится он к людям и диким зверям, с которыми встречается

* Крааль, или кораль, — у народов Юго-Восточной Африки кольцообразное поселение, в котором дома расположены по кругу, а внутренняя площадь служит загонem для скота. — *Прим. ред.*

в степях и в непроходимой чаще лесов? Как относится он к дрессировщикам в цирке и сторожам в зоопарке? На что способны слоны? Как живут они в обществе себе подобных и каков мир их чувств?

Особого внимания заслуживают те разнообразные рабочие качества, которые открыл в слоне человек. Как верховое животное слон служит как бы ногами человека, переносящими его за сотни километров; как рабочее животное — его руками, которые выкорчевывают деревья и перетаскивают огромные сваи; как вьючное животное — его плечами, которые несут на себе по бездорожью многие центнеры груза. Бивни слона представляют собой один из наиболее драгоценных материалов. Для охотника слон — самый славный из всех трофеев. Как цирковое животное он поражает миллионы людей своей способностью к дрессировке. Когда-то слон использовался полководцами в качестве тяжелого орудия. Он был, если прибегнуть к современному сравнению, танком древности. Миллионы раз слон отдавал свою невероятную силу человеку, и миллионы раз он погибал, став жертвой человеческого корыстолюбия, тщеславия и раздоров.

Естественно, что автор, посвящающий свою книгу слону, питает к этому животному глубокую симпатию. Автор и не скрывает этого, но он отдает правде приоритет перед симпатией. Как и любое другое животное, слон — отнюдь не человек с человеческими мыслями и человеческими понятиями. Он подчиняется не понятиям, которые не способен выработать, а своим собственным жизненным инстинктам. Автор ставит себе целью не пересказывать басни о слонах, а говорить о них языком науки, но, разумеется, тоном не академического реферата, а живого рассказа.

В этой книге автор хотел не только сообщить естественнонаучные сведения или изложить увлекательную и захватывающую главу истории природы. История слонов, если рассматривать ее всесторонне, ни в прошлом, ни в настоящем не совершалась без участия человека, она неразрывно связана и переплетена с историей человека и многие века определяется ею. Создавая книгу о слонах, автор стремился писать не только о них самих, но и о жизненных условиях и среде, окружающих этих серых великанов и определяющих особенности слонов; о незнакомой и далекой нам дикой природе девственных лесов, где живут эти животные и где находится их родина; о людях, ставших их роком, людях, которым они служат со свойственной им восприимчивостью к дрессировке или против которых они яростно борются.

НЕМНОГО ЗООЛОГИИ

В ДОЛИНЕ ЗАМБЕЗИ
И У ПОДНОЖИЯ ГИМАЛАЕВ

Эта книга о жизни, радостях и горестях слонов — отнюдь не специальный труд по зоологии. Но совсем без зоологии нам не обойтись.

Мы не будем давать здесь основательного и добросовестного перечисления различных видов и подвигов слонов, которое уже само по себе является целой наукой. Однако заметим, что необходимо различать слонов азиатских (индийских) и африканских¹.

Наиболее важные (очень сходные между собой) расы индийского слона встречаются в Индии и Бирме, на Цейлоне, Суматре, в Малайе.

Африканские слоны делятся на сравнительно мелких (иногда даже карликовых, не превышающих двух метров), круглоухих, и более крупных, длинноухих слонов. Африканский слон выше индийского, но туловище у него короче, уши крупнее, кожа грубее, хобот тоньше, бивни более развиты, причем есть они и у самцов и у самок, у индийских же самок они или совсем отсутствуют, или небольших размеров.

Когда-то африканские слоны встречались по всей Африке. Сегодня картина совсем иная. Преследование не на жизнь, а на смерть человеком, усиливающееся заселение этого континента, особенно на севере и юге, а также климатические изменения все более и более оттесняют слона в глубь Африки.

Однако не следует преувеличивать. Африканский слон еще не вымирает. Резервации в природных условиях и запрет на охоту без специального разрешения

предохраняют слонов от полного истребления. К тому же основные места распространения их в Центральной Африке еще мало заселены людьми. Когда во время первой мировой войны вследствие недостатка жиров в междуречье Руфиджи и Рувумы была истреблена примерно тысяча слонов, это не оказало почти никакого влияния на общую численность их поголовья².

Интересные статистические данные собрал в 20-х годах нашего века один англичанин, путешествовавший в течение тринадцати месяцев по Африке. Он приехал в эту часть света не как охотник и не как кинооператор, а как орнитолог. Его интересовал птичий мир Африки. Но, бродя по девственным лесам, он наблюдал и крупных животных, которые встречались ему на пути. Он произвел подсчеты, и цифры, которые он записал — частично точные, частично приблизительные, дают хотя и не безусловно верную, но в общем довольно наглядную картину распространения тех или иных видов животных.

Так, нашему орнитологу повстречались (среди прочих зверей) 20 тысяч зебр, 5 тысяч газелей, 15 тысяч оленей, 350 жирафов, 40 буйволов, 50 антилоп, 25 бегемотов, 5 тысяч гну, 500 павианов и 24 другие обезьяны, 12 львов (и значительно больше их свежих следов), 75 шакалов, 9 гиен, 1 леопард и 100 слонов. В общем этот орнитолог склонен к оптимизму, он считает, что африканская фауна вовсе не столь сильно истреблена, как это часто утверждают. Ограничивающие охоту законы не простая формальность; к тому же некоторые животные, особенно жирафы, охраняются не только этими законами, но и общественным мнением.

В той мере, в какой это сообщение касается слонов, оно подтверждается наблюдениями Мартина Джонсона, одного из лучших знатоков африканских дебрей. Лет двадцать назад Джонсон сфотографировал скопление нескольких тысяч слонов. После того как высохли их обычные пастбища, слоны эти, разделившись на стада, направились к болоту Лориан (в восточной части Кении)³. Джонсон сфотографировал их с самолета, шум которого отнюдь не смутил животных. Куда более трусливыми оказались (о сказочная картина жизни девственного леса!) крокодилы, заползавшие в ил, бегемоты, глубоко нырявшие под воду, буйволы, бросив-

шиеся наутек. Когда полил дождь, стада слонов разошлись по самым различным направлениям.

Последние прибежища крупных стад африканских слонов — долина Замбези, часть Северной Родезии и берега реки Луиа, севернее города Тете в Мозамбике⁴.

Почти полностью истреблены эти животные на территории Южно-Африканской Республики, где последние дикие слоны уже давно пали жертвой англичан и буров. Остатки, примерно сто голов, сохранились только в Национальном парке Крюгера, этой огромной резервации, которая занимает территорию около 14 тысяч квадратных километров (она создана в 1926 году)⁵.

Индийский слон встречается в Индии повсюду — от подножия Гималаев до южных районов страны. Кроме того, он живет в Бирме, в Таиланде, на Малайском полуострове и на островах Цейлон, Суматра и Калимантан.

У СЛОНА МНОГО НАЗВАНИЙ

При исключительном разнообразии африканских языков обозначение слона в этой части света, разумеется, совершенно различно. В языке галла, на котором говорят южнее Эфиопии, для обозначения слона имеется слово «арба». На языке суахили, который особенно распространен в Восточной Африке, его называют тембо (а также нсову или надофу). Арабы зовут его фихл, племя гереро — ондион. В Индии слона называют гай, в Бирме — шанх, на Цейлоне (на сингальском языке) — аллиа, в малайских государствах — годжа.

А откуда происходит слово, которым обозначают слона немцы, — «элефант»? Истоки этого слова лежат в давно вымершем языке Индии — санскрите. На этом языке оно звучало «ифа», на Востоке ему был придан семитический артикль «эль», и в результате получилось «элифа». Через греческое «элифас» это слово переходит в латинское «элефантус», затем как «хельфант» — в народную и как «элефант» — литературную форму древне немецкого языка.

Ярким свидетельством популярности этого животного служит тот факт, что слово «слон» весьма часто встречается и в литературе, и в обиходном немецком языке. В словаре Кединга, составленном полвека назад

для нужд стенографии, «слон» (в разном употреблении) встречается столь же часто, как глаголы «убивать», «создавать», «изготавливать» или существительные «резина» и «действие». Среди всех экзотических животных только «лев» может соперничать со «слоном» по частоте словоупотребления. А среди домашних животных его превосходят только «лошадь» и «собака», что вполне естественно, но уже «кошку» он оставляет далеко позади.

БЕЗ ХОБОТА НЕТ ЖИЗНИ

Как обстоит у слона дело с чувствами и органами чувств?

На первом месте — превосходно развитое обоняние, которое дает ему возможность воспринимать запахи на расстоянии до пяти километров. Ни одному охотнику не удастся незаметно подобраться к слону с наветренной стороны! Органом обоняния служит одна из важнейших частей его мощного тела — хобот. И, наверное, не случайно хобот считают лучшим в мире аппаратом обоняния.

Известный путешественник Экли, бывший одновременно охотником, исследователем и коллекционером, а по роду службы — хранителем музея, заметил однажды у подножия горы Кения нечто похожее на дерево. Но дерево это суживалось книзу. В действительности же оно оказалось слоновым хоботом, свернутый конец которого, лежавший на земле, медленно, но непрерывно поворачивался из стороны в сторону: животное принюхивалось. Между прочим, когда слону надо принюхаться, он не всегда кладет конец хобота на землю. Иногда он задирает его высоко кверху и при этом двигает во все стороны. Разумеется, гигантский «нос» стремится обнаружить запахи не только врага, но и дружественных существ: слона-самца или же самки, детеныша или сторожа в зоопарке.

Однако при помощи хобота слон не только нюхает. Он служит ему и как шланг при водопое, и как рука. Хоботом он срывает с деревьев или поднимает с земли и отправляет в пасть все, чем он питается. Слон без хобота оказался бы обреченным на голодную смерть.

С анатомической точки зрения хобот представляет собой чрезвычайно гибкую ткань из жестких и едва

поддающихся ножу мускулов и сухожилий без костей. Если возникает опасность или же обстановка становится тревожной, слон спешно скатывает хобот и так защищает его.

Менее важное значение для слона имеет слух, еще меньшее — зрение. При благоприятном направлении ветра охотник, пользуясь прикрытием, может незаметно приблизиться к животному на сравнительно близкое расстояние.

Автор ряда книг об Африке Роберт Унтервельц однажды подошел к слону, которого он преследовал в течение семи часов по открытой местности (трава там едва доходила до колен), примерно на сто шагов. Хотя на охотнике был светлый костюм цвета хаки, животное при тихой безветренной погоде не обнаружило его. И все-таки в конце концов он догадался о присутствии человека, несмотря на то что тот вел себя совершенно спокойно, и умчался в чащу.

Слон никогда не полагается только на свои глаза — желая получить ясное представление о происходящем, он всегда подымает хобот. Если же он передвигается ночью, то опускает хобот до самой земли, как бы исследуя ее. Но при этом он не плетется, неуверенно нащупывая почву ногами, а ловко и быстро обходит все препятствия, уверенно минуя их на своем пути.

Из всех определений, применяемых к слону, слово «толстокожий» лишено каких-либо оснований. Отнесение слона к этой зоологической группе животных (а к ней принадлежат носороги, тапиры, бегемоты и свиньи) устарело, и обозначение «загоны для толстокожих», употребляемое во многих зоопарках, стало теперь архаизмом.

Конечно, кожа соответственно массе тела слона не тонка, но это отнюдь не твердая, нечувствительная неживая броня, а тонко чувствующий и уязвимый орган, за которым следует хорошо ухаживать. Как свидетельствуют точные подсчеты, поверхность кожи потрясюще велика. У слона средней величины (например, при высоте 314 сантиметров) она составляет не менее 34,8 квадратного метра.

Слон не «толстокожий» не только в физиологическом, но и в психологическом смысле. Он очень остро реагирует на всевозможные раздражения внешнего мира.

ДРУГ ВОДЫ

С водой у слона отличные отношения. Даже слонята и те во время странствий охотно пользуются каждым случаем смыть с себя пыль. Где бы ни нашлись лужа или колодец, слоны сразу же запускают туда хобот, набирают воды и обдают свое тело ее потоками. После купания или обливания они любят тереться о камни или стволы деревьев.

Зная любовь слонов к воде, не приходится удивляться тому, что они превосходные пловцы.

Сендерсон, руководивший в течение многих лет ловлей этих животных в Индии и являющийся одним из самых основательных знатоков слонов, рассказывает, как однажды ему пришлось перегонять двадцать девять прирученных слонов из одной части страны в другую. Хотя животные непрерывно плыли в течение шести часов, ни одно из них не утонуло, ни одно не отстало от группы, исчерпав свои силы.

Мастером плавания показал себя один мощный самец, который в 1906 году вырвался из увеселительного парка на Кони-Айленде, острове южнее Нью-Йорка, примчался к берегу и переплыл широкий пролив. Иногда слоны ныряют и даже остаются под водой несколько минут. В этих случаях они дышат через высунутый из-под воды конец хобота, который выглядит как перископ*. Европейских покупателей, посещающих расположенный в Сингапуре на Ганге рынок слонов, всегда особенно поражает, с какой легкостью сотни этих животных с погонщиками на спинах переплывают реку. Они без труда переплывают Ганг и в районе дельты, где он значительно шире.

В неволе слоны иногда в течение многих лет и десятилетий не имеют возможности выкупаться. Но, судя по всему, разлука с водой не может отучить их от любви к ней. Пятидесятилетний индийский слон Гарри, живший в Берлинском зоопарке, ни разу не купался в течение двадцати пяти лет. Однажды (это было в 1930 году) его пустили в загон, не обнесенный решеткой (загон этот — замечательная новинка зоосада). Настоящая сенсация для Гарри! Он тщательно ощупал

* Разумеется, этот «перископ» передает не изображения, а запахи, которые слон воспринимает очень остро.— *Прим. ред.*

концом хобота все новые предметы, попавшие в поле его зрения и обоняния, не оставив необследованным ничего, что казалось ему более или менее важным. Особенно заинтересовался он рядами шипов, которые были установлены перед рвом и вместе с ним ограждали загон. А нельзя ли перешагнуть через них? Гарри осторожно подошел к шипам, прижал задние ноги поближе к передним и предпринял попытку, которая, однако, окончилась неудачей. Затем его внимание привлек бассейн. Сначала он опустился у края бассейна на колени и попытался измерить его глубину хоботом. Потом решил войти в воду, непрерывно исследуя хоботом ступени, ведущие ко дну. Наконец он ступил ногами на дно и, оказавшись в воде, явно почувствовал себя великолепно. Слон обливался вволю и неоднократно нырял. В первый день Гарри погружался в бассейн не менее пятнадцати раз и после каждого купания сыпал себя песком. В дальнейшем он ограничивался одним купанием в день.

Количество воды, нужное слону для удовлетворения жажды, весьма велико. В неволе он выпивает ежедневно от ста до двухсот литров воды. За один раз он набирает в хобот от шести до восьми литров и выливает себе в пасть.

Удовлетворить потребность слона в воде в зоологическом саду, разумеется, не составляет большого труда. Но как обстоит дело в африканской степи, когда наступает засуха и на сотни километров вокруг нет ни одного водопоя? Надо сказать, что и в это время степь не совсем безводна. Исчезнувшая с поверхности земли вода находится на глубине одного-двух метров ниже дна дождевых ручьев. Слон не мирится с тем, что уровень воды в старых водоемах падает все ниже и ниже, так что они превращаются в лужу. Говорят, что в таких случаях он выкапывает ногами ямы и пробивает землю бивнями, однако это не совсем так. Слон настигает ускользающую воду своим хоботом, пробуравливая в песке колодец в полтора-два метра глубиной и тридцать сантиметров шириной. Когда туда начинает просачиваться вода, он всасывает ее. И так как для него ничего не значит вместе с более или менее чистой жидкостью отправить себе в пасть и порцию ила, то этот колодец с каждым днем все больше углубляется.

Слон требует обильной пищи. В природных условиях его хлеб насущный — сочная трава и листва. В неволе ему, как и большинству других животных, дают корм из заменителей. Обычно это овес, отруби, свекла, рубленая солома, сено и хлеб. О количестве потребляемой им пищи имеются различные данные. Пятнадцатилетний слон во Франкфуртском зоопарке получал ежедневно около 8 килограммов пшеничных отрубей, 5 килограммов хлеба, 18 килограммов сена и через день по 3 килограмма вареного риса. В зависимости от времени года он выпивал в день от 4 до 18 ведер воды. Слон, находившийся под наблюдением ветеринарного врача Шремпа из Баден-Бадена, потреблял ежедневно в среднем 3,5 килограмма овса, 3,2 килограмма отрубей, 30,5 килограмма сена, 2,2 килограмма хлеба⁶.

Если слону приходится работать, то потребность в пище у него значительно возрастает. В Индии слон съедает ежедневно по 365 килограммов пищи, что равно примерно одной десятой его собственного веса.

Слон располагает хорошим «вооружением». Своим хоботом он может без труда схватить человека, поднять его в воздух и швырнуть на землю. Эта серая кишка играет и роль мощной резиновой дубинки. Кто хоть раз испытал на себе ее удары, запомнит их на всю жизнь. Своим лбом и концом хобота слон может толкать и боксировать, а в качестве средства нападения он использует постоянно растущие бескорневые резцы — бивни. Они кажутся особенно опасными, однако практически слон пользуется бивнями как оружием довольно редко. Если же он пронзает ими человека, то не всегда делает это намеренно. Бывает и так, что разъяренный слон пробивает бивнями человека, прижатого к стене, лишь случайно.

В качестве оружия слон пользуется и своим весом, причем не всегда в последнюю очередь. Поверженного на землю врага он добивает мощными передними и задними ногами. Однажды в Сомали слон не удовольствовался тем, что растоптал ногами своего противника, итальянского князя, он еще сел на него своей задней частью и втер раздавленное тело в землю.

Многочисленные звуки, которые способны издавать слоны, не выражают у них, как и у других животных, ни сообщений, ни мыслей, это лишь проявления возбуждения, вызванного различными причинами. Лексикон этот выглядит примерно так:

легкое горловое урчание или слабое повизгивание из хобота — удовольствие;

мощный рев — страх;

короткий, резкий трубный звук — ужас;

глубокий, громыхающий горловой звук — неудовольствие, гнев;

пронзительный трубный звук — переход в нападение⁷.

ВЛЮБЛЕННЫЙ СЛОН

Почти до самого последнего времени полагали, что половая зрелость у слона наступает не ранее пятнадцатилетнего возраста. Но от этого мнения пришлось отказаться после того, как в Мюнхене в Хеллабрунском зоопарке появился на свет слоненок, родителям которого ко времени его рождения было десять и восемь лет. В момент зачатия им, следовательно, было всего восемь и шесть лет, так как беременность у слонихи длится свыше двадцати месяцев.

К интимной жизни животных нельзя подходить с человеческими понятиями. Отношения между полами у них складываются без участия психики, что, однако, не исключает возможности большего интереса самца к одной самке и меньшего — к другой. Если в распоряжении самца находится несколько самок, он, как правило, относится к ним по-разному: к одной проявляет величайшую симпатию, а к другой выказывает отвращение. Так, например, в зоопарке Гагенбека⁸ жил один молодой самец, который влюбился в юную самку. В научных целях Гагенбек всеми силами пытался «вбить клин» в этот брак. Но обоих животных нельзя было заставить отказаться друг от друга. Однажды возлюбленную увели и заменили другой, более старой самкой. Она не имела ничего против этого самца, но тот ее и знать не хотел и был в полном отчаянии от понесенной потери. Тем не менее у нас нет оснований рассматривать такую привязанность к отдельным особям как «любовь» в человеческом смысле слова. Отно-

шение одного животного к другому определяется не духовными качествами последнего, а внешними, чувственно воспринимаемыми явлениями, и прежде всего — его запахом.

Интересен вопрос об отношениях между африканскими и индийскими слонами. В общем оба вида как будто ладят друг с другом. Но иначе обстоит дело с инстинктивными склонностями. Известен случай, когда самец-африканец ни разу не приблизился к индийской слонихе. И все-таки, вопреки различным категорическим утверждениям, абсолютной антипатии в этом отношении не существует. Инспектор Дрезденского зоологического сада Кислинг рассказал мне, что африканский самец Юмбо неоднократно спаривался с индийской самкой Бирмой. Однако эта связь не имела никаких последствий, и, насколько мне известно, африкано-индийский метис слона еще никогда не появлялся на свет.

Долгое время полагали, что слоны из чувства стыдливости не спариваются в присутствии человека. Но рассуждения о существовании половой морали у слонов — лишь одна из многих антропоморфических легенд. Нет ни одного слона на свете, которому было бы дано жить по человеческому нравственному кодексу и который считался бы с тем, что надо щадить нежные чувства наблюдающих за ним людей. Спариванию обычно предшествуют взаимные объятия хоботами, животные лезут в пасть друг к другу.

Наступление яра у самца не связано с каким-либо определенным временем года, он может появиться когда угодно и обычно длится от одного до трех месяцев.

Примерно через три месяца после зачатия уже заметны первые внешние признаки беременности самки. В одном из наблюдавшихся случаев самка родила стоя. Младенец сразу же после появления на свет начал сосать; откинув хобот назад, он схватил вымя пастью.

На воле любовная пара слонов обычно удаляется от стада и ведет жизнь вдвоем. Но эта совместная жизнь длится недолго. Месяцев десять спустя, вероятно в момент, когда самка начинает чувствовать свою беременность, «брак» прекращается. Самка возвращается в стадо и друга-самца заменяет самкой — «тетей», с которой беременная слониха теперь неразлучна, как

раньше со своим самцом. Эта новая дружба основана на инстинктивном понимании того, что только вдвоем можно защитить новорожденного от всех опасностей, и прежде всего от тигра.

РОСТ — 3,75 МЕТРА

В неволе слоны доживают обычно до пятидесяти—шестидесяти лет (это очень легко установить), и их биологические фазы (детство, юность, зрелость, старость) по своей сущности и времени наступления поразительно сходны с человеческими.

Часто приходится читать, что на свободе слоны живут значительно более ста лет. В одном недавно появившемся справочнике (в общем надежном и отличном) предельный возраст слона определяется от ста пятидесяти до двухсот лет. Но кто установил такую продолжительность жизни, на какие факты опирается подобное предположение? Нет никаких оснований думать, что на свободе слон, подверженный всем опасностям джунглей, может жить дольше, чем в неволе, где его жизнь упорядочена и оберегается людьми⁹.

Несколько слов о росте слона. Рост новорожденного слона ненамного превышает метр. До третьего года жизни слонята ежегодно подрастают на 5—8 сантиметров, в последующие годы (до десятого) — на 20—25 сантиметров, а с десяти до двадцати двух лет — уже только на 5—10 сантиметров.

Африканские слоны выше азиатских. У самого крупного из всех когда-либо измеренных слонов (самца) высота достигала 3,75 метра. Рост самок колеблется между 2,75 и 3 метрами у африканских и между 2,3 и 2,5 метра — у азиатских¹⁰.

СЛОНЫ И СНЕЖНЫЕ ВЬЮГИ

Распространенность слонов в самых жарких районах земного шара как будто бы свидетельствует о том, что они привычны к зною, который им отнюдь не вредит. Однако это верно не во всех случаях. Слишком сильная жара явно вызывает у слонов недомогание. Как в Индии, так и в Африке у слонов наблюдались тепловые удары.

Слон неплохо переносит и весьма прохладную и даже холодную погоду. В районе высочайшей горы Африки Килиманджаро наблюдали слонов, застигнутых сильной вьюгой. Судя по всему, они не страдали от холода.

Слоны не боятся горных местностей. При всей своей массивности и кажущейся неуклюжести они отличные альпинисты и взбираются на такие горные тропы, по каким человек проходит с большим трудом. При крутом подъеме они подгибают передние ноги и выпрямляют задние, перемещая тем самым центр тяжести вперед. Если же предстоит крутой спуск, они медленно выставляют передние ноги, а затем осторожно подтягивают задние. Таким образом они спускаются в долину не бегом, а, скорее, скользя или скатываясь с горы. Удивительно, как спокойно и уверенно слон с седоком на спине пробирается через узкие высокогорные проходы, где с одной стороны — глубокие ущелья, а с другой — отвесные скалы.

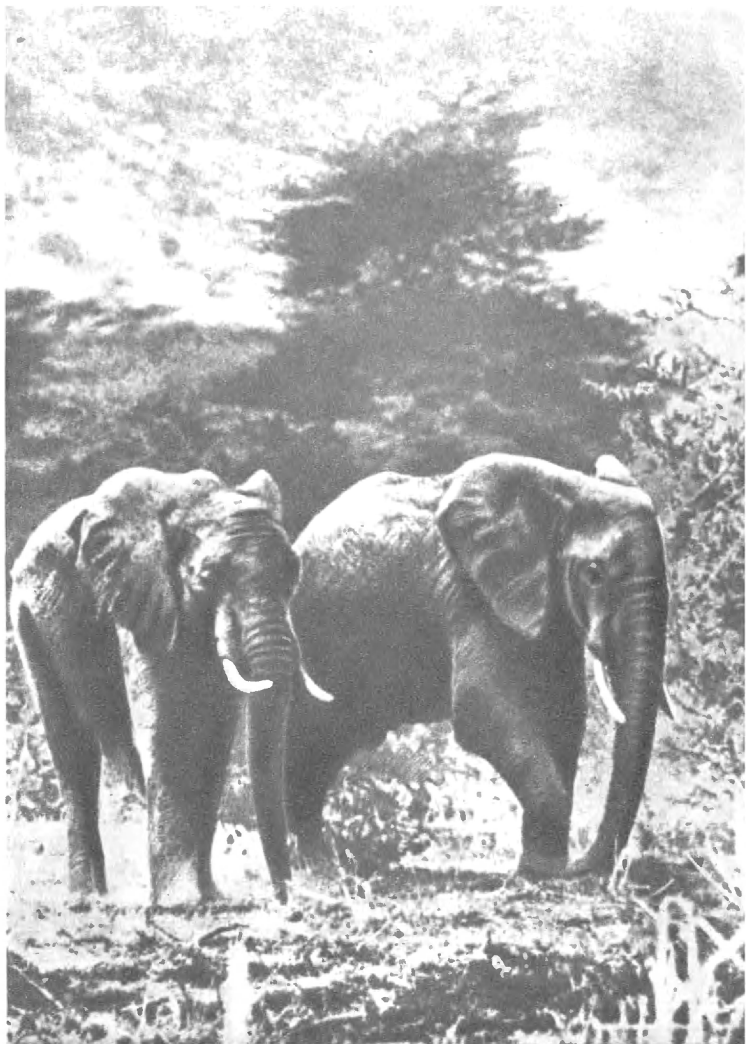
Во время второй мировой войны, при отступлении англичан из Бирмы, слоны, которых они вели с собой, поднимались в горах Чина* на высоту до двух тысяч метров. Но, конечно, они совершали этот подъем чрезвычайно медленно.

Индийский слон чувствует себя в горах так же хорошо, как и на равнине. Его можно встретить в горных местностях во все времена года иногда даже выше снегового барьера, на высоте до трех тысяч метров.

УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ СЛОНА

Об умственных способностях слона написано очень много, но, к сожалению, много наивного и неверного. Так писали люди, которые судили по смутным впечатлениям и никогда не занимались изучением психологии животных (правда, эта отрасль науки сравнительно молодая). Древние греки и римляне, разумеется, не могли научно объяснить психологию животных; и поскольку разные сказания о слонах возникли еще в глубокой древности, к ним следует относиться с осторожностью.

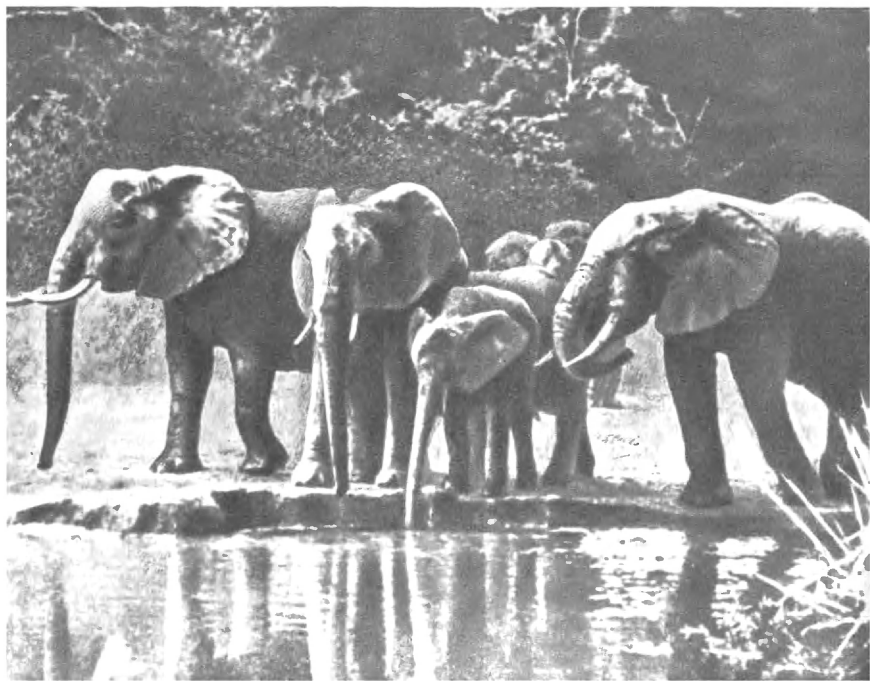
* Чин — особый автономный округ в составе Бирманского Союза. — *Прим. ред.*

Африканские слоны

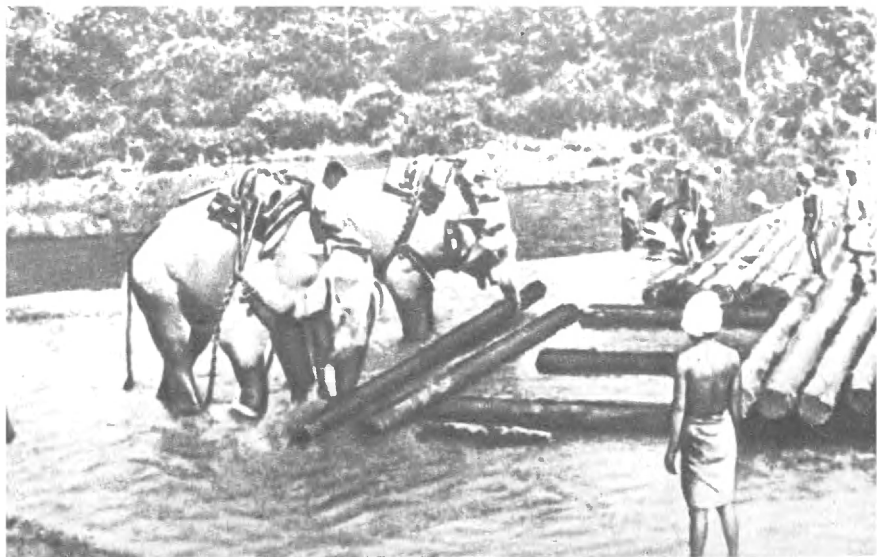
В африканском лесу

На водопое

Загнанных в крааль диких слонов связывают

На строительстве моста (Бирма)

За работой (Бирма)

Так, греческий военный историк Элиан будто бы видел слона, который умел хоботом воспроизводить латинские буквы, а римский естествоиспытатель Плиний сообщает о другом слоне, который мог писать по-гречески. В древности считали также, что слоны обладают великодушием, кротостью, честолюбием и даже испытывают религиозные чувства.

Вот несколько примеров старинных сказок о слонах:

«Злой мальчик дерзко уколол слона в хобот. Тот схватил проказника, поднял его в воздух, но потом осторожно опустил на землю. Ему просто захотелось как следует напугать мальчугана».

«Однажды слон, наказанный своим хозяином за нерадливость при обучении танцам, использовал лунную ночь, чтобы тайком поупражняться в этом искусстве».

«В Мавритании по ночам можно было видеть слонов, которые молились, давали обеты и посвящали себя культу луны».

В других случаях некоторым слонам приписывались благородные или, наоборот, низменные черты характера. Например, утверждалось, будто они добровольно лишали себя бивней только для того, чтобы не отдать людям драгоценную слоновую кость.

Все эти «наблюдения» приписывают слону свойство, которым он обладает в столь же малой степени, как и любое другое животное, а именно: сознательное мышление. У животных есть инстинкты, то есть они обладают врожденными свойствами, которые направлены на удовлетворение естественных потребностей, но проявляются совершенно автоматически, без осознания их целесообразности. Кроме того, животные могут накапливать и использовать свой индивидуальный опыт. На этой способности основана возможность приручения и дрессировки животных человеком. Но следует категорически отклонить мнение, что животные способны рассуждать, умозаключать и делать выводы, применять старый опыт в новых условиях. Этические критерии также чужды им. Они всегда стоят «по ту сторону добра и зла».

Животные, в том числе и слоны, обладают аффектами, которые могут находить себе параллели в человеческом поведении. Им ведомы любовь, ненависть, боль и радость. Они боятся наказаний и надеются на возна-

граждение. Но это не имеет ничего общего с «благодарностью» в человеческом смысле слова. В науке о психологии животных существует весьма разумный принцип подыскивать для мотивировки их поступков наиболее простые объяснения, а не притягивать эти объяснения из человеческой практики.

Между тем на этот счет заблуждались не только в древности; в новое и новейшее время также было достаточно много лишенных здравого смысла суждений о слонах.

В Африке существовало еще до недавнего времени множество ложных представлений о сущности и характере слонов. В сообщении одного путешественника можно прочесть, что в районе Голубого Нила какой-то шейх, поля которого случайно уцелели от набегов слоновых стад, уверял его, будто слоны обладают чувством справедливости. Он сам якобы использовал это их чувство, вывешивая на полях во время жатвы охранные грамоты, которые уважались этими благородными животными.

В распространении всяких нелепостей о слонах повинны и европейцы.

Так, например, в середине прошлого века в Швейцарии знатоком-«зоопсихологом» выступал некий церковный советник, профессор, доктор Петер Шайтлин, который считал, что вообще нельзя провести грань между слоном и человеком. «Слон, — утверждал он, — осознает все: пространство, время, форму, цвет, звук, слово, обстоятельства, личность, друга и врага. Поэтому о слоне вполне можно судить так же, как о человеке, и относиться к нему, как к человеку, а посему он может быть идеальным слугой».

Существует предание о слоне, который во время марша батареи спас от гибели упавшего артиллериста, мгновенно приподняв колесо катившейся на него пушки. Неплохо придумано! Предпосылкой для этого поступка умного животного должна была бы быть мысль — какую опасность представляет для солдата колесо, но именно такой способности предвидеть ход событий мы и не можем предполагать у слона.

Даже в специальных книгах о слонах, написанных в прошлом веке, как, например, в книге англичанина

Эндерссона «The lion and the elephant»*, наряду с интереснейшими наблюдениями содержатся и весьма сомнительные гипотезы. Так, Эндерссон сообщает, что однажды миссионеры, жившие в Эноне, копали ров, чтобы подвести в свои сады воду из реки. Когда работа еще не была закончена и ров еще не был наполнен водой, они слышали рев слонов и подумали, что один из них упал в ров. На следующее утро на дне рва они обнаружили следы слонов. Эндерссон предполагает, что пострадавший гигант был спасен своими собратьями и даже более того — члены какого-то настоящего «слонового комитета по оказанию помощи», кто лежа, кто на коленях, совместными усилиями осуществили эту спасательную операцию.

Что случилось в действительности, установить, конечно, трудно, но одно можно сказать с уверенностью: события не могли происходить так, как предполагал Эндерссон. Слоны ничего не предпринимают для помощи своим собратьям, попавшим в ров, и даже самки в подобных ситуациях не приходят на помощь своим детенышам (хотя бы путем утаптывания края рва), это установлено зоологами и директорами зоопарков совершенно определенно. Правда, такое наблюдение дало кое-кому основание заявлять, будто слоны «глупы». Но мы возразим на это, что «ум» слонов, их инстинктивный «ум», состоит в том, чтобы распознавать обычные опасности и избегать их. Ров находится вне сферы их естественного опыта, это человеческое «умничанье», которое им «не по разуму». Кто захочет, может обучить слонов стаптывать края рва. Сами же по себе они не в состоянии понять суть этой техники, и совершенно нелепо усматривать в этой их неспособности «недостаток ума».

С другой стороны, следует считать доказанным, что помощь слонов своим раненым собратьям возможна. Когда однажды Экли подстрелил в стаде самца, раненое животное сначала бросилось бежать вместе со всем стадом, но затем рухнуло наземь. Экли, забравшийся на постройку термитов, видел, как десять—двенадцать слонов при помощи хоботов и бивней упорно, но тщетно пытались поднять раненого товарища на ноги. Это

* «Лев и слон» (англ.).

наблюдение не единично. Очевидцем подобной картины был и Джонсон. В описанном им случае два слона стали по обе стороны тяжело раненного товарища, и тот, подерживаемый ими, шатаясь, скрылся в лесу. Это поведение слонов заслуживает внимания, тем более что животные вообще не только не заботятся об отклоняющихся от нормы особях, особенно о больных и раненых, но преследуют их и даже убивают. Тем не менее слон в роли самаритянина также не может служить доказательством наличия «умственной жизни» у животных. Мы полагаем, что слонов побуждает совершать доброе и милосердное дело совсем не чувство морального долга, они помогают друг другу лишь в силу инстинктивного, не доходящего до их сознания стадного чувства, которое подсказывает им необходимость сохранять силу стада. К тому же взаимопомощь — отнюдь не общее правило у слонов.

Не следует также придавать значения рассказам, согласно которым прирученные слоны, как утверждает, например, англичанин Эмерсон Теннтен, проявляют «полное понимание всех событий», происходящих на их работе. О том, как прилежно они выполняют свою работу на лесопильных заводах и т. п., будет подробно рассказано в одной из следующих глав. Однако все это лишь результат дрессировки. Если же происходит какой-нибудь непредвиденный случай, слоны теряются и становятся беспомощными. Тем самым они показывают, что хотя и умеют образцово выполнять приказания своих хозяев, но не имеют ни малейшего понятия о смысле производимой ими работы.

Иногда можно наблюдать, что слоны пользуются неким подобием орудий. Так, например, они обвивают хоботом толстые ветки и достают этими ветками корм, до которого не могут дотянуться иным способом. Здесь, несомненно, имеется стремление достигнуть цели. Но при этом совершенно очевидно и то, что направление этой цели определяется весьма приблизительно и часто желанный предмет таким способом не только не подтягивается, а даже отталкивается.

У слонов сильная потребность время от времени чистить кожу. На воле они обычно трутся спиной (особенно после купания) о стволы деревьев. Но еще никогда не приходилось наблюдать, чтобы известные

им весьма примитивные приемы употребления орудий распространились бы на использование веток и жердей для чесания спины.

Остается только добавить, что у нас не было бы оснований считать, будто у слонов имеется разум, даже если бы они с величайшим мастерством и, более того, с виртуозностью пользовались ветками в качестве орудий. Употребление животными орудий не доказывает наличия у них абстрактного мышления, ибо иногда даже самые низкоорганизованные существа используют в своих целях предметы окружающего мира. Например, муравьи-ткачи применяют свои ткущие личинки в качестве челноков, песчаная оса *Amorphila* утрамбовывает камешком песок, преграждающий путь в ее гнездо. Но кто поверит, чтобы такие действия, присущие всем животным данного вида, совершались ими с полным сознанием их целесообразности!

УМЕЛ ЛИ МАМПЕ РИСОВАТЬ?

В Берлинском зоопарке находился карликовый слон из Конго по кличке Мампе. Он умел пользоваться палкой и употреблял этот «инструмент» следующим образом: царапал палкой грунт, и на песке возникала неразбериха линий. Сторожа говорили: «Мампе рисует». Однако в высшей степени спорно, чтобы животное водило палкой по земле с намерением начертить какие-либо фигуры. Объяснить это скорее можно тем, что игра с палкой доставляла слону удовольствие, а линии являлись не обдуманым, а случайным и вообще незаметным для него побочным результатом.

Отрицать «рассудок» у слонов вовсе не значит отрицать у них способности сообщаться друг с другом (такая же способность имеется у пчел, муравьев и термитов). Исследователь Африки Штейнгардт сообщает, что однажды он подстрелил у водопоя слона-одиночку. Животное протащило еще пять километров и рухнуло. С этого дня четыре стада, регулярно пользовавшиеся этим водопоем, перестали приходить к нему. Штейнгардт подчеркивает, что раненый слон не потерял ни капли крови. По мнению Штейнгардта, настороженность животных объяснялась не тем, что их испугал запах крови, а своеобразной «телепатической связью».

Другой исследователь Африки, уже упоминавшийся нами Мартин Джонсон, предполагает, что весьма жесткие волосы, растущие у слонов в ушах и ноздрях, служат им в качестве антенн, которые в состоянии посылать и принимать колебания. Это предположение вызывает у нас самые серьезные сомнения*.

КОРОТКАЯ ИЛИ ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ?

Память у слона обычно считается образцовой, и мы не собираемся здесь опровергать мнения, что он способен длительное время, возможно даже многие годы, помнить об определенных событиях, произведших на него особенно сильное впечатление. Однако надо отметить, что подопытные слоны не очень-то хорошо справились с задачей, когда потребовалось запомнить один из пяти ящиков, удаленных на равное расстояние, — а именно тот, в который только что или несколько секунд назад был положен корм. Приподнимать хоботом крышку ящика они привыкают, как правило, сразу. Когда же дело заключалось в том, чтобы найти нужный ящик непосредственно после приманивания, примерно три четверти всех опытов оканчивались неудачей. Даже самый короткий интервал немедленно ухудшал результат, а через пятьдесят секунд уже ни одно животное не могло припомнить нужный ящик. Извинением слонам служит прежде всего то, что на воле им в отличие от плотоядных животных никогда не приходится прятать и вновь находить свою пищу (она сама в неограниченном количестве просится им в рот). Следует учесть также, что спрятанный хлеб привлекает их значительно меньше, чем кусок мяса — волка, собаку или льва.

Однако на основании эксперимента с ящиком, как бы он ни был интересен сам по себе, нельзя еще сделать вывода о короткой памяти у слонов. Об этом свидетельствует другой опыт, при котором требовалось запомнить, что в бумажном мешке, лежащем всегда на одном и том же месте, было спрятано полбуханки хлеба. В процессе опыта выяснилось, что только одна самка

* Щетинистые волосы, о которых упоминает Джонсон, — это органы осязания, вибриссы. Они есть у многих животных. — *Прим. ред.*

даже через два дня помнила о находке, сделанной ею, и снова обыскала мешок. Остальные животные показали гораздо худшие результаты.

В другом случае испытывались комбинационные способности слонов. Они были посажены на цепь, прикрепленную к задней ноге, и таким образом ограничены в свободе передвижения. Перед ними клали несколько реек, передние концы которых можно было схватить хоботом. В противоположный конец одной из реек (каждый раз другой) вбивали гвоздь и на нем укрепляли репу. Одному из подопытных слонов никак не удавалось внушить, что именно он должен сделать. Другие же догадывались, что дело касается чего-то съедобного. Но и они только спустя длительное время сообразили, что лучше всего притянуть к себе рейку и снять с нее репу. Один слон, например, пытался засунуть себе в пасть всю рейку. Этот эксперимент служил также и для определения остроты зрения животных. Когда репа находилась на расстоянии двух с половиной — трех метров, они различали ее вполне хорошо. При расстоянии же от четырех до пяти метров результаты были значительно хуже.

«МНЕ ЦЕПЬ МОЯ ТЯЖКА»

В художественной литературе нередко можно встретить упреки по адресу слона за то, что после приручения он с такой «бесхарактерностью» покорно служит своему поработителю — человеку и зов джунглей не находит в нем отклика. Английский поэт Киплинг рисует чувства слона, охваченного жаждой свободы и осознавшего «позор своего унижения», заставляя его произносить следующие прекрасные и полные достоинства слова:

Я помню, кем я прежде был, мне цепь моя тяжка,
Я помню всю лесную жизнь и силу юных дней.
Я не хочу служить, как раб, за ворох тростника,
Я уйду домой, к зверью, подальше от людей.
Я уйду в ночную темь до наступленья дня.
Приму я ветра поцелуй и ласку чистых вод,
Я позабуду, как ходил, ножным кольцом звеня,
Я навещу своих друзей, не знающих господ! *

* Перевод с английского М. Кондратьевой (из книги Р. Киплинга «Слоновый Тумай». М., 1937). — *Прим. ред.*

Так, казалось бы, должен думать слон. Но нет, не слон так думает, а Редьярд Киплинг — поэт, а не зоопсихолог. Он полагает, что слоны способны думать именно так.

Поразительно, что прирученный слон не проявляет ни малейшей симпатии к своим только что пойманным собратьям. Мало того, при всех условиях, даже когда превосходство в силе явно на стороне этих животных, он выступает против них вместе с человеком, иногда оказывая человеку весьма основательную помощь в укрощении диких слонов.

Но самым убедительным аргументом против Киплинга служит тот факт, что прирученные слоны, выпущенные на волю или сбежавшие, явно не воспринимают возвращение в естественные условия как избавление, напротив, они не знают, что им делать со своей вновь обретенной свободой.

СВОБОДА НЕ МАНИТ СЛОНОВ

Однажды в Ару (бассейн Конго), со станции, где приручались слоны (о ней подробно будет сказано ниже), сбежала известная своей буквально овечьей кротостью самка Альберта. Розыски были безуспешны, найти Альберту не могли. Восемь дней спустя животное вернулось на станцию по доброй воле.

В другом случае хотели выпустить на свободу одного захромавшего самца. Но никак не удавалось заставить его покинуть станцию. Пытались даже выгнать его с территории силой, но каждый раз он вновь направлял свои стопы к входным воротам. В конце концов пришлось примириться с его хромотой и использовать слона в дальнейшем как наставника еще не прирученных животных.

В первоначальный период существования этой станции, когда она находилась в Апи, обычно в период дождей, длившийся четыре месяца, выпускали всех прирученных животных в лес. По имеющимся сведениям, встречи слонов в лесу со своими вольными товарищами вовсе не были трогательными, а, наоборот, довольно сдержанными. Вернуть слонов на станцию, в непосредственной близости от которой они постоянно пребывали, не составляло никакого труда, и они без вся-

кого напоминания приступали к выполнению своих прежних обязанностей.

С точки зрения человека, несомненно, весьма странно выглядит картина, когда два слона, послушно подчиняющиеся человеческой воле, шагают один впереди, а другой позади, и между ними, дико и неистово сопротивляясь и тщетно пытаясь избежать неволи, идет третий, привязанный к ним канатами и шлеями.

Понимают ли прирученные слоны недостойность своего поведения? Не приходит ли им в голову мысль вместе со своим собратом вернуть утраченную свободу? Нет, все эти соображения так же мало свойственны слону, как и собаке, когда она защищает своего хозяина от нападения другой собаки.

Животные могут быть солидарны. Солидарность даже играет в их жизни выдающуюся роль. Но они не способны размышлять по поводу этой солидарности, они так же мало думают о ней, как и о ее противоположности — измене чувству общности.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В связи с этим пусть автору будет позволено сделать одну оговорку. Ему известно, что животные отнюдь не «маленькие люди» и к их действиям нельзя подходить просто с человеческими масштабами. Нельзя говорить, что змея (как вид) не «умна», а пчела (как вид) не «прилежна». На свете нет ни одного вида животных, за которым можно было бы с полным правом признать какие-либо человеческие качества.

Все виды животных таковы, какими они сложились в зависимости от окружающих их условий внешней среды и их жизненных потребностей. В целом их конституция всегда целесообразна. Но человеческие свойства не имеют к ним никакого отношения. У животного никогда не бывает человеческих мыслей, а действия его всегда направлены не на осуществление каких-либо идей, а на удовлетворение инстинктов.

Если же читатель все же иногда наткнется в этой книге на утверждение, что этот слон «добродушен», а тот «злобен», или на замечание, что львы и леопарды в противоположность «дружелюбным» жирафам — «бандиты с большой дороги», то это ни в коем случае

не означает сползания на позиции решительно отклоненного нами антропоморфизма, то есть приукрашающего действительность очеловечивания животных.

В таких случаях лишь подразумевается, что поведение тех или иных животных, если бы на их месте находился человек, должно было бы характеризоваться именно данным выражением.

Автор этих высказываний неизменно отдает себе ясный отчет в том, что животное никогда не может рассматриваться как добродушное или злобное, как дружелюбное или как убийца. Животные никогда не совершают поступков обдуманно, действия их всегда имеют в своей основе другие причины: биологическую предрасположенность, стремление удовлетворить инстинкт или использовать имеющийся опыт.

Автор настойчиво подчеркивает эти существенные оговорки, но, доверяя читателю и рассчитывая на его согласие, просит разрешить ему время от времени пользоваться для оценки поведения животных выражениями, применяемыми по отношению к человеку. Предосторожности ради он будет заключать их в стыдливые кавычки.

ВОПЛОЩЕНИЕ МОЩИ

В заключение этой вступительной главы зоологического характера еще несколько слов о прошлом слона. Ведь слон, как и любое другое живое существо, имеет свою длительную историю развития.

Родоначальником слонов является живший в ранний третичный период праслон меритерий, именуемый так по месту обнаружения его останков — озеру Мерис в Египте. Этот предок современного слона был ростом даже меньше пони, но уже имел короткий хобот. Выглядел он примерно так, как в наше время выглядит тапир. В течение миоцена и плиоцена (подразделений третичного периода) развитие его шло по линии все большего увеличения размеров и привело к появлению мамонта.

В силу своей видовой самостоятельности мамонт не может рассматриваться как непосредственный доисторический предок слона, однако, без сомнения, он близок

к нему и является его характерным предшественником.

Много тысяч лет назад мамонт исчез с лица земли, на которой он когда-то жил вместе с первобытным человеком, а также с доисторическими животными вроде бескрылой птицы динорнис, гигантского оленя, пещерного медведя и пещерной гиены. Но до сих пор слово «мамонт» продолжает служить в нашем языке символом мощи и гигантских размеров.

Однако следы существования мамонта на земле можно найти не только в этом отвлеченном представлении, которое составил себе о нем человек, но и в сохранившихся вещественных останках. Были обнаружены скелеты мамонта, например в Штейнгейме-на-Муре, и даже трупы с полностью (или почти полностью) сохранившейся мякотью. В этих случаях климатические условия были благоприятны и ледяной покров способствовал их консервации (как это наблюдалось в Северной Сибири).

Находки останков мамонта имеют свою историю, уходящую в далекое прошлое. Мы не станем касаться ее здесь. Но при одном описании такой находки покажем обстоятельства, которые сопутствовали ей, а также ее предысторию и ее результаты.

Однажды, примерно в период существования древнего пещерного человека, какой-то мамонт, обитавший в Северной Сибири, отправился на поиски корма. Попытка определить его вкус может показаться слишком смелой, но мы точно знаем, чем он любил лакомиться: тимьяном, лютиком и северным маком, ибо спустя несколько тысячелетий было определено, что у него в пасти находились остатки именно этих видов растений.

Итак, наш мамонт бродил по леднику, который протянулся на многие километры вдоль реки, именуемой ныне Березовка. Неожиданно гигант оказался жертвой несчастного случая. Он провалился в ледяную щель, сломал себе верхнюю часть правой передней ноги и отправился на тот свет так поспешно, что даже не успел прожевать пищу, которую запихнул себе в пасть.

ЧТО ОТКРЫЛ ТАРАБЫКИН ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ

Миновали тысячелетия. В августе 1900 года вблизи места, где в доисторические времена произошел сей несчастный случай, охотились ламуты*. Один из них, по фамилии Тарабыкин, вместе со своей собакой выслеживал лося. Но собака вдруг повела себя странно. Она приблизилась к смерзшейся массе земли, которая сместилась из-за происшедшего недавно оползня. Ее внимание, по-видимому, привлек труп какого-то животного, выступающий из-под земли. Тарабыкин внимательно оглядел сделанную собакой находку. Он различил колоссальную голову с огромным носом и бивнем. Собака уже предвкушала хорошую поживу, но хозяин ее почувствовал что-то неладное. Не решившись притронуться к трупу, он продолжал охоту. На другой день он рассказал об этом странном случае двум своим товарищам. Те оказались не столь боязливыми. На следующее же утро они вместе с Тарабыкиным возвратились на место находки. Труп животного выглядел точно таким, каким описал его Тарабыкин, и они тоже с удивлением разглядывали его. Особенный интерес вызвал у них только высовывающийся из земли бивень, ценность которого была вполне очевидна. Ударами топора они отделили его от головы. Две недели спустя в Нижне-Колымске, недалеко от Северного Ледовитого океана, трое ламутов выменяли этот бивень на товары. Их партнером по сделке был казак, которого в свою очередь заинтересовало, откуда этот бивень. Он слышал, что Петербургская академия наук выплачивает большие премии тем, кто находит останки мамонтов, и не прочь был получить такую премию. Поэтому он отправился с охотниками на место находки, убедился там, что их сообщение правильно, и известил об этом власти.

Вскоре Петербургская академия наук направила туда экспедицию. Кроме двух русских в нее входил и один немец — штутгартский палеонтолог Пфиценмейер. В течение шести недель ученые вели раскопки. Мясо, которое они извлекали из ямы, имело темно-крас-

* Ламуты — старое русское и якутское название эвенов.—
Прим. ред.

ный цвет и, пока было заморожено, выглядело очень аппетитно. Когда же оно оттаяло, то сразу стало дряблым и серым и начало распространять отвратительный аммиачный запах. Не приходится удивляться, что палеонтологи отказались изжарить из него шницель, как бы ни велико было искушение похвастаться, что хоть раз в жизни ел жаркое из мамонта. И все-таки в Северной Сибири нашлись тогда два живых существа, которым мясо доисторического животного пришлось по вкусу. То были собака экспедиции и сойка, которая совершенно неожиданно села на голову собаке и стащила у нее лакомый кусочек.

Результаты раскопок — тысяча килограммов останков мамонта — были затем погружены на десять саней и проехали шесть тысяч километров пути в тогдашний Петербург, где их выставили в Зоологическом музее Академии.

КАК ВЫГЛЯДЕЛ МАМОНТ?

Каков был внешний вид мамонта? Совсем не такой «мамонтоподобный», каким мы представляем его сегодня, когда слышим это слово. Рост березовского мамонта был 2,8 метра и длина от кончика бивня до первого хвостового позвонка — 4,05 метра, длина бивня — от 2 до 2,5 метра, весил бивень 100—125 килограммов. Размеры и вес вполне внушительные! В общем плейстоценовый мамонт по величине и весу в среднем превосходил современного слона, однако же различия между ними не слишком значительны. Все тело его и даже хобот были покрыты густой длинной шерстью ржаво-коричневого цвета. Она служила великолепной защитой от холода. Мамонту не приходилось мерзнуть и при 30—40 градусах ниже нуля. Уши у него были меньше даже, чем у индийского слона, а бивни более загнуты.

Родство между мамонтом и индийским слоном бесспорно доказано анализами крови.

Остается еще выяснить, почему мамонты не живут в наши дни. Что касается южных районов, можно предположить, что причиной гибели этих гигантов были преследования, которым они подвергались со стороны доисторического человека. Красноречивыми свидетель-

ствами огромных масштабов охоты на мамонта служат бесчисленные стойбища охотников, обнаруженные в Чехословакии, Польше и в южной части Советского Союза. Доисторические люди охотились на мамонта при помощи копья и гарпуна, они устраивали также ямы-западни. Истребление мамонта закончилось примерно пятнадцать тысяч лет назад. Древние находки свидетельствуют о том, что с этого времени оружие охотников изменилось и важнейшим объектом охоты стал северный олень, особенно распространенный тогда в Средней Европе. В северных районах причиной исчезновения мамонтов было, по-видимому, обеднение флоры, приведшее к оскудению их питания,

II

НА ПРОСТОРАХ ДЖУНГЛЕЙ

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ СТАДА

Каждый слон, живущий в джунглях Азии или в степях Африки, повинуется всем инстинктам своего рода, но в то же время он и самостоятельная индивидуальность, имеющая свои собственные черты характера.

Очень редко можно встретить обособленную семью слонов, состоящую из самца, самки и слонят (причем, разумеется, еще требуется установить, что слонята эти именно от данного самца). Как правило, многие семьи, особенно имеющие слонят одного возраста, объединяются в стада. Численность их обычно составляет от двадцати до тридцати голов, но встречаются и гораздо более крупные¹¹.

Экли сообщает об одном стаде, которое, по точным подсчетам, насчитывало свыше семисот голов. Это стадо прошло вдоль опушки леса за пятнадцать минут. Густую траву и кустарник, росшие здесь, слоны вытоптали наголо.

Несомненно, у слонов, как и у людей, существуют симпатии и антипатии, вне зависимости от того, находятся ли они на свободе или в неволе. Отдельные экземпляры явно тяготеют друг к другу, и их всегда можно видеть вместе.

Когда стадо проходит через девственный лес, слонам не составляет никакого труда пробираться сквозь подлесок высотой два-три метра. Люди, путешествовавшие по Африке, всегда удивлялись, с какой легкостью ломают слоны сучья толщиной в руку. Если слоны проходят через бамбуковый лес, вокруг раздается сплош-

ной треск и хруст подмятых стеблей. Вообще же эти тяжеловесные животные со столь неуклюжей внешностью передвигаются удивительно бесшумно.

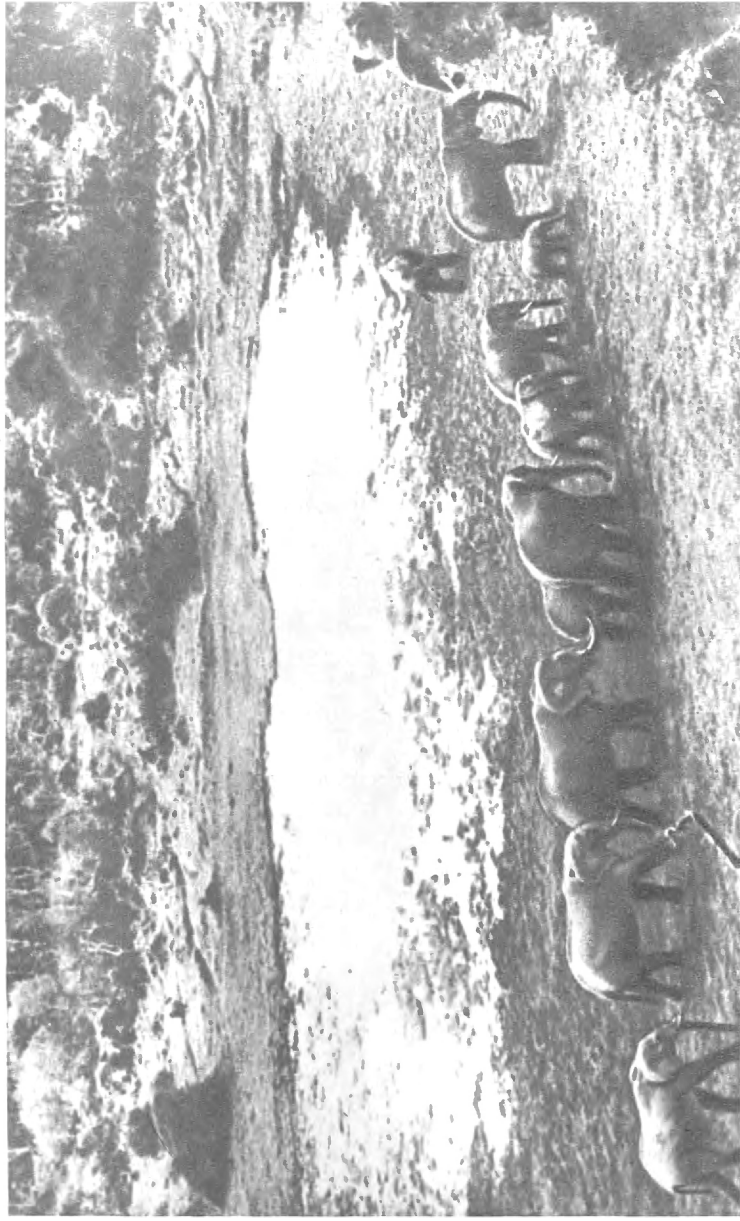
Нога слона достойна удивления не в меньшей степени, чем хобот. Она покрыта мешкообразной кожей. Весьма характерное ее свойство — при нагрузке несколько отекает, а при снятии ее сокращается в размерах. Благодаря этому слон вытягивает ногу, угодившую в болото, не испытывая его засасывающего действия. Мускульная сила, которую слон должен затрачивать, когда просто стоит, несомненно, очень незначительна, этим и объясняется тот факт, что он может продолжительное время держаться на ногах, не испытывая усталости. Однако же утверждение Экли — не всегда достаточно точного и временами слишком смелого в своих суждениях, — будто слон может непрерывно ходить и стоять в течение ста лет, весьма сомнительно.

Бесшумная походка слонов объясняется тем, что на пальцах их ног есть мягкие, словно резиновые, подушечки. Эти пальцы составляют переднюю часть ступни слона, задняя же часть образуется высоко отогнутыми назад костями, под которыми находится желеобразная масса, обладающая качествами превосходного амортизатора: благодаря ей слон ходит как бы на мягких и пружинящих подушках. Тем не менее, если приложить ухо к земле, то в радиусе полутора километров приближение слонов воспринимается как легкое землетрясение. Знатоки сразу отличают эти характерные сотрясения от звуков, вызываемых приближением других животных, например буйволов, бег которых сопровождается таким звуком, будто их копыта косят траву.

Слоновые тропы в девственном лесу и в чаще бамбуковых зарослей довольно своеобразны. Собственно говоря, только они и дают человеку возможность продвигаться по этим местам. Существуют тропы, которыми слоны пользовались в течение столетий. Животные нередко оставляют там свои характерные пометки: например, протертые до середины стволы деревьев или местами отшлифованные камни.

Конечно, слоны не всегда и не везде пользуются традиционными тропами. В некоторых районах они постоянно меняют свои пути, к этому их явно побуждает

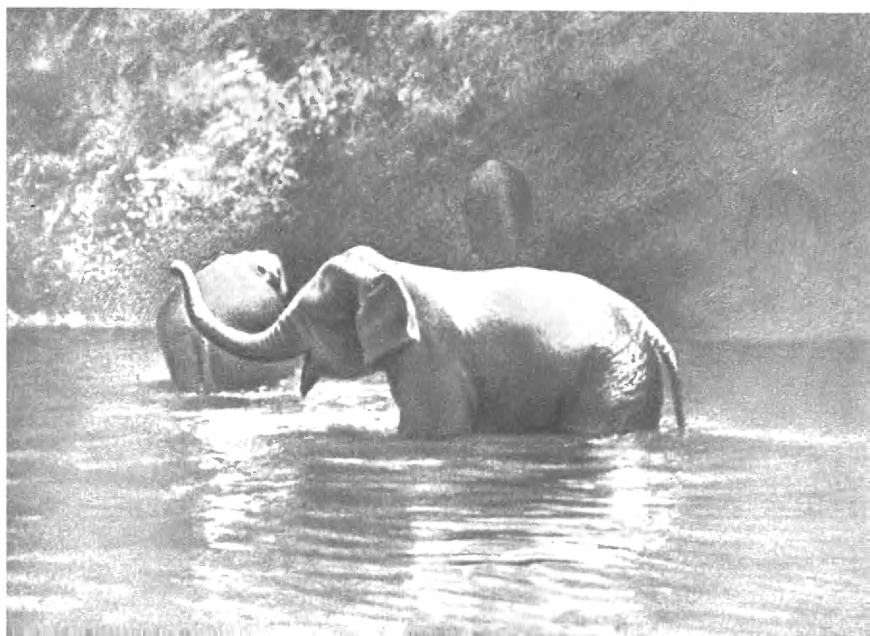
Стадо слонов в Кении

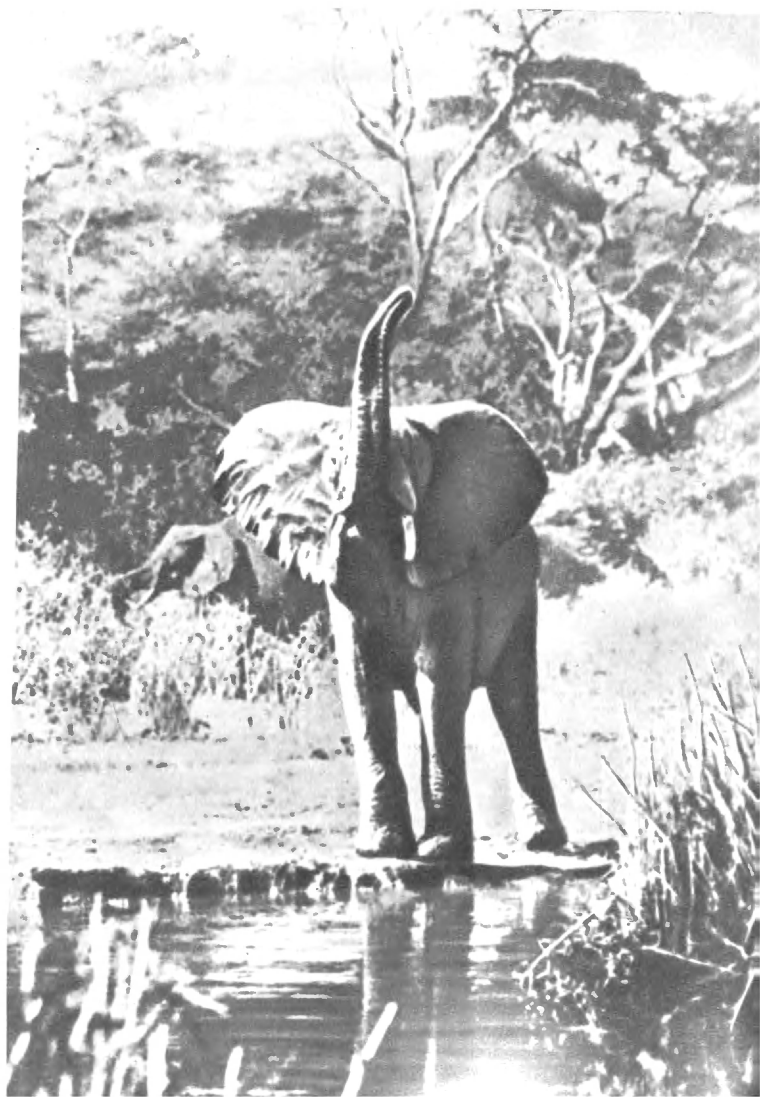

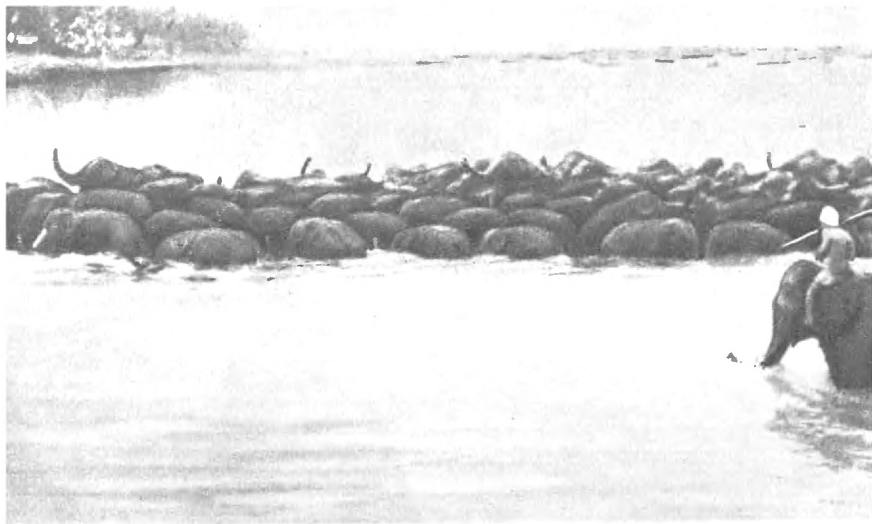
Слоны со слонятами

Слоны купаются:

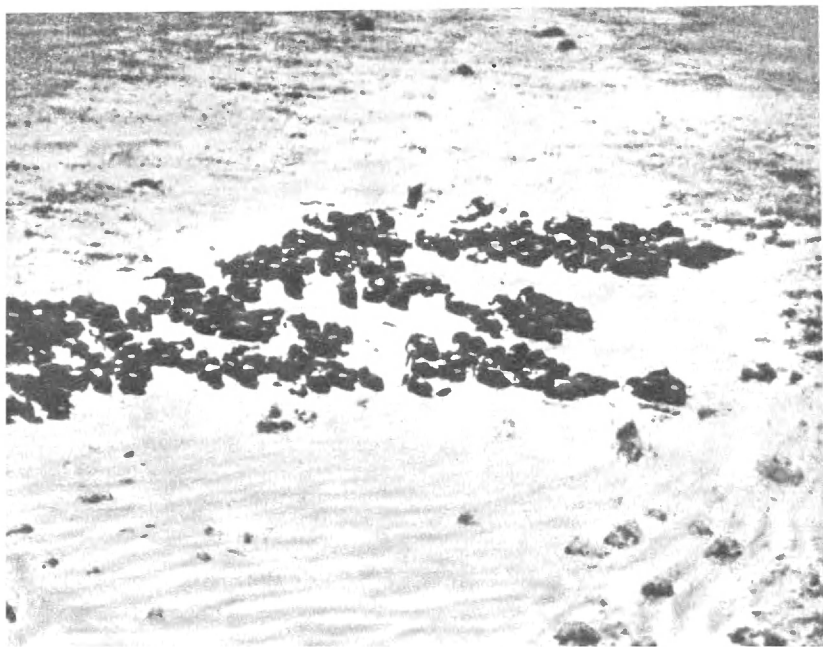
«Часовой» у водопада

Индийские слоны переплывают реку

Бегущее стадо

горький опыт общения с людьми, которые преследуют их и которым они не желают выдавать своего местопребывания.

Стадо слонов, по всей вероятности, не представляет собой замкнутую группу, и чужеродные элементы, по каким-либо причинам отбившиеся от собственного стада, принимаются в новое без всяких затруднений. Иногда обособленные стада образуют только самцы или самки, и такая изоляция нарушается только в период спаривания.

Наиболее спокойная часть дня у слонов — полдень. В это время они не бродят и не едят, как в остальные часы, а отдыхают, стоя в тени чащ. Некоторые самцы в часы отдыха кладут свои бивни на кроны деревьев. В таком положении они напоминают людей, устраивающихся поудобней. Правда, не все стоят совершенно неподвижно, большинство топчется на месте или меняет свое местоположение в группе, но происходит все это очень медленно и осторожно. Ни одно из животных не выходит за пределы тесного круга, образуемого определенной группой деревьев.

Несомненно, каждое стадо слонов имеет своего вожака, однако еще не вполне ясно, существует ли какая-нибудь закономерность в отношении его пола. Общее мнение всех знатоков таково, что в момент опасности вожаком становится самец, который возглавляет атаку или отступление. Если же противнику удастся устранить вожака, то, по свидетельству Экли, атака неизбежно останавливается. «Я никогда не слышал, — сообщает он, — чтобы слоны, после того как их вожак убит, продолжали атаку, и не верю также в то, что когда-нибудь услышу об этом».

В обычные же спокойные времена как в Африке, так и в Индии, стада, по-видимому, возглавляются старой, в большинстве случаев даже совсем древней, мощной самкой. Во время стоянки она вытягивает свой хобот против ветра и вынюхивает, нет ли вблизи чего-нибудь подозрительного. Как только направление ветра меняется, она поворачивается в другую сторону. Если слоны отправляются в путь, то время отправления и направление определяются ею. Передвигаются они обычно гуськом. Особенно строго слоны придерживаются этого порядка в лесу, менее строго — в степи. Одно

животное следует за другим, и обычно слониха-мать, а также другие слоны помогают малышам, что производит весьма трогательное впечатление.

ШАЛОВЛИВЫЕ СЛОНЯТА

Малыши слонята ведут себя в высшей степени забавно. Те, кому довелось видеть странствующих слонов, неизменно рассказывают, что просто нельзя наглядеться на потешных слонят и на их смешные выходки. Так же, как и шаловливые дети, они выскакивают из колонны, резво носятся по кругу и что только не вытворяют. Так же, как детей, когда они слишком разойдутся, их одергивают старшие, шлепая хоботом или награждая добродушными пинками.

Однажды наблюдали, как слонята сделали себе из глины мяч и значительную часть пути гнали его перед собой. Эти же слонята в другой раз затеяли с буйволятами веселый спор, который, однако, не понравился лишенным «чувства юмора» мамашам-буйволицам, и те просто-напросто прогнали слонят.

Один из путешественников по Африке был свидетелем действительно забавной сцены, представлявшей в то же время подлинную идилию девственных лесов. В одном пруду семнадцать самок утоляли жажду вместе со своими слонятами. При этом малыши не столько пили, сколько резвились и играли: обливали друг друга, трубили в воду. Позади стояло другое стадо, весьма дисциплинированно ожидавшее своей очереди. Однако какой-то слоненок из этого стада нарушил молчаливое соглашение. Он прошел вперед, шмыгнул между чужими самками, растолкал их слонят, плюхнулся в воду и начал так бултыхаться, что замутил весь пруд. Самки первого стада вовсе не собирались оставить подобную наглость безнаказанной. Посыпались удары хоботами, заставившие дерзкого шалуна поскорее вернуться во свояси.

Если слонятам грозит опасность, они спешат укрыться под туловищем матери. В случае переполоха и толчеи они продолжают пребывать в этом положении, согласуя свои движения со всеми движениями старших.

Совсем крохотных слонят, не более двух-трех месяцев от роду, в особых случаях, если спасти их иначе

нельзя, мать обхватывает хоботом, словно берет под мышку, поднимает вверх и уносит. Поистине трогательная картина! В Бирме одному европейцу довелось увидеть, как слониха подобным образом спасла своего детеныша от бурного, с каждой минутой все более опасного горного потока, который увлекал его как щепку. Беспомощно барахтаясь в воде, малыш страшно кричал. Еще немного, и он был бы унесен потоком. Когда мать поставила детеныша на землю, она настолько обессиела от напряженной работы, что сама упала в воду и еле выбралась на берег.

В течение трех-четырёх лет слоненок следует за матерью, не отходя от нее ни на шаг, и весь этот период продолжает сосать ее молоко. В дальнейшем он все больше и больше пренебрегает материнскими сосцами, находящимися между передними ногами, и когда достигает возраста пяти или шести лет, уже сам обеспечивает себя кормом.

БУДНИ СТАДА

Как проходит жизнь слоновьего стада в джунглях?

Важнейшую роль играют, само собой разумеется, поиски корма. Обычная пища слонов — это листья деревьев, которые они проглатывают вместе с ветками. Однако предпочитают они луковицы, клубни, корешки, а также семена, например пальмовые, и сладкие плоды¹².

Слоны избирают стоянки в лесу, особенно в бамбуковом, на лесных полянах и поросших гигантской травой равнинах. В полдневные часы животные обычно отдыхают стоя или лежа. Ночью они часто собираются у воды. Придя к реке, выстраиваются в определенном порядке, и, как сообщает один индийский наблюдатель, первым пьет тот слон, который стоит ниже всех по течению. Затем один за другим утоляют жажду следующие. Смысл этого порядка в том, чтобы дать каждому напиться чистой, не взбаламученной хоботом воды.

Все путешественники по Африке указывают, что слоны принадлежат ныне к наиболее пугливым видам диких животных этого континента. Но страх перед человеком не был свойствен слону извечно, а выработался у него под воздействием определенных условий. В середине прошлого века, когда было открыто озеро Викто-

рия, исследователи встречали многочисленные стада слонов, не обращавших на людей ни малейшего внимания. Даже когда на их глазах был убит один из слонов, остальные не проявили почти никакого беспокойства по этому поводу. Знаменитый путешественник Стэнли, который в 70-х годах прошлого века побывал в различных областях Африки, сообщал о том, что стадо слонов, повстречавшееся ему в болотистой местности между Мерару и Мрева (двумя деревнями в районе Укононго, восточнее озера Танганьика), не только не обратилось в бегство, когда в каких-нибудь ста метрах от него прошел караван, но совершенно спокойно наблюдало необычную процессию. Удовлетворив свое любопытство, слоны так же спокойно удалились в лес.

И в наши дни на юго-востоке Африки и в Судане встречаются слоны, ни в малейшей степени не зараженные страхом перед людьми, свойственным их собратьям из других африканских областей, и проявляющие по отношению к людям полную доверчивость.

Таким образом, страх перед человеком, ныне, как правило, присущий слонам, живущим на воле, — свойство благоприобретенное. Он вызван чудовищными преследованиями, которым с давних пор подвергаются эти животные. Белому человеку, явившемуся в Африку, пришлось по вкусу слоновая кость, которая здесь в отличие от Индии — к несчастью, для слонов — имеется не только у самцов, но и у самок. И бойня началась!..

ИСТРЕБЛЕНИЕ СЛОНОВ

В некоторых областях Африки, например в районе Белого Нила, отстрел слонов, организованный как крупный промысел, производился самыми отвратительными колонизаторскими методами. Торговцы слоновой костью сначала разбивали в намеченной для охоты местности большие лагеря с заграждениями из колючего кустарника, так называемые серибы. Вокруг этих опорных лагерей создавались маленькие лагеря, которыми руководили вехилы — служащие крупных бизнесменов. Вознаграждение они получали не деньгами, а скудными продовольственными пайками. Так как просуществовать на эти пайки они не могли, им приходилось искать приработков, и самым доходным из них была

работоторговля. Часть африканского населения находилась в зависимости от торговцев слоновой костью. Африканцы поставляли им плоды и зерно, а также служили носильщиками. Как бы ни эксплуатировали их белые, эта часть местного населения все же была под какой-то защитой и могла считать себя привилегированной по сравнению с другой частью, подвергавшейся безжалостному ограблению. Торговцы хозяйничали в этих областях беспощадно и ни в малейшей степени не считались с тем, что опустошают страну, лишая ее и людей и скота.

В других частях Африки были созданы так называемые «охотничьи общества». Следует подчеркнуть, что к их истребительным экспедициям против слонов слово «охота» подходит очень мало. Охота предполагает, что человек в одиночку идет навстречу животному и смело побеждает его. Вооруженные же до зубов члены «охотничьих обществ» не подвергали себя никакому риску, если не считать опасностей, которые грозили им не со стороны несчастных слонов, а могли возникнуть в результате неловкости или неосторожности других участников охоты во время стрельбы.

Следует сказать, что убить слона все же нелегко. Некоторым охотникам, стрелявшим по слону раз двадцать пять—тридцать, так и не удавалось его свалить. Экли и его жена однажды должны были выстрелить двадцать шесть раз, прежде чем слон наконец рухнул. В другом случае этот исследователь Африки, хорошо прицелившись, с небольшого расстояния всадил в голову слона три пули, которые не причинили животному никакого вреда. Впечатление было такое, будто Экли стрелял в кучу песка. Слон скрылся в зарослях.

Выстрелы по туловищу практически не оказывают никакого действия, залпами тоже удастся достигнуть не многого, и даже выстрелы в большие и малые полушария головного мозга, окруженные мощной костяной массой, не вызывают мгновенной смерти. У слона очень немного мест, попадание в которые дает немедленные результаты, однако они по своей площади едва ли превышают размер ладони.

Еще двадцать—тридцать лет назад в Центральной и Восточной Африке считалось исключительным достижением убить слона с одного выстрела. Тот, кому это

удавалось и кто мог подтвердить это свидетельскими показаниями, пользовался большим почетом.

Иногда для истребления африканских слонов применялись (да и применяются сейчас) значительно более подлые средства, чем массовое использование ружей и карабинов. Путешественник Штейнгардт видел в Юго-Западной Африке более сотни скелетов слонов, умерщвленных странствующими бурами, которые отравили водоемы.

ВО ВРЕМЕНА НАСТОЯЩИХ ОХОТНИКОВ НА СЛОНОВ

Сейчас едва ли можно встретить в Африке сухопарую фигуру профессионального охотника на слонов. А когда-то такой охотник был выдающейся личностью. Некоторые из них, например швед Эрикссон, англичанин Бэкер, датчанин Ларсен, убивший пятьсот слонов, получили признание среди специалистов и стали в Африке легендарными фигурами. Но большинство охотников осталось безыменными и безвестными. Однако многие из них способствовали открытию неизведанных областей, где до того не ступала нога белого человека.

В Африке было немало путешественников с громкими именами, выдававших за собственное открытие то, что им было сообщено повстречавшимся охотником. Путешественник мог поступить так совершенно спокойно, ибо ни у кого из этих охотников не появлялось и мысли описать свои приключения и наблюдения в книге и предъявить претензии на приоритет. К тому же они обычно и не думали когда-нибудь вновь вернуться в Европу.

Жизнь этих истинных охотников на слонов, не в пример «охотникам» из «обществ», действительно на каждом шагу подвергалась опасности. Ноги слонов, челюсти львов, буйволы, тропические болезни, жажда и бурные потоки — все это угрожало их жизни.

Однажды в Англии были проанализированы статистические данные о продолжительности жизни охотников за слонами. Оказалось, что она равна рекордному минимуму в два года. А чем вознаграждались охотники за все пережитые опасности? Помимо щекочущей нервы

радости, которую многие испытывали от соприкосновения с опасностью, — слоновой костью. Но охотник за слонами, человек, который вдали от всяких признаков цивилизации месяцами или даже годами скитался по джунглям, не был торговцем. И когда на побережье он почти за бесценок отдавал добытую им слоновую кость отъявленным висельникам — настоящим торговцам, он готов был обратить всю выручку в водку и пьянствовать с каждым встречным и поперечным.

ВОДКА ЗА СЛОНОВУЮ КОСТЬ

Один из самых опытных и удачливых исследователей Африки и охотников за крупной дичью — Ганс Шомбургк¹³. Начиная с 1898 года он совершил девять экспедиций в Африку, первым из белых людей побывал в некоторых центральноафриканских областях и ныне вынашивает планы нового путешествия на этот континент. То, что рассказал Шомбургк об одном охотнике за слоновой костью, весьма характерно для многих из них. Однажды этот охотник появился в Дар-эс-Саламе (Танганьика) с кошельком, полным серебряных рупий. «Ребята! — сказал он, когда надо было выступать на охоту, — останемся здесь еще на несколько дней. Ведь подумать страшно, что слон наступит нам на брюхо прежде, чем мы успеем истратить свои денежки!»

Многим охотникам даже и в голову не приходило брать в уплату за слоновую кость наличные деньги. Они сдавали добычу в факторию, а затем пили и ели до отвала. В один прекрасный день хозяин, который явно вел весьма приблизительный счет, давал им понять, что кредит исчерпан. Охотники не возражали против такого сообщения и отправлялись убивать новых слонов, бивни которых они опять сдавали в факторию.

ОХОТА НА СЛОНОВ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД

Разумеется, было бы неправильно считать, что охота на слонов вообще началась только с тех пор, как в Африку пришел белый человек. Еще тысячи лет назад человек преследовал слонов. Об этом рассказывают нам древние рисунки, нацарапанные на камне.

В одной старой французской книге о путешествиях, относящейся к 1771 году, рассказывается о том, что в Сиаме, теперешнем Таиланде, двести лет назад охота на слона велась преимущественно следующими тремя способами:

1. Слона доводили до изнеможения с помощью «ручного слона», после чего его ловили петлями.

2. В лесу и местах, где слон должен был пройти, раскидывали петли из буйволово́й кожи (а не набрасывали их на туловище и ноги слона, как это делают сейчас).

3. Выгоняли в лес несколько прирученных самок, на спинах которых пристраивались люди, хорошо укрывшиеся листьями. Самки приманивали самцов. Если им не удавалось соблазнить самцов в первый день, то, как правило, не более чем через неделю те все-таки следовали за ними в назначенное место.

Если же задача состояла в том, чтобы не поймать слона, а убить его (по данным древних источников), охотник обмазывал все тело слоновым калом, чтобы слоны не почуяли запаха человека. В таком виде он подползал под облюбованное им в стаде животное и стремился нанести ему удар ниже уха. Чтобы хоть в какой-то мере реабилитировать этих «негигиеничных» охотников, следует сказать, что слоновый навоз походит на торф и не вызывает сильного отвращения. В старых источниках, например в уже цитировавшейся нами книге Эндерссона, можно прочесть, что экскременты слонов имеют еще одно особое применение: они употребляются готтентотами взамен табака. На основании собственного опыта Эндерссон установил, что такой «табак» вполне приемлем на вкус. Он объясняет этот примечательный факт тем, что пища слонов состоит из многих ароматных частей: благовонных растений, трав, клубней и корешков.

В ЗАПАДНЕ

В прошлом веке при охоте на слонов африканцы подрезали им сухожилия. Охотник подкрадывался к животному (или внезапно нападал на него во время сна) и перерезал ахиллесовы сухожилия. Слон становился небоеспособным, и его можно было довольно легко

убить. При других формах охоты (и прежде и теперь) на стволах деревьев вешают отравленные колья или же устраивают западни — ямы глубиной метра в три, покрытые сверху стеблями тростника. Нередко жертвами этих коварных ловушек становились и люди, особенно неосведомленные европейцы. Хотя падение в такую яму не представляет смертельной опасности, все же оно достаточно неприятно. Криков из ямы почти не слышно даже на близком расстоянии, стены ее лишены каких-либо выступов, уложенные сверху крест-накрест тростниковые стебли ломаются при попытке ухватиться за них. Один белый охотник должен был провозиться полдня, прежде чем ему наконец удалось выбраться из такой западни. Но не успел он выбраться из нее, как провалился в другую, и ему понадобилась вторая половина дня, чтобы только к вечеру вылезти оттуда.

КОННАЯ ОХОТА НА СЛОНОВ

Бывало, что на открытой местности на слонов охотились верхом. Стоило лишь появиться одиночному слону, как охотник подъезжал к нему и несколько раз стрелял. Этот способ, разумеется, совсем небезопасен. Случалось и так, что раненое животное устремлялось на стрелка, а испуганная лошадь переставала слушаться всадника. В одном из описанных Эндерссоном случаев лошадь совершенно обезумела от одного вида слона и от издаваемых им трубных звуков и, дрожа всем телом, была не в состоянии сдвинуться с места. Всаднику не оставалось ничего иного, как спешиться и стать рядом с ней. Слон бросился на лошадь и схватил ее хоботом. Но тут она вдруг ожила, вырвалась из тисков и ускакала бешеным аллюром. Слону пришлось удовлетвориться седлом, с которым он и умчался прочь.

КОГДА ВНЕЗАПНО ПОЯВЛЯЕТСЯ СЕРАЯ СТЕНА...

Итак, современный слон пуглив. Но в каком смысле следует это понимать? В чем выражается его пугливость?

Прежде всего выясним, как обычно происходит встреча со слоном в джунглях. Предположим, что чело-

век пробирается сквозь чащу девственного леса в надежде на встречу или, наоборот, в страхе перед встречей со «скотиной господа бога», как называют слона суданцы, и вдруг, откуда ни возьмись, перед ним возникает серая стена. Что происходит тогда? Как можно сказать с уверенностью, что происходит при встрече со слонами! В предыдущей главе мы отрицали, что животным присуща умственная жизнь в человеческом смысле слова. Эта оговорка отнюдь не исключала наличия среди слонов особей с различным темпераментом и различной степенью умственного развития. С определенной ступени развития, начинающейся с червей, каждое животное, как и любой человек, представляет собой более или менее ярко выраженную индивидуальность с присущими только ей одной существенными чертами. Каждое живое существо вплоть до блох, клопов и кухонных тараканов может обладать определенной индивидуальной чертой характера *. Что касается слонов, то можно с полным правом сказать — ни один из них не похож на другого. Среди них встречаются самые различные характеры. Некоторые из них мы покажем крупным планом в одной из следующих глав.

Понятно поэтому, что слоны не могут одинаково реагировать на появление человека. В общем, к слону, находящемуся на воле, можно применить следующее правило: он миролюбив и человека не трогает. Но целиком полагаться на добропорядочное поведение самцов, а также самок с детенышами не приходится. Раненый же слон представляет для человека смертельную опасность.

«БОЕВЫЕ ПОРЯДКИ» АФРИКАНСКОГО МИРА

Однако хватит теоретизировать. Лучше посмотрим, что испытывали люди, встретившиеся со слонем.

Один из авторов-зоологов рассказывает о встрече со слонами в Судане. Стадо, с которым он неожиданно столкнулся до этого, удрало от африканцев из племени шиллуков, охотившихся на бегемотов, — вернее, от

* Автор несколько преувеличивает. Об индивидуальных чертах поведения можно говорить лишь применительно к высшим позвоночным. — *Прим. ред.*

шума, поднятого шиллуками. Животные остановились почти рядом с расположенной с подветренной стороны стоянкой зоолога. Возбуждение их уже улеглось, и они спокойно принялись искать хоботом пищу в траве. Вдруг один из слонов уловил шорох. Он перестал жевать и подошел почти вплотную к спрятавшемуся зоологу, который, конечно, не пришел от этого в восторг. Близость слона не очень пугала его, но он хотел сфотографировать и при этом запечатлеть на пленке все животное, а не только его ухо. Поэтому он бросил в слона ружейный патрон, который не испугал его, а только возбудил любопытство. Слон с удивлением уставился в траву и стал искать в ней «песчинку». Тем временем другой слон заметил фотографа и вытянул по направлению к нему хобот, желая выяснить, в чем тут, собственно, дело. Инцидент закончился, когда на другой стороне реки шиллуки зажгли костер. Яркое пламя привело слонов в сильное беспокойство и заставило удалиться. «Темной волной прокатились мимо меня боевые порядки слонов, — сообщает автор. — Белые бивни блистали, словно копья воинов. То были тяжеловооруженные гоплиты * африканского мира, перед которыми никто бы не мог устоять. Колонну сопровождал сонм всякой живности девственных лесов, извлекающей для себя пользу от присутствия слонов и косвенно живущей на их счет: белые вороны, зяблики и другие птицы, для которых личинки на коже слона — деликатесы. Они охотятся также за мириадами насекомых, вспугнутых тяжелой, сотрясающей землю походкой серых великанов. Слоны ничего не имеют против этих корыстолюбивых спутников, которые не только истребляют их мучителей-насекомых, но и служат безошибочным барометром опасности: если они взлетают — значит, вблизи появился враг.

НИКАКОГО СТРАХА ПЕРЕД ВСПЫШКОЙ СВЕТА

Вот как описывает другую встречу доктор Гржимек¹⁴, известный зоопсихолог и директор Франкфуртского зоосада. Ему удалось очень близко подкрасться с фото-

* Гоплитами в Древней Греции назывались тяжеловооруженные пехотинцы. — *Прим. ред.*

аппаратом и кинокамерой к слонам. Это было на границе Либерии. После долгих и сначала безуспешных поисков он вдруг увидел на расстоянии каких-нибудь десяти метров перед собой наполовину прикрытую густыми зарослями серую стену с хорошо знакомыми складками. Тут его охватило знаменитое «слоновое чувство», состоящее из прямо противоположных стремлений: «подойти поближе» и «убраться подальше». Но стена снова исчезла, шорох в листве прекратился, и вокруг опять наступила тишина. Заметим, что лиственные жалюзи африканского девственного леса бывают настолько непроницаемыми, что охотник часто даже не может разглядеть огромного слона в трех-четырех шагах от себя. То перед ним блеснет бивень, то он услышит характерное бурчание в животе животного, то заметит, как колышутся верхушки деревьев, ветки с которых обдирает слон, но самого слона он не видит.

Через четверть часа в джунглях снова зашелестело и затрещало, и Гржимек увидел бивень. Его спутник дал вспышку для съемки. Как отнеслась серая громадина к внезапно вспыхнувшему яркому свету? Не послужило ли это сигналом к атаке? Нет, слон вообще не отреагировал на ослепительную вспышку. Он, вероятно, принял ее за обычную зарницу, которую ему неоднократно приходилось видеть, или за что-то другое, также не заслуживающее внимания.

Вообще следует заметить, что слоны, столь боязливые в других случаях, испытывают весьма мало беспокойства при различных явлениях природы. В противоположность, например, собакам они почти не реагируют на гром. Ливни, видимо, тоже не производят на них большого впечатления. И даже степные пожары не нервнируют их, и они спокойно шагают по горящей траве. Ведь до тех пор, пока слоны находятся в движении, огонь не может повредить толстые подушки на их ногах.

Так или иначе, но самец, которого наблюдал доктор Гржимек, не придавал никакого значения неожиданной вспышке. В дальнейшем Гржимек сфотографировал еще одного слона, огромного самца, осветив его тремя электрическими вспышками, «яркими, как солнце». Но и этого слона не взволновало ни в малейшей степени вторжение ослепительного света в полутьму

зарослей. Лишь почуяв присутствие человека, он забеспокоился и, пятясь, отступил. Послышался легкий шелест веток, и слона уже нельзя было различить в густом лесу.

В ГУЩЕ СЛОНОВОГО СТАДА

Однако не всегда и не при всех обстоятельствах путешественники по Африке ищут встречи со слонами. Иногда бывает и так, что они, ничего не подозревая, идут своим путем, думая о чем угодно, только не о слонах, и вдруг замечают, что попали в самую гущу стада. Обычно это вызывает довольно неприятное ощущение, ибо воображение, помимо воли и несмотря на все ружья и винтовки, сразу же начинает сравнивать жалкие человеческие силенки с концентрацией первозданной мощи, таящейся в стаде слонов, и рисует весьма неважные перспективы. Происходит примерно следующий разговор с самим собой: «Где ближайшее дерево, на которое я могу взобраться?.. Совсем недалеко... Да, но ствол слишком толстый, по нему не вскарабкаешься... К тому же внизу нет веток... Рядом с ним, правда, есть дерево и потоньше... Впрочем, если слон захочет, он сломает это дерево в один миг... Бежать? Но я не пробегу и десяти метров, как запутаюсь в зарослях и шлепнусь носом. А слону-то что? Ведь эти корни-ловушки ему не помеха, если он захочет меня догнать... Так что же мне делать?..»

К счастью, эта столь невыгодная для двуногого существа оценка соотношения сил исходит из ложной предпосылки, что при встрече с человеком слоны действуют как единый коллектив.

Однажды на Суматре известный зверолов и торговец животными Джон Гагенбек угодил прямо в гущу стада слонов. Он ехал через лес на двуколке, которой управлял местный возница. Вдруг со всех сторон, слева и справа, спереди и сзади, затрубили и захрюкали слоны. Тут уж не по себе становится не только людям, но и пони, везущему двуколку. Он припускается рысью, несется все быстрее и в конце концов переходит в бешеный галоп.

Все обошлось благополучно, причем оказалось, что слоны не только не собирались напасть на людей, а,

наоборот, сами бросились врассыпную. Вид повозки явно привел их в не меньший ужас, чем их собственный вид — седоков и пони. Словом, стороны явно не поняли друг друга.

КОГДА СЛОН ПУСКАЕТ В ХОД ХОБОТ

Итак, слоны не хотят иметь никаких дел с двуногими существами, когда неожиданно встречаются их. В этом отношении они ничем не отличаются от всех остальных крупных животных, включая львов, тигров, леопардов и крокодилов, которые, согласно широко распространенному заблуждению, якобы являются отъявленными людоедами. Истина заключается в том, что даже хищники (а также змеи всех видов) боятся своего самого опасного врага — человека — и убегают от него, как какой-нибудь олень или заяц. Если же они нападают, то делают это почти исключительно в целях самообороны, что не всегда осознается человеком. Но в такой ситуации даже самые кроткие и робкие животные становятся воинственными. Заяц и тот царапается и кусается, когда у него нет иного выхода. Кроме того, живущие на свободе животные обычно становятся агрессорами (если только называть этим словом оборонящихся не противоречит здравому смыслу), когда они защищают своих детенышей, места кладки яиц или территорию, которую они считают своей родиной.

Конечно, бывают и отклонения от этой общей нормы, но они чрезвычайно редки. Специалисты оценивают соотношение между отклонениями и нормой как 1 : 1000, а может быть, даже 1 : 10 000. Что же касается тех зверей, которые все-таки нападают на человека, то можно предположить, что они случайно обнаружили, что человек — не страшный противник, а всего-навсего легкая и вкусная добыча.

В Африке иногда диких зверей охватывает настоящая эпидемия людоедства. Так, в конце прошлого века во время строительства Угандской дороги от Момбасы до Кисуму два льва загрызли более ста африканцев и индийских рабочих. В таких случаях зверь, который приобрел опыт людоедства, по-видимому, становится учителем одного или нескольких своих собратьев.

Слон большей частью стремится избежать встречи с человеком, а встретившись с ним, либо, как описывают многие, спокойно уходит «полный достоинства», либо, как сообщают другие, подняв хобот, быстро убегает. Но никогда его бег не переходит в галоп. По свидетельству одного исследователя Африки, слоны не бегают галопом даже тогда, когда хотят догнать железнодорожный экспресс. «Но догнать экспресс им все-таки удалось бы», — заявляет тот же эксперт. Разумеется, это преувеличение. Вряд ли в африканских джунглях можно увидеть слона, бегущего наперегонки со скорым поездом, который в Европе развивает скорость до 130 километров в час. Зато слонам время от времени приходилось состязаться с лошадьми, и выяснилось, что на хорошей дороге копытное животное имеет солидные шансы на выигрыш, однако на плохой — победителем неизбежно оказывается слон.

Если слону по тем или иным причинам все-таки приходится иметь дело с человеком, то исход этой встречи зависит от самых различных моментов. Большую роль здесь играют случайность и проявленное человеком присутствие духа.

Однажды в Танганьике какой-то носильщик каравана пробирался через лес. Вдруг прямо перед собой он заметил слона, попытался бежать, но, запутавшись в лиане, споткнулся и упал. Его жена, следовавшая за ним на небольшом расстоянии, успела только увидеть, как слон схватил мужа хоботом и поднял высоко в воздух. В ужасе побежала она назад к каравану, и спасательная группа спешно направилась к месту несчастья. Однако на полпути она уже встретила носильщика — целого и невредимого. Слон опустил его на землю и стал катать взад и вперед хоботом. А затем... трубя, поспешил прочь.

В другом случае слон схватил хоботом английского охотника и бросил в кустарник, который ослабил силу удара.

Однажды слон хоботом отшвырнул охотника далеко от себя в высокую траву. Когда вслед за этим он подошел к охотнику, тот спрятался под хвостом у животного и довольно долго крутился вместе с ним на одном месте. Этот маневр удался, но все-таки приключение

могло кончиться для человека плохо, если бы его товарищ не убил слона.

Более редкий случай, когда слон воспользовался не хоботом, а бивнями, пришлось пережить Экли. Однажды, спустившись с ледников горы Кения в зону более теплого климата, он подвергся нападению слона-самца. Экли неожиданно почувствовал прикосновение бивня к своей груди. Машинально, но очень быстро он ухватился за оба бивня и упал спиной на землю, оказавшись как раз между ногами разъяренного самца, и тот, нагнув голову, всадил бивни в землю, а не в тело беспомощного Экли. Бивни застряли в корнях или в чем-то еще. При этом слон хоботом случайно ударил Экли по лицу, сломал ему нос и рассек щеку до самых десен. После этого, не проявляя больше никакого интереса к своей жертве, слон набросился на двух африканцев, сопровождавших путешественника.

Убедиться в том, что нельзя быть уверенным в мирном исходе неожиданной встречи с самцом, пришлось и Мартину Джонсону, когда он попытался сфотографировать слонов на границе Абиссинии. Самец, в поле зрения которого он неожиданно попал, поднял хобот, навострил уши и, немного раскачавшись, устремился на необычный для джунглей предмет. И не только он один: все стадо последовало за ним. Джонсон попробовал обороняться домашними средствами. Он начал кричать на слонов и размахивать зажатыми в руках носовыми платками. Однако все эти уловки не произвели на них никакого впечатления. И только выстрел заставил самца повернуть. Стадо замерло в нерешительности, увидев, что вожак изменил свои намерения, а потом пустилось наутек.

ДУЭЛЬ СО СЛОНОМ

Путешественники по Африке в общем должны были прийти к выводу, что слоны теряют свое миролюбие, когда их раздражают.

Шомбургк однажды ранил слона, повстречавшегося ему в Африке у озера Бангвеоло (примерно там, где умер великий Ливингстон). Он выстрелил в него из своего тяжелого «слонового ружья» калибра 600 с расстояния двадцати метров. Раненое животное изо всех сил бросилось бежать, и Шомбургк последовал за ним.

Через час слон снова попался ему на глаза. Еще один выстрел. Но ружье дало осечку. Слон, однако, услышал, как щелкнул курок и (дело происходило не в зарослях, а в высокой траве) с ужасным ревом ринулся на охотника. Шомбургк не тронулся с места. Когда огромное животное было уже совсем близко, Шомбургк прицелился и всадил ему вторую пулю прямо в голову. Слон был оглушен, его мощное тело закачалось. Потом он промчался над бросившимся на землю Шомбургком, ударив его задней ногой по ребрам. Охотник и животное, преследуемый и преследователь неоднократно менялись ролями. Все снова и снова стрелял Шомбургк, все снова и снова пытался слон обнаружить разбойника, покушавшегося на его жизнь, и растоптать его. В конце концов Шомбургк счел за благо убраться с пути основательно израненного колосса. Он попытался вместе с опытным охотником-африканцем, с которым предпринял эту экспедицию, вернуться к носильщикам. Но в высокой, высохшей от страшной жары траве снова раздался треск. Теперь слон избрал иную тактику. Он перестал носиться вокруг. Хобот его ощупывал один куст за другим, обвивался вокруг деревьев. Наконец Шомбургку удалось всадить ему пулю немного пониже уха, и слон сразу рухнул наземь.

Для Мартина Джонсона выстрел по самцу однажды тоже едва не кончился весьма печально. Раненое животное неистово устремилось на него, и только вмешательство жены Джонсона, которая издали снимала эту сцену, спасло ему жизнь. Она вовремя сменила кинокамеру на винтовку, и ее выстрел оказался для слона смертельным.

В аналогичную ситуацию попал однажды и Роберт Унтервельц. Ему повстречалось стадо из пятидесяти самок и десяти самцов, и он сразу убил самого крупного самца. Стадо сначала бросилось бежать через бамбуковый лес, но потом вожак как будто одумался. Высоко подняв хоботы, слоны со свирепым хрюканьем начали приближаться к охотнику. Что оставалось делать Унтервельцу? Он укрылся за убитым слоном. Стадо сплоченным фронтом наступало на него, медленно, но неотвратимо. Когда шеренга приблизилась на расстояние тридцати шагов, он открыл огонь. Ему удалось свалить трех самцов, после чего остальные слоны повернули и скрылись в густом лесу.

УПУЩЕННЫЙ ШАНС

Охотник на слонов должен во всех случаях обладать порядочным запасом хладнокровия, если он не хочет спасовать перед грозными опасностями, которые таит его профессия. Совершивший ошибку может заплатить за нее жизнью.

Однажды — это было еще в годы первой мировой войны — врач одного из округов Танганьики охотился на слона. Раненное им животное рассвирепело и перешло в наступление. Врач бросился бежать, но споткнулся в высокой степной траве и упал. Через несколько секунд слон уже стоял над ним, разыскивая его хоботом, но не мог найти. Какой великолепный шанс для охотника! Вероятно, дело кончилось бы для него хорошо, если бы он сохранил спокойствие и как-нибудь обманул опасного противника. Но охотник сделал самый ошибочный шаг, какой только можно было придумать в его положении. Он поднял браунинг и выстрелил в слона. Тот отнюдь не упал замертво, чего опытный охотник не мог и ожидать, а, обнаружив врага, схватил его хоботом и с размаху ударил о землю.

Спровоцированное или неспровоцированное нападение слона на человека может (но не обязательно должно) окончиться смертью последнего. У одного африканского охотника я прочел, что три четверти неудачников, подвергшихся нападению слона и зачастую уже лежавших под ним, все же уцелели, потому что сумели благодаря своей ловкости или хитрости уберечься от смертоносных ударов его ног, а также и потому, что в решающий момент у атакующего животного страх брал верх над возбуждением.

АФРИКАНЦЫ, КОТОРЫЕ НИКОГДА НЕ ВИДЕЛИ СЛОНОВ

При изложении различных историй с африканскими слонами неоднократно упоминалось, что основанием для них послужили случайные встречи с этими животными. Это могло создать ошибочное впечатление, будто такие встречи — дело само собой разумеющееся и в Африке нет ничего более обычного, чем случайно

натолкнуться на слона. Это далеко не так, что доказывает свидетельство одного путешественника, встретившего в Упогоро (Танганьика) африканцев, которые никогда в жизни не видели слона, с другими же животными они были хорошо знакомы. Возможно, они умерли, так никогда и не увидав слона, на которого может посмотреть в зоопарке любой европеец.

Вообще охотник ни в коем случае не может полагаться на свое счастье. Более чем сомнительно, чтобы он когда-нибудь встретил слона, если бы отправился искать его на авось и просто углубиться в девственный лес. Он должен идти по следам, а таковыми являются примятая трава, обломанные ветки, раздавленные стебли бамбука и прежде всего кучки навоза. Многие африканцы умеют определять по ним даже время, когда здесь проходили слоны — они наступают на навоз ногами или берут кусок и прикладывают его к щекам. Температура навоза дает представление о его давности (о гигиенической стороне этого дела уже было сказано).

Разумеется, слоны оставляют и следы своих ног, которые могут сказать знатоку очень многое. По размерам совершенно круглых следов передних ног можно с точностью до сантиметра вычислить рост самца или самки. Формула, применяемая в этом случае, такова: диаметр следа ноги умножается на 2π . Например, при диаметре 50 сантиметров получается высота 3,15 метра, при 60 сантиметрах — 3,75 метра. Довольно просто проследить следы на песке, труднее — на болотистой или каменной почве и там, где следы эти перекрещиваются.

ОДИНОКИЕ СЛОНЫ

Обычно слоны живут семьями, стадами или группами, однако не всегда бывает так. В период спаривания они обособляются, и перед тем дело нередко доходит до поединков между соперничающими самцами. Как правило, такие стычки не приводят к смертельному исходу, ибо более слабый своевременно прекращает бой. Однако вполне может быть и так, что слон, обратившийся в бегство и повернувший к противнику заднюю часть корпуса, получает удар в ляжку, от последствий которого он гибнет.

Когда «медовый месяц» кончается, самец и самка возвращаются в стадо и больше не проявляют друг к другу никакого интереса. О том, что слоны иногда оказывают помощь раненым собратьям, уже говорилось выше. Но бывает, что и у них, как и у других стадных животных, зачастую старые и больные особи рассматриваются как «деклассированные элементы» и изгоняются из сообщества.

О причинах этого мы не можем сообщить ничего определенного. Это явление нельзя объяснить как стремление к «обособлению неполноценных». Все это не так просто и не так элементарно. Например, старые ласточки-касатки иногда нападают на своих птенцов за их неумение летать как следует. В чем же тут можно усмотреть инстинктивную способность избирательного мышления? Возможно, животные рассматривают одряхлевших или слабых компаньонов как добычу. А может быть, они находятся в заблуждении, полагая, что, нападая на больного, борются против самой болезни...

Во всяком случае, и в слоновом стаде одряхлевших или ослабевших животных не любят. Конечно, при этом не следует обобщать и считать, что любой встреченный в девственном лесу одиночный слон обязательно изгнан из стада и не может вновь к нему присоединиться. Многие из этих одиночек, вероятно, держатся вдали от стада только из прихоти и временно. И даже когда они находятся вдали, они все-таки не выпускают стада из виду, или, лучше сказать, «из нюха», и следуют за ним на некотором расстоянии.

Встречи с такими одиночками, если сам человек на них не нападает, как правило, кончаются мирно. Животное сначала принимает, потом внимательно рассматривает стоящее перед ним двуногое существо и затем удаляется, часто очень медленно и без всякой поспешности, «величественно», как сказали бы мы, если бы речь шла о человеке.

СВИРЕПЫЙ РОУГ

Ни в какое сравнение с не слишком приятным, но все же в какой-то степени воспитанным и нормальным одиночкой не идет так называемый роуг. Этим словом, обозначающим по-английски «грубиян», назы-

вают слона, охваченного своеобразным бешенством. Таким животным владеет слепая жажда разрушения. Оно не щадит никого на своем пути: ни человека, ни других животных, ни даже своих братьев-слонов. Роуги ведут себя как одержимые. Они врываются в деревни, растаптывают хижины, а иногда даже устраивают настоящую осаду проселочных дорог.

В историю вошел такой слон-чудовище, в 1870 году разбойничавший в районе Джаббалпура (Индия). Прежде чем его удалось убить, он умертвил множество людей. В девственных лесах у подножия Гималаев семьдесят — восемьдесят лет назад тоже появилось несколько роугов, они свирепствовали, словно лютые тигры, и целые районы были поэтому недоступны для людей.

В самом начале XX века один такой роуг неистовствовал в восточной части Цейлона. Он наводил ужас на крестьян, которые направлялись на рынок, и набрасывался на возниц, ехавших по дорогам. Но самое страшное злодеяние было совершено им однажды по дороге, ведущей в Баттикалоа. Дорогу эту покрывали гравием, и там на определенной дистанции друг от друга были рабочие, дробившие камень. Чтобы защититься от палящего солнца, каждый из них устанавливал вокруг себя плетеные маты, которые позволяли ему видеть только маленький кусок дороги. Вдруг из джунглей выскочил роуг, набросился на людей, семь человек одного за другим схватил хоботом, поднял в воздух, швырнул на землю и стал топтать своими тяжеленными ногами. Все были смертельно ранены, и ни один из них не мог заметить, что произошло с соседом. Ограда из матов и шум от дробления камней помешали несчастным вовремя обнаружить злодеяния роуга. В конце концов кровавую драму увидели двое крестьян, проезжавших по дороге. Им удалось подать сигнал к бегству еще уцелевшим рабочим. На прощание изверг опрокинул повозку и тогда уже убрался в джунгли.

Зверства слона вызвали в районе Баттикалоа настоящую панику. Жизнь и имущество крестьян были в опасности. Чудовище в любой момент могло вновь появиться где ему вздумается! Наконец нашлась группа охотников, которой удалось выследить роуга в джунглях и убить его.

РУХНУВШАЯ ПАЛАТКА

Другой роуг, о котором сообщает Джон Гагенбек, также появился на Цейлоне, в районе Хамбантоты (на южном побережье острова). Злодеяния совершались им повсеместно, поэтому правительство разрешило свободную охоту на него. Гагенбек и несколько его друзей отправились преследовать слона. Они разбили свои палатки на лужайке, среди девственного леса. Ночью, когда Гагенбек крепко спал, палатка вдруг затряслась. Может быть, это сделал один из буйволов, принадлежащих экспедиции? Гагенбек откинул противомоскитную сетку, окружавшую его постель, поднялся и хотел выяснить, в чем дело. Но тут полотно палатки снова пришло в движение. Одновременно раздалось хорошо знакомое фыркание слона. «Роуг!» Прежде чем Гагенбек успел что-нибудь сообразить, разбойник снова нажал на палатку и совершенно смял ее. Гагенбек оказался под ней. Он почувствовал совсем рядом с собой колосса, ноги которого вот-вот наступят на полотно палатки и расплющат запутавшегося в ней человека. Жуткое положение! Но в это время товарищи Гагенбека, разбуженные шумом и трубными звуками, выскочили из своих палаток и, пользуясь лунным светом, открыли огонь по роугу. Правда, убить его им не удалось, но слон обратился в бегство и скрылся в лесу. Несколько дней спустя его выследили в джунглях, окружили и пристрелили. Оказалось, что это был самец высотой два с половиной метра. У него не было бивней.

В самое последнее время, судя по одному газетному сообщению, в Восточном Пакистане появился роуг, который в течение немногих дней будто бы убил двадцать семь человек.

ТАНЦУЮЩАЯ ХИЖИНА И АТАКОВАННЫЙ ПАРОВОЗ

Иногда слоны создают крайне любопытные ситуации.

Вот перед нами рисовое поле на Суматре. На нем на четырех толстых сваях стоит хижина, в которой обитает несколько сменяющих друг друга сторожей. Их задача караулить поле днем и ночью, чтобы рыскающие

вокруг многочисленные звери не лакомились рисом. Для этой цели они в случае необходимости приводят в движение шнуры, тянущиеся через все поле. На них подвешены всевозможные предметы, которые создают шум.

И вот однажды ночной сторож с соседнего земельного участка при ярком лунном свете вдруг замечает, что хижина на рисовом поле раскачивается из стороны в сторону, словно челн на волнах бушующего моря. В это же время он услышал крики о помощи.

Что же случилось? Как выяснилось позже (когда подоспевшие на помощь увидели разрушенную и опрокинутую хижину), какой-то слон вышел из леса, вдоволь полакомился рисом, а потом по привычке решил потеряться о сваю. Крепко спавший сторож проснулся от сотрясения, поднял крик и напугал гиганта. Тот пытался ретироваться, но попал под пол хижины и, высоко подняв ее, сорвал со столбов. Некоторое время хижина вместе со сторожем, находившимся в ней, танцевала на мощной спине слона, а затем свалилась и рассыпалась. Сторож отделался испугом, несколькими царапинами и шишками, а слон поспешно удалился.

Другую, весьма своеобразную ситуацию создал в начале нынешнего века один слон-самец в Бирме. Машинист паровоза на перегоне дал свисток. Слон, разгуливавший поблизости, явно неправильно понял этот резкий звук, расценив его как вызов на бой. Он решил, что на вызов надо ответить, и в лоб атаковал паровоз, который машинисту не удалось вовремя остановить. Результатами столкновения были раздробленный слоновый череп и сошедший с рельсов поврежденный паровоз.

Главу о курьезных случаях со слонами можно закончить рассказом о визите, который нанесло однажды стадо слонов городу Бенгела в Юго-Западной Африке. Однако не наглая заносчивость, а жестокая борьба за существование побудила животных вторгнуться в человеческое поселение. В окрестностях свирепствовала засуха. В густых лесах, полукругом охватывавших город, не было ни капли воды, и мучительная жажда привела стадо слонов в единственное место, где журчали источники. Разгорелся настоящий бой с жителями города. Жертвами его были один убитый и несколько раненых людей, и закончился он изгнанием животных.

ПОЧТИТЕЛЬНЫЙ ЛЕОПАРД

В нормальных условиях слон не ищет ссоры ни с человеком, ни с другими животными, и, так как все звери обычно убираются с его пути, жизнь его протекала бы вполне мирно, если бы не человек. У водопоя животные с почтением освобождают место слону. Сам лев и даже львиная стая предпочитают удалиться, когда встречают одного из серых великанов.

Преимущество, которым пользуется слон в столь важном месте, может быть проиллюстрировано впечатлениями одного путешественника, пожелавшего однажды насладиться романтикой африканского девственного леса. На рассвете он расположился у небольшого пруда и стал выжидать. Первым к водопою подошел леопард, но вдруг он повернул обратно. Наблюдатель проследил за ним взглядом и увидел, что тот быстро взобрался на ветвистое, заросшее лианами дерево и спрятался на нем. Что побудило леопарда удрать? Путешественник вновь обернулся к пруду и сразу же нашел разгадку. В пруду стояли два слона-самца, появившиеся совершенно бесшумно, словно по мановению волшебной палочки. Они копались в иле и поливали себя водой. В течение получаса слоны развлекались в пруду, потом один из них вылез из воды и отправился погулять по окрестностям. Вдруг он почуял присутствие леопарда. Слон затрубил и, с силой размахивая хоботом, пошел к дереву, на котором тот спрятался. Леопард, увидев приближающегося слона, выскочил из своей засады и огромными прыжками умчался в глубь леса. Гуляющий слон больше не проявлял никакого интереса к беглецу, а второй слон даже не поинтересовался происшедшим и все это время продолжал плескаться в воде.

ТРАГЕДИЯ В БОЛОТАХ МПОНДЕ

Из всех диких зверей Индии тигр — этот неизвестный в Африке хищный зверь (в чем мы можем заверить некоторых наивных кинорежиссеров, снимающих в ателье свои «документальные фильмы» об экспедициях) — самый опасный враг слона. Взрослых слонов он, как правило, не трогает, но вот слонята весьма его привлекают. Однако, чтобы добраться до них, тигру надо

сначала прогнать самок, которые их опекают. Для этого он вспрыгивает самке на спину, наносит ей довольно тяжелые раны, а потом наконец набрасывается на детеныша, и, как правило, слоненок становится жертвой тигра. Но все-таки хищник никогда не может быть вполне уверен в успехе.

В одном бирманском лагере для приручения слонов тигр напал на слоненка, привязанного к дереву. Хищник вспрыгнул малышу на спину, но тот стряхнул его. В течение двадцати минут слоненок противостоял всем атакам. К этому времени прибыла команда лагеря и отогнала тигра. По случаю своего боевого крещения отважный слоненок получил имя Кья М'Нин, что означает «Тигр не смог его одолеть».

Надо сказать, что на слонят нападают не только тигры. При известных обстоятельствах они могут стать добычей и других хищных зверей. Настоящую слоновую трагедию, в которой в роли убийцы выступила гиена, можно было наблюдать однажды в Танганьике. Случилось это в апреле. Период дождей уже кончился, и стоячая вода высыхала. Дикие животные, прежде всего слоны, носороги, буйволы и жирафы, потянулись к большим болотам Мпонде, чтобы найти там водопой. Но так как эти болота не имеют стока, вода в засушливое время собирается в наиболее глубоких местах, окруженных илистым поясом. Животным не остается ничего иного, как попытаться перейти этот пояс — предприятие, представляющее для тяжеловесов, особенно для слонов, значительную опасность. В описываемом случае один годовалый слоненок завяз в иле и не мог двинуться ни назад, ни вперед. В таком вот беспомощном положении его и разорвала на куски гиена.

Многие индийцы и бирманцы утверждают, что ежедневно большое число слонят гибнет от укусов ядовитых змей. Однако убедительного доказательства, что где-либо или когда-либо слон стал жертвой змеи, еще ни разу не было представлено.

НЕСИМПАТИЧНЫЕ СОБАКИ

Исключительно плохи взаимоотношения между слонами и собаками. Слоны знать ничего не желают ни о каких собаках и питают к ним явную антипатию.

Правда, в азиатских лагерях для слонов, где держали собак, удавалось добиться, чтобы эти животные постепенно привыкли друг к другу и не проявляли взаимной вражды. Но дружбы между ними никогда не возникало.

В Африке собаки иногда сопровождают охотников на слонов. Но до сих пор еще неясно, помогают они или мешают. Если собака выполняет свой долг, она бросается на слона. Охотник в этом случае может быть только доволен тем, что внимание слона от него отвлечено. Но очень часто у собаки не хватает смелости выступить против мощного противника, который, трубя, устремляется на нее. В этих случаях собака ищет защиты у своего хозяина, бежит к нему и жметя к его ногам, отчего опасность для охотника только возрастает.

У слона не слишком много врагов, но и друзей он заводит только в самых исключительных случаях. Один из таких случаев наблюдал исследователь Африки Шиллингс. Два слона вступили в союз с жирафом, животным столь же дружелюбным и миролюбивым, как сами слоны, и таким же последним печальным представителем уходящего в прошлое мира животных. Тройка эта жила в полной гармонии и в течение нескольких лет была неразлучна. Обе стороны как нельзя лучше дополняли друг друга. У жирафа было великолепное зрение, и он мог предупреждать слонов о замеченной им опасности. Слоны же, со своей стороны, являлись для этого беззащитного и безоружного животного, которое не может даже издать ни одного звука, определенной защитой от таких разбойников с большой дороги, как лев и леопард.

Другой охотник встретил в африканском лесу слонов, вступивших в тесный союз с зебрами и газелями.

БОЯТСЯ ЛИ СЛОНЫ МЫШЕЙ?

Таким образом, взрослому слону на воле едва ли приходится бояться какого-либо зверя. Но правда ли, что в неволе он, как это постоянно утверждают, испытывает панический страх перед мышами и крысами? Это утверждение проистекает из склонности людей к парадоксам. В действительности же нет никаких доказательств, что слоны боятся мышей. Особенно абсурдно объяснять этот мнимый страх боязнью слона, чтомышь

может забраться к нему в хобот. Если бы этот крошечный зверек и осмелился однажды залезть туда, то, вне всякого сомнения, слон легко выдул бы его из своего шланга.

Удовлетворительный ответ на вопрос об отношении слона к мыши дают опыты, проведенные доктором Гржимеком. Он пускал серую мышь непосредственно под головы пяти привязанным в хлеву слонам (чтобы иметь возможность управлять мышью, он прикреплял к ее хвосту шнурок). Как вели себя животные? Сначала они немного отступили, не впадая при этом в панику, потом сделали несколько шагов вперед и начали принюхиваться хоботом. В конце концов зверек был растоптан одной из самок. Подобным же образом поступили слоны, когда их свели с белой мышью и крысой. Когда Гржимек приказал вывести одного из слонов во двор, тот повернулся к подопытной мыши своим широким задом и нерешительно и осторожно попробовал наступить на нее задними ногами.

Другой экспериментатор, англичанин Бенедикт, сумел посадить мышь своему слону прямо на хобот, но тот даже не реагировал на это. А этот слон боялся любого непривычного ему шума, и особенно шороха, производимого шелестящей в бумагах мышью.

СЕЙ В ДЕРЕВНЕ ПРОСО...

Естественно, что в религиозной жизни Африки с охотой на слонов связано еще много предрассудков. Когда на юго-востоке континента кафры * охотятся на слона, они выкрикивают ему заклинания. Одно из них гласит: «Не убивай нас, о великий вождь, не приближайся к нам, о великий вождь!» Но сами они преспокойно приближаются к гиганту диких лесов и убивают его. Потом, правда, они делают вид, будто убили животное совершенно случайно. И все-таки уважение к убитому слону доходит у них до такой степени, что они не едят его мяса.

Область, где слонов почитают больше, чем где-либо, — южная часть западной Африки. И здесь при

* Кафры (от арабского «кафир» — «неверующий», то есть не мусульманин) — старое наименование некоторых юго-восточных африканских народов. — *Прим. ред.*

столкновении религиозных чувств с реальной жизнью, а именно с пользой, извлекаемой из охоты на слонов, действительность оказывается сильнее. Убивать слонов не запрещается, но после этого должны быть произведены всевозможные очистительные церемонии.

Важную роль играют слоны в сказках и пословицах африканских народов. Приведем здесь некоторые пословицы, отражающие оценку охоты на слона и его самого:

Чтобы слона одолеть, достаточно заячий ум иметь.

Сей в деревне просо — долго проживешь; охоться на слона — скоро умрешь.

Кто слишком настойчиво против слона идет, сам в хобот к нему попадет.

Охотник на слона не знает наперед, он сам или слон умрет.

III

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ КЛАДБИЩА СЛОНОВ?

КУДА ИСЧЕЗАЮТ МЕРТВЫЕ СЛОНЫ?

Вопрос о том, где покоятся мертвые слоны, долго оставался без ответа. Существуют ли кладбища слонов?

У одного путешественника и охотника на слонов я прочел следующий мрачный ответ, который отклоняет самую постановку вопроса: «В результате погони человека за слоновой костью вся Африка — это сплошное кладбище слонов». Что-то вроде красного словца. Но, как и всякое красное словцо, оно за хлесткой формулировкой упускает из виду существо дела. В действительности же, несмотря на массовое истребление, и сейчас тысячи слонов ежегодно умирают естественной смертью. Однако все охотники на слонов утверждают, что никто никогда не находил слоновых трупов ни в Африке, ни в Индии.

Уже упоминавшийся нами покойный руководитель государственной станции по поимке слонов в Майсуре Сендерсон в своей книге «13 лет среди диких зверей Индии» пишет, что, исходив вдоль и поперек индийские джунгли, он ни разу не натолкнулся на труп слона, умершего естественной смертью. Он только дважды видел останки слонов, и в обоих случаях животные эти погибли при особых обстоятельствах — самец утонул, самка умерла во время родов.

Индийцы, которых Сендерсон спрашивал, не находили ли они мертвых слонов, также отвечали отрицательно. Только в одном-единственном случае он получил утвердительный ответ. Жители района, окружающего

город Читтагонг*, однажды во время свирепствовавшей среди животных области тяжелой эпидемии натолкнулись на большое число мертвых слонов. Европейцы, десятилетиями ведшие в районах распространения слонов топографические съемки, также никогда не видали ни одного трупа слона.

Куда же исчезают слоны, умирающие естественной смертью? Встречаются люди, которые говорят: «Их хоронят живые собратья!» Подобное мнение нет даже смысла оспаривать.

Как в Азии, так и в Африке имеются предания. На Цейлоне считают, что слоны, чувствуя приближение последних дней своих, отправляются в труднопроходимую лесную чащу около величественных руин древней столицы острова города Анурадхапура.

В южной Индии кладбищем слонов считается озеро, к которому можно пробраться только через узкий проход; в Сомали — глубокая долина, окруженная непроходимыми лесами. Однако никто не может сообщить ничего достоверного и подробного об этих легендарных кладбищах, никто и никогда еще не видел их.

Разумеется, подобные некритически воспринятые легенды и предания не становятся более убедительными оттого, что их повторяют на своих страницах некоторые европейские газеты. Один из таких рассказчиков зоологических небылиц, побасенки которого я недавно имел возможность прочесть, утверждает, будто большие гиганты, «движимые древним инстинктом», сами отправляются на кладбище слонов: «Там, в недостижимой чаще девственного леса, стоят эти смертники среди гор слоновой кости, среди несметных сокровищ, которые делают нашедшего их самым богатым человеком в мире».

Вот что утверждает этот автор, вынужденный в то же время признать, что нет еще на свете человека, белого или темнокожего, который был бы свидетелем естественной смерти слона, и что никогда еще не удавалось обнаружить ни одно из этих таинственных кладбищ.

* В настоящее время Читтагонг находится на территории Восточного Пакистана.— *Прим. ред.*

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Более серьезно следует отнестись к статье А. М. Макензи, который заметил, что в округах Эльгейо и Сук в Уганде, где он охотился, подстреленные слоны всегда уходили к северу. Однажды он отправился по следам тяжело раненного животного, но потерял их на берегу реки Перкуэлл. Из этого он заключил, что обреченный на смерть слон переплыл реку, чтобы попасть на остров, находившийся посреди нее. Ночью Макензи сам переправился на остров и, найдя там животное, добил его. При этом он обнаружил на острове двадцать скелетов слонов, но без слоновой кости (бивней). Макензи утверждает, что слоновую кость унесли местные жители, которые знали об этом, а также о других подобных кладбищах, но хранили эти сведения в тайне.

Целую неделю Макензи пробыл на острове. Ежедневно туда прибывали больные слоны явно для того, чтобы провести здесь свои последние дни или же сразу умереть. В одном случае такого слона сопровождал до берега самец, но на остров он переправился один.

По мнению Макензи, открытое им кладбище было одним из самых маленьких. Из беседы со старыми африканцами племени масаи он узнал, что в округе Кавамайя есть гораздо более крупное кладбище слонов.

О надежности утверждений этого автора я ничего не могу сказать. Важную роль в его рассказе, к которому следует отнестись с большой осторожностью, играет вода — и это как раз тот момент, который как будто приближает нас к решению проблемы.

МОГИЛА В БОЛОТАХ

Заслуживает внимания наблюдение, сделанное Гансом Шомбургком. Однажды, выйдя из лагеря на реке Руаха, он последовал за больным слонем-самцом, отделившимся от стада. Животное направлялось в ту часть степи, которая постоянно была покрыта водой метра на полтора. Целых пять дней простоял здесь слон совершенно неподвижно. Наконец Шомбургк приблизился к нему и пристрелил его.

Уильямс, который более двадцати лет в Индии и Бирме имел дело с этими животными, а во время

второй мировой войны командовал «ротой» слонов, рассказывая о последних днях умирающего слона, также отводит важное место воде.

«После того как слон достигает возраста 75 или 80 лет, — полагает он, — начинается постепенный упадок его сил. У него выпадают зубы, кожа на висках становится дряблой и обвисает. Когда-то вместе со всем стадом он преодолевал большие пространства и пожирал в день свои триста килограммов зеленого корма. Теперь ему уже не под силу совершать длинные переходы. Он уходит из стада. В холодные времена года ему легко находить себе пищу, состоящую главным образом из бамбука. Когда же наступают жаркие месяцы, поиски корма становятся затруднительными. В апреле или мае он отправляется к какому-нибудь пруду, который находится над горным ущельем. Зеленого корма еще хватает вдоволь. Но пруд с каждым днем высыхает и под конец превращается в илистую яму. Слон, стоя посередине нее, опускает хобот в мокрый песок и посылает им себя. Но вот в один прекрасный день разражается сильная гроза. С гор низвергаются бурные потоки воды, несущие гальку и вырванные с корнем деревья. Этим силам природы одряхлевший слон уже больше не может противостоять. Он подгибает колени и скоро выпускает дух. Волны уносят его труп и сбрасывают в ущелье...»

Однако то, что описывает Уильямс, все же представляется частным случаем, а не правилом. Не всегда пруд, до которого добирается умирающий слон, находится над пропастью, и не всегда в решающий момент разражается гроза. Но в общих чертах данные Уильямса все же совпадают с мнением зоологической науки. Когда слон стареет, говорит эта наука, мускулы отказываются служить ему. Он уже не в состоянии поднимать хобот, и поэтому ему грозит опасность погибнуть от жажды. В столь томительном положении ему не остается ничего иного, как выискивать глубокие места, чтобы добраться до воды. Но при этом он легко увязает в иле и уже не может из него выбраться. Его обглаживают крокодилы, и половодье уносит его скелет. Водопой становится могилой слона, и так как сюда приходит в дни старости в надежде утолить жажду отнюдь не он один, то этот водопой действительно может стать кладбищем слонов.

В Лондонском зоопарке

Купание рабочего слона в Бирме

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС В РОЛИ МОГИЛЬЩИКА

При выяснении вопроса о существовании кладбищ слонов нельзя игнорировать исключительную способность девственного леса поглощать без остатка всевозможные трупы, в том числе и такие гигантские, как слоновые. Большие и малые пожиратели падали набрасываются на труп, причем такие птицы, как коршун и марабу, для которых кожа слона слишком прочна, проникают внутрь его тела через пасть или же через прямую кишку. Имеются даже любители костного мозга, содержащегося в бивнях слона. Это дикобразы. Чтобы добраться до любимых ими «лакомств», они истачивают слоновую кость так же, как бобер дерево.

Унтервельц был однажды свидетелем того, как целая стая гиен с воем набросилась на труп убитого слона. В трупе кишели миллионы белых личинок насекомых, а миллионы мясных мух придавали его коже синеватый отблеск. Вскоре на удобренном месте буйно разрослась растительность.

Однажды у пересохшего озера Смитерс в Южном Техасе трупы погибших от жажды животных образовали гигантское кладбище. Уже через десять месяцев место этой трагедии поросло растительностью высотой до пяти метров, так что скелеты почти исчезли в ней.

IV

ТАНК ДРЕВНОСТИ

ПРОТИВНИК СТЕРТ В ПОРОШОК

К сожалению, население Центральной Африки, живущее среди богатейшей фауны, на протяжении всей своей истории не сумело приручить ни одно четвероногое. На слонов только охотились и убивали их. В противоположность африканцам индийцы уже несколько тысячелетий назад увидели в слоне не только поставщика слоновой кости и мяса: они взяли его в плен и научили выполнять самые различные обязанности.

Классическая роль слона в древней Индии — служить радхам военной машиной, внушая противнику страх и подвергая его испытанию у него. И очень часто именно слон решал, какое племя в самом буквальном смысле слова будет стерто в порошок.

Во время своих походов в долину Инда Александр Македонский впервые узнал, что индийские государи используют слона в качестве тяжелого орудия. Именно тогда Запад познакомился с боевыми слонами и в дальнейшем основательно использовал эти познания.

После смерти Александра Македонского для западного мира началась многовековая эпоха, во время которой боевые слоны играли немалую роль.

Как выглядел этот танк древности?

Благодаря всевозможным украшениям он приобретал весьма воинственный вид. На спине его укрепляли башню, в которой сидели три-четыре (а по некоторым источникам даже 32) лучника, готовые пустить стрелы во вражеские полчища. Лоб его был защищен металлическим щитом. На шее животного, прислонившись спи-

ной к башне, сидел погонщик-«индиец», как его независимо от настоящей национальности называли в память о служивших Александру Македонскому индийских погонщиках слонов. Слон был хорошо выдрессирован (или по крайней мере должен был быть таким). От него ожидали, что на поле брани он пойдет вперед, вторгнется в боевые порядки противника и растопчет врагов и тем скорее оправдает эти ожидания, чем более дико будет вести себя. Чтобы привести слона в ярость, его искусственно возбуждали спиртными напитками.

Слоны нередко выступали как подавляющая боевая сила, которой воины были обязаны своим триумфом. Однако нередко они не оправдывали возлагавшихся на них надежд и иногда не только не приносили победы, но и сами способствовали поражению.

«ЛУКАНСКИЙ БЫК»

Сирийский царь Антиох I Сотер в 275 году до новой эры вел войну против галатов. Его триумф обеспечили шестнадцать слонов, которых он пустил в бой не в начале сражения, а (в целях устрашения) лишь на его более поздней стадии. Когда они внезапно появились, враги, и особенно их лошади, были так напуганы неожиданным зрелищем, что самым разумным выходом из положения им показалось паническое бегство. Антиох признал заслуги своих слонов и на сооруженном в честь победы памятнике велел высечь изображение слона.

Римляне впервые и с немалым для себя уроном встретились с боевыми слонами во время битв при Гераклее и Аускуле в войне с Пирром, честолюбивым царем Эпира. Они даже не знали названия этого колоссального животного. Но так как все сущее в этом мире должно иметь название, то получили его и слоны. Римляне прозвали слона по наименованию области, где впервые увидели его, «луканским быком».

Эти «луканские быки» великолепно проявили себя в бою. Они обеспечили своим господам победу над римлянами. Но вскоре Пирру пришлось убедиться, что слоны не всегда гарантируют успех. Спустя четыре года после Гераклеи и Аускула в битве при Бене-

венте римские стрелки уже не испытывали прежнего ужаса перед этим животным. Наоборот, они сами нагнали на слонов такой страх, что те повернули против собственных боевых порядков и внесли в них полное смятение *. А когда Пирру пришлось биться в пелопоннесском городе Аргосе, то слоны произвели настоящую катастрофу. На улицах города животных нельзя было заставить отличать своих от врагов. Они топтали каждого, кто попадался им на пути. Эпирам пришлось отступить. Но ворота, через которые они должны были отходить, оказались прегражденными. В воротах лежал самый крупный из боевых слонов и, издавая убийственный рев, вовсе не желал выполнять приказаний своих хозяев.

Однако, несмотря на эти неудачи, роль боевых слонов не упала. Наоборот, она еще более возросла во время Пунических войн. Карфаген, богатый и сильный город на средиземноморском побережье Африки, уделял боевым слонам большое внимание. В городе было триста стойл для слонов. Североафриканская торговая держава не вела ни одной войны, в которой хорошо выдрессированный слон не выступал бы в качестве ценной вспомогательной силы.

Во время 1-й Пунической войны, когда Карфаген стремился прежде всего овладеть Сицилией, Ганнон с шестьюдесятью слонами переправился на остров. В дальнейшем ходе войны карфагеняне выставили на африканской земле против римского консула Регула сто слонов, которые обеспечили им победу над небольшим вражеским войском.

ИЗ ИНДИИ ИЛИ ИЗ АФРИКИ?

Иногда задают вопрос: откуда появились эти боевые слоны — из Индии или из Африки? Есть сторонники и той и другой точки зрения, и обе они имеют свои основания.

В настоящее время в Северной Африке слоны не обитают, однако в древности они там обитали и даже процветали, особенно в тогдашней Гетулии. Можно

* Слоны были напуганы градом огненных стрел, пущенных из римского укрепленного лагеря.— *Прим. ред.*

предположить, что они водились и вблизи Карфагена (то есть на территории нынешнего Туниса). Следовательно, карфагеняне имели возможность приручать этих животных.

Не подлежит сомнению, что дрессированные слоны были известны в Африке еще в древности. Доказательством этому может служить изображение африканского (о чем свидетельствуют огромные уши) слона, на котором сидит погонщик с заостренной палкой, на нумидийской монете достоинством в четыре драхмы времен 130 года до новой эры. Однако сомнительно; чтобы приручение африканского слона получило уже тогда широкое распространение. Ведь до нас даже не дошли сведения о методах ловли этих животных, которые применяли карфагеняне. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что древним египтянам, которые, вероятно, переняли бы карфагенскую практику, ловля и укрощение слонов, по-видимому, не были известны.

Защитники «индийской версии» указывают на то, что карфагеняне были торговцами и мореплавателями, и поэтому вполне можно предположить, что они покупали слонов вместе с погонщиками в Азии, где их приручали с незапамятных времен. Доставка могла происходить без особых затруднений, а именно морским путем в тогдашний Вавилон, а оттуда по суше через Ливию и Киренаику.

СУРУС В АННАЛАХ ИСТОРИИ

Во время 2-й Пунической войны Ганнибал, который, как известно каждому школьнику, с девятилетним войском выступил из Испании в Италию, вел с собой, по одной версии, тридцать семь, а по другой — пятьдесят слонов. Но известно также, что при переходе через Пиренеи все они, кроме одного, погибли*. Сведения о причинах этой катастрофы до нас не дошли. От сурового климата слоны не погибают, об этом мы уже говорили. Возможно, что Ганнибал переходил через горы во время чрезвычайно неблагоприятных климатических явлений (а это было осенью), возможно также, что у карфагенян не хватило корма.

* Это случилось при переходе через Альпы.— *Прим. ред.*

Однако шестнадцать лет спустя Ганнибал снова пополнил поголовье слонов. Восемьдесят слонов — больше, чем когда-либо раньше, — он ввел в битву при Заме. Битва была проиграна карфагенянами, и факт этот имел всемирно-историческое значение. Но нас интересует в данном случае другое — она была проиграна главным образом по вине слонов.

Римские солдаты не были новичками в битвах с этими колоссальными животными. На аренах своих родных городов они убедились, что слоны — совсем не те свирепые звери, какими они сначала казались. Во время игр каждый мог видеть, что слоны не только не бросаются на людей, но позволяют им гонять себя взад и вперед тупыми копьями. В дополнение к таким общим познаниям о повадках слонов солдат методически обучали применению новой техники против этого вражеского оружия. Римлянам наказывали не пугаться гигантских животных, а, рассыпавшись против них в цепь, резко и громко трубить, пускать стрелы и метать копья в самые уязвимые их места и в погонщиков.

При Заме эта теория была применена на практике, и притом с огромным успехом. Боевые порядки карфагенян пострадали от ударов хоботов и тяжелых ног напуганных до потери сознания слонов значительно больше, чем римские. После битвы потерпевшие поражение карфагеняне должны были вместе со всем остальным оружием передать победителям-римлянам и уцелевших слонов. Римский полководец Катон сообщает, что, передавая животных, карфагеняне со скорбью называли их имена. И Катон, который не особенно охотно приводит имена военачальников и упоминает лишь немногих из них, выделяет имя одного слона, который сыграл в этой битве особенно выдающуюся роль. Звали его Сурус, и о его отваге свидетельствовал сломанный в пылу сражения бивень.

БОЕВОЕ ЖИВОТНОЕ НА АРЕНАХ

Несмотря на некоторую утрату боевых достоинств слонов, римляне не отказывались от их применения. Они добывали слонов у побежденных врагов или же получали их в виде подарков от дружественных африканских государей. Но в их войнах эти животные никогда

не играли решающей роли. Слонов часто использовали в цирках и на арене. Древнеримские организаторы празднеств не могли устоять против сенсации, которую таит в себе появление на арене серого гиганта! И хотя римская публика не отличалась тонкостью чувств, она, видимо, не желала, чтобы арена несла слону смерть. Когда Помпей во время игр по случаю освящения храма Венеры выпустил на арену для единоборства с пленными гетулами, вооруженными копьями, двадцать слонов, зрители не только не порадовались этому зрелищу, но, наоборот, сочувствовали обреченным на смерть животным и осуждали Помпея.

В начале нашего века, когда на индийских аренах устраивались бои слонов, для них находили если и не достойную одобрения, то все же гуманную форму.

Обычно слоны относятся друг к другу прекрасно. Они и не помышляют о том, чтобы причинять боль своим собратьям или набрасываться друг на друга. Совсем иное дело, если самец находится в состоянии муста — близком, но не вполне аналогичном яру, когда он едва ест, становится ненадежным и злобным, легко возбуждается. Внешне это выражается в том, что железа, находящаяся у самцов между глазом и ухом, набухает и выделяет жидкость. Вот таких-то животных и выпускают друг против друга, хотя и не с той целью, чтобы они изувечили или даже прикончили один другого. Индеец не настолько кровожаден, да и никому не интересно ради сенсации бессмысленно жертвовать драгоценными слонами. Организаторы подобных зрелищ находят удовольствие в том, чтобы просто заставить животных померяться силами.

Как же вели себя на арене слоны, каждого из которых сопровождал десяток служителей с длинными копьями? Нагнув голову и дико трубя, они мчались друг на друга, сталкивались лбами и стремились оттеснить противника. Когда же более слабое животное начинало сдавать, оно, как правило, отскакивало в сторону и несколько раз как бы в смущении обходило арену. В конце концов оно вновь вступало в бой, и при каждом удобном случае противник стремился повалить его на землю.

Как удавалось разнять животных? Очень просто: между ними бросали ракеты фейерверка, дым и треск

которых приходились им в высшей степени не по вкусу. После этого к ним быстро подбегал сторож, стреноживал их, и они, не сопротивляясь, позволяли увести себя прочь.

СЛОНОВЫЙ ТОРЕАДОР

Надо сказать, что индийская арена знает и бой слона с человеком. В круг вступает огромный самец. Он явно не ищет ссоры, но ему быстро портят его добродушное или по крайней мере нейтральное настроение люди, которые неустанно колют его копьями. Как бы терпелив ни был слон, но это причиняющее боль поддразнивание в конце концов становится несносным. Издавая горловые звуки и хлопая ушами, он хоботом начинает искать возмутителя своего спокойствия. Но его продолжают дразнить, и слон раздражается все сильнее и сильнее. Наконец он бросается на одного из своих мучителей. Если слон дотянется до него хоботом, то дело кончится плохо. Хотя у пикадора достаточно быстрые ноги, долго выдерживать темп, чтобы сохранять дистанцию между собой и своим преследователем, он не в состоянии. Расстояние постепенно сокращается. В этот момент ему на помощь приходят товарищи. Несколько уколов в заднюю часть тела побуждает гиганта оставить врага и обратиться против другого противника. Новое преследование, которое прерывается новыми уколами. Игра продолжается еще некоторое время. К концу ее слон приходит в такую ярость, что его уже нельзя сбить с избранного им направления. Положение осложняется. Рассвирепевшее животное вот-вот настигнет своего мучителя. Уже осталось каких-нибудь несколько метров. И тогда в последний момент преследуемый проскакивает в небольшие ворота, ведущие с арены. За ним захлопывается на запор обитая железом дверь. Слон явно удивлен исчезновением двуногого существа. Он изо всех сил толкает дверь лбом, но тщетно. Вся его сила не может сломать прочную дверь. Если его не начинают снова мучить, он постепенно успокаивается и без сопротивления позволяет увести себя в стойло.

Следует упомянуть еще об одном, правда давно отошедшем в прошлое, противоестественном использовании слона в роли палача. Когда-то при дворах некото-

рых индийских князей был обычай умерщвлять осужденных преступников с помощью слона. Так, в старинных, относящихся к XVII веку путевых заметках нюрнбержца Иоганна Якоба Саара сообщается, что тогдашний царь государства Канди, расположенного в глубине Цейлона, держал двух слонов специально для совершения экзекуций. Во время войны голландцев против этого царства один пленный голландский прапорщик за незначительный проступок был приговорен к умерщвлению слонем. Саар описывает, как происходила эта казнь, совершенная в присутствии остальных голландских военнопленных. Прапорщик был привязан к столбу. Затем на осужденного начали натравливать слона, на спине которого сидел погонщик. Не воинственное и не злое от природы животное не выказывало ни малейшей склонности стать палачом. Его никак не удавалось натравить на привязанного к столбу смертника. Но человек все же сильнее (не в физическом смысле), чем слон, и ему удается навязать животному свою, иногда столь гнусную волю. Всевозможными истязаниями слон был приведен в такую ярость, что в конце концов, как говорится в этом описании, «лишь по принуждению устремился на несчастного, пронзил его обоими бивнями, подбросил вверх и, когда тот упал на землю, бросился топтать его, так что он недолго и мучился».

НЕВЕЖЕСТВЕННОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Насколько слон был известен в древности (в литературе упоминания о нем восходят к Гомеру), настолько в средние века память о нем все более и более стирается. Объясняется это прежде всего тем, что эти гиганты лишь крайне редко попадали в Европу.

Разумеется, нельзя точно сказать, когда именно на протяжении столетий отдельные слоны появлялись в Европе. Ведь до последующих поколений дошли сведения не обо всех слонах, в тот или иной период прибывших в нашу часть света. Но вот с собора Парижской богоматери подмигивает нам добродушный слон. Животное изображено очень верно. Можно определенно сказать, что неизвестный художник, живший в XIII веке,

видел живого слона. Никто, однако, не может сказать, где находился в то время этот живой объект, послуживший ему моделью. И кто мог бы сообщить нам, какой именно слон вдохновил Рембрандта сделать два наброска, на которых так точно изображены морщинистая кожа колосса и его тяжеловесное тело (эти наброски хранятся в «Альбертине» в Вене и в Британском музее в Лондоне).

Некоторые подробные описания случаев прибытия слонов в Европу позволяют предположить, что они рассматривались современниками как важные события, и большинство из них все же нашло отражение в литературе.

Самое раннее упоминание о слонах в средние века относится ко времени Карла Великого, который получил индийского слона в подарок от багдадского халифа Гаруна-аль-Рашида. Животное прибыло в Ахен в 802 году.

К середине XIII века относится известие о том, что французский король Людовик IX преподнес слона английскому королю Генриху III.

«В ГЕРМАНИИ НЕИЗВЕСТЕН»

Слон, которого показывали в середине XV века на Франкфуртской ярмарке, вошел в городскую хронику. А другой слон, которого сто лет спустя демонстрировали в Бриксене — тогдашнем Тироле, был воспет в стихах:

То было в году 1551,
В день второй января,
И слон, животное это,
В Германии был неизвестен.
И был он сюда приведен
В честь всемогущего князя
И государя нашего
Максимилиана, богемского
Короля и эрцгерцога Австрии...

Даже профессионалы-зоологи не имели в то время ясного представления о слоне. Так, например, на иллюстрациях к книге «Зоология в 1603 году» у него слишком маленькие бивни и деформированный, заканчивающийся широким отверстием хобот.

Сохранилась нюрнбергская афиша начала XVII века с изображением весьма злобно глядящего слона, на шее которого восседает размахивающий бичом негр. Надпись на афише гласит:

«Да будет известно всякому, что прибыл восточный слон, десяти лет от роду и десяти пядей ростом, коего природа умом необычайным наградила. Кто сего слона видеть желает, в любой день, в любой час пусть к нам поспешает. Плата за вход — по два батцена со взрослого, с детей малых — по одному».

Только в XVIII веке в литературе появляются отдельные описания слонов, сделанные на основе личных наблюдений и более или менее отчетливо проводящие различие между индийскими и африканскими слонами.

V

ЛОВЛЯ И ПРИРУЧЕНИЕ СЛОНОВ В ИНДИИ

ЗАГОНЩИКИ ОЦЕПЛЯЮТ СТАДО

Итак, в Индии в отличие от Африки слона не убивают, а ловят и приручают. Такая ловля приобретает характер народного праздника. Начинается он с того, что уполномоченный организатора ловли рассылает по деревням нарочных. Они призывают население прибыть на сборные пункты, захватив с собой достаточно провизии.

Прибывшие поступают под начало профессиональных охотников — шикари и образуют необходимую для ловли слонов и насчитывающую иногда несколько тысяч человек цепь загонщиков. Как только главный шикари обнаружит стадо, установив, что двадцать или тридцать слонов в течение нескольких дней пасутся на одном и том же месте, загонщикам приказывают оцепить это стадо. Сначала посты устанавливаются на расстоянии 50—60 метров один от другого, потом они постепенно начинают сближаться. Главный шикари на этой стадии следит прежде всего за тем, чтобы животных по возможности не беспокоили и в то же время не выпускали из виду. Конечная цель облавы загнать слонов в заранее построенные и приготовленные к их приему краали.

КАК ВЫГЛЯДЯТ КРААЛИ

Краали несколько отличаются один от другого. В Индии они, как правило, представляют собой загоны, имеющие форму круга диаметром 150—200 метров. Загоны окружены оградой из толстых древесных стволов. Вход в крааль, перед которым расположен хорошо

замаскированный частокол воронкообразной формы, имеет ширину примерно четыре метра и может закрываться опускающейся решеткой.

Сингальский дрессировщик слонов Эпи Видане, принимавший участие во многих облавах на Цейлоне, говорил мне, что размеры краалей на этом острове значительно больше, чем в Индии. Крааль представляет забаррикадированный квадрат, длина которого равна километру. Одна из его сторон удлиняется забором также километровой длины. На этот забор гонят слонов, и вдоль него они затем «проскальзывают» в крааль. Вблизи краалья обязательно находится пруд, запах которого притягивает животных. На Цейлоне число участников облавы составляет несколько тысяч. Каждый из них, как сказал мне Эпи Видане, должен предварительно составить завещание.

КАК ПРОИЗВОДИТСЯ ОБЛАВА?

Загонщики снабжены палкой или копьем. Им дается указание не пугать животных шумом и криком, ибо, если слонов охватит паника, они могут прорвать оцепление. Задача заключается в том, чтобы спокойно, мягкими мерами побудить слонов двигаться в нужном людям направлении — к краалю. Необходимое воздействие на них должен оказывать прежде всего тихий шорох в зарослях, от которого животным становится не по себе. Они начнут подозревать что-то неладное и медленно пойдут прочь. Существуют не только отрицательные, но и положительные средства, чтобы направить слонов в нужную сторону, и этими средствами являются лакомства: душистое сено, бананы, сахарный тростник. Однако не человек, или по крайней мере не он непосредственно, приносит им корм, служащий приманкой. Чаще всего корм доставляют на прирученных слонах и сбрасывают на землю вилами. Слоны, получающие этот коварный дар, совсем еще дикие. Следовало бы, собственно, ожидать, что они бросятся на безрассудного человека, отважившегося затесаться в их среду, и, объединившись в организованной атаке, стащат его с прирученного слона и затопчут. Но как правило, исключения из которого еще никогда не наблюдались, человек, въезжающий на прирученном слоне в стадо диких,

находится в полной безопасности, даже если его везет совсем молодой слоненок.

Итак, животные не трогают всадника, а интересуются только приманкой. Главная задача загонщиков в этот период ловли та же, что и прежде, — не делать ничего, что может испугать или насторожить слонов, которых весьма легко вывести из состояния безмятежного покоя. А уж если только они испугаются, в них словно вселяется дьявол, и тогда они несутся прочь, пробегая без остановки многие километры. В этих случаях вся трудоемкая работа по оцеплению начинается сначала.

Однажды во время охоты на Цейлоне стадо примерно из сорока слонов три раз прорывало оцепление, в котором участвовало более тысячи человек. Полные первобытной мощи, мчались эти животные сквозь цепь. Во главе их каждый раз был вожак — могучая темпераментная самка. И только после того как охотники отделили от стада его предводительницу, они смогли загнать его в крааль.

В ДЖУНГЛЯХ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ...

Слоны, и в частности их старая предводительница, явно не имеют никакого представления о том, что задумали их противники. Ведь люди стараются по возможности не показываться. Но все же слоны обеспокоены — в джунглях что-то происходит...

На следующий день в лесу слышны удары, скрежет, треск. Что происходит?.. Это участники облавы воздвигают вокруг окруженного стада забор из бамбука. Он не очень прочен. Если бы слоны, осознав свои силы и возможности, устремились на него, он не устоял бы и сразу рухнул. Однако животные не умеют оценивать силы, как это делает человек. Все чуждое, доселе невиданное, еще незнакомое внушает им страх. В сущности, эти гигантские неуклюжие животные не храбрее пугливого зайца.

Легкий забор охраняют загонщики, которые на всякий случай снабжены копьями и факелами. Стадо не сдается без борьбы. Но борьба эта очень редко доходит до схватки и обычно ограничивается одними демонстрациями со стороны животных.

Вслед за предводительницей слоны, держась против ветра, устремляются на одну из сторон забора. Но именно здесь-то человек показывает всю свою мощь. Звучит гонг, трубят трубы, гремят выстрелы, поднимается оглушительный крик, повсюду вспыхивают факелы. Один из них летит прямо в голову предводительницы. Куда девалась вся храбрость? Слоны отступают к центру окруженного пространства. Снова наступает тишина. В джунглях воцаряется покой.

СТРАННЫЙ «КОЛЛЕГА»

Наутро мир выглядит совершенно иным, чем в прошедшую ночь. В ненавистном заборе зияет брешь, из которой не доносится человеческий запах. Стадо отправляется дальше. Слева и справа идут взрослые животные, в центре — подзащитный молодняк. И снова на пути многочисленные приманки: целые горы маиса, бананов, сахарного тростника.

Неожиданно к стаду приближается чужой слон, но он не такой, как они сами, а из тех, с которыми они уже вчера познакомились. Ведет он себя странно — спокойно идет своей дорогой, не проявляя к стаду никакого интереса. Что все это значит?

Что касается самого редкостного «коллеги», то из-за него одно стадо не пришло бы в возбуждение. Слоны не могут поговорить друг с другом, как это делают люди. Они не могут и сформулировать свою мысль (что должно было бы предшествовать такому обсуждению). Но зато у них есть нечто другое, у них есть весьма совершенный орган обоняния. От странного слона-одиночки исходит, совсем как вчера, человеческий запах. Это запах двуногого существа, сидящего на спине «коллеги».

Предводительница вовсе не намерена примириться со своим открытием. Она хочет как можно быстрее покинуть это место и отправиться в путь. Стадо собирается следовать за ней. Но тут отвратительный человеческий запах вдруг настигает животных со всех сторон. Неожиданно появляются смуглокожие люди, которые поднимают адский шум. Что остается делать? Слоны сбиваются в кучу, трубят, хрюкают, но чувствуют себя беспомощными и топчутся на одном месте.

Но вдруг шум стихает. Люди исчезают. И на первый план выступает этот таинственный слон, животное их породы и все-таки существо из иного мира. Следует ли идти за ним? Инстинкт подсказывает слонам, что здесь что-то неладно. Однако опыт уже показал им, что мир и тишина воцаряются именно тогда, когда они присоединяются к чужаку, и все неприятные явления возникают, если они отказываются следовать за ним.

Куда же ведет их этот столь не по-братски действующий собрат? Конечно, к воротам крааля. Случается, что, прежде чем слоны войдут в эти ворота, предводительницу, а вместе с ней и все стадо охватывает недоверие и они пытаются повернуть обратно. Однако далеко им не уйти. Им наносят уколы копьями, и, что их особенно пугает, перед ними взрываются пиротехнические снаряды. Наконец они прекращают сопротивление. Следуя за прирученным слоном, они проходят через ворота в крааль. Годы свободы миновали. С этого часа слоны во власти человека.

ОХОТНИКИ-ОДИНОЧКИ ЗА РАБОТОЙ

Разумеется, не следует думать, что загон целого стада в крааль, который требует большого числа участников, длится неделями и разыгрывается как спектакль, — в Индии единственный вид ловли слонов. Бывает и так, что охотники-одиночки (на Цейлоне их зовут паникис) приближаются к слонам и ловят их, так сказать, голыми руками. Но совсем «голыми» их руки все же не назовешь, они держат аркан из буйволово́й кожи. Охотник, незаметно приближаясь со стороны, противоположной ветру, в благоприятный момент опутывает этим арканом ноги слона. Среди индийцев есть большие специалисты такого вида охоты. Это люди, в семьях которых профессия ловца слонов передается из поколения в поколение; они мастерски находят след и приводят выслеженного слона в любое желаемое им настроение.

Конечно, аркан — это минимум того, что требуется для охоты на слонов, и только прошедшие огонь, воду

и медные трубы специалисты этого дела могут позволить себе приблизиться к серым великанам с таким невзрачным оружием.

ТЩЕТНАЯ ПОПЫТКА ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ПЛЕНА

Наиболее старых из загнанных в крааль слонов, тех, что уже не поддаются приручению, снова выпускают в джунгли. При обращении с остальными слонами главным образом соблюдают три условия: спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие.

Если бы у животных был человеческий разум (но как раз его-то у них и нет!) и если бы они думали подобно человеку (но как раз этого они и не могут!), они легко выбрались бы из плена, в который их заманили. Все же какое-то смутное представление о возможности бегства у них, без сомнения, есть. Слоны носятся по краалю взад и вперед, пытаются найти какую-нибудь брешь, но не находят ее. Кругом колья, и остается, кажется, только одно: броситься на человека.

Тогда у них созревает решение применить силу. Внезапно вся группа под предводительством вожака устремляется на какое-нибудь место в заборе. Но в тот же миг приходит в движение и стража, караулящая по ту сторону крааля. Сторожа начинают размахивать копьями (а иногда только палками и дубинками) и поднимают отчаянный крик. Будь слоны порешительнее, жалкие человеческие ухищрения никогда не преградили бы им пути. Конечно, частокол не устоял бы, если слоны начали бы топтать его своими мощными ногами, и, конечно, маленькие человечки ничем не смогли бы помешать им. Но серые великаны до смешного недооценивают свои возможности. Они трусливо отступают перед этой воинственной демонстрацией, сбиваются в центре крааля, жмутся друг к другу и застывают в недоумении, явно не понимая, что все это значит. Если их теперь не раздражать, они не предпримут новых попыток прорыва. И поэтому их не только не раздражают, но, наоборот, стремятся подсластить им (и притом в буквальном смысле слова) пребывание в краале.

Наступает темнота. Ночью вокруг краалья зажигают большие костры, чтобы слоны не пытались снова вырваться на волю.

Утром они уже немного спокойнее, и теперь можно предпринять против них что-нибудь новое. На прирученном слоне в крааль въезжает махаут*. Слон этот равнодушно шагает по краалю. По пути он срывает несколько листьев, а потом направляется в самую гущу вновь пойманных животных. По отношению к такому слону-приманке (его называют декой) дикие слоны ведут себя по-разному. Некоторые из них как будто ждут от него помощи и подпускают к себе с некоторым любопытством. Другие просто знать его не хотят и готовы наброситься на него.

Какова же задача махаута? Он должен успокоить диких животных, «внушить им бодрость» и «настроить на новый лад». И он делает это, рассыпая перед ними всевозможные лакомства. Только что пойманные слоны получают много прекрасных даров. Но самый драгоценный, воду, им не дают, и это весьма хитро задумано. Пусть слонов томит жажда, пусть они изведуют все ее муки. В нужный момент человек, то есть то самое существо, которое обрекло их на мучения, поможет им обрести воду и для питья и для купания. И так как слоны не способны понять связь между явлениями, то, утоляя жажду, они будут ощущать только благодеяние со стороны человека и отнюдь не разгадают его дьявольскую хитрость. Пока что им дают полакомиться вкусными вещами и оставляют в покое.

ПЕТАЛЯ ВОКРУГ ШЕИ

Тем, что слоны бродят по краалю уже не строптивые, еще ничего не достигнуто. Наступает новый этап их приручения. Слонов необходимо связать. На сцену снова выступают ручные слоны. Они входят в крааль, приближаются к стаду, потом снова отходят от него и всякий раз пытаются — притом не без успеха — привлечь к себе внимание остальных слонов. Тем временем

* Махаут — погонщик слонов в Индии. — *Прим. ред.*

под их прикрытием в крааль незаметно проникают махауты, и, пока дикие слоны знакомятся со своими прирученными собратьями, люди обвиняют их задние ноги джутовыми веревками толщиной в добрую дубину. Концы этих канатов привязывают к деревьям, растущим вне крааля. Но спутать слонам только ноги еще недостаточно. Махауты, сидящие на спинах прирученных слонов, набрасывают на шеи диким животным петли, концы которых также привязывают к дереву по ту сторону крааля. Связанные животные, как только до их сознания доходит, что их свободе нанесен ущерб, разумеется, становятся строптивыми. Они вонзают бивни в землю, вырывают с корнем все кусты, до которых могут дотянуться, не едят корма, который им предлагают. Правда, они хватают его, но тут же разбрасывают в разные стороны. И прежде всего они неистово размахивают вокруг себя хоботами. Этому стараются помешать, подставляя под богатырские удары хобота железный прут. Изранив постепенно конец хобота, они ослабляют силу ударов и в конце концов совсем замирают.

Слоны в отчаянии — это слово можно употребить в данном случае с полным основанием. Как бы мы ни были осторожны, сравнивая животное с человеком, можно сказать, что аффекты животных чрезвычайно сходны с нашими. Печаль и гнев охватывают слонов. Но ни напряжение сил, ни рывки, ни буйство им не помогают. Канаты держат их крепко.

Тяжкие дни переживают наши друзья. Вережки врезаются глубоко в тело. Появляются раны, которые надо немедленно лечить, пока в них не завелись насекомые. Конечно, не всех находящихся в краале слонов связывают сразу. Их подвергают этой процедуре одного за другим и, как правило, в соответствии с той опасностью, какую они представляют для окружающих, а также с их качествами как вожаков. Интересно отношение еще свободных животных к уже связанным. Они подбегают к ним, иногда даже поглаживают их хоботом, «жалеют», но никогда не предпринимают ничего, чтобы развязать канаты, хотя, как свидетельствуют действия прирученных слонов на лесопильных заводах, возможности для этого имеются.

ОСВОБОЖДЕНИЕ И... ЗАКАБАЛЕНИЕ

И вот приходит освобождение, которое является одновременно и закабалением: освобождение от удушающих пут и закабаление человеком. Канаты развязывают. Подводят двух ручных слонов. Разбитое и лишенное воли животное послушно становится между ними и позволяет делать с собой что угодно, в особенности же приятное — например, отвести себя к реке на водопой.

Но первоначально пленника еще не полностью освобождают от оков. После возвращения в край его шею (но уже не ноги) опять опутывают веревкой. Слон снова начинает протестовать. Но сопротивление его уже лишено прежней силы. Одновременно ему опять демонстрируют приятную сторону закабаления человеком. Поработитель снял со слона заботу о корме. Бананы и сахарный тростник сыплются на него как из рога изобилия. Он больше не упрямится.

Испытания последнего дня, голодный режим и купание вызвали у него голод. Он хватает пищу и лакомится ею. Проходит несколько дней, и слон разрешает стоящему перед ним человеку притронуться к себе. А еще несколько дней спустя он уже позволяет человеку сесть ему на спину.

Часть прирученных животных продают тут же на месте. На Цейлоне цена их составляет около ста рупий за штуку.

«НЕТ НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ»

Мнение, что преимущественно индийцы или даже вообще только они одни обладают способностью приручать и дрессировать слонов, несостоятельно. Европейцы, безусловно, добились значительных успехов в дрессировке слонов как в Азии, так и в Европе. Одно время считали, что африканские слоны либо не приручаются вообще, либо приручаются в меньшей степени, чем индийские. Это представление тоже ошибочно.

Карл Гагенбек рассказывал, что ему удалось за сутки приучить африканских слонов, которых до этого никогда не пытались дрессировать, переносить на спине сторожа и груз. Поводом для этой блицдрессировки

было посещение Берлинского зоосада во время пребывания там большого нубийского каравана известным профессором Вирховым¹⁵. Ученый подверг сомнению способность африканских слонов к дрессировке. В ответ Гагенбек, покачивая головой, сказал: «Нет никакой разницы!...» И едва только Вирхов ушел, как он тут же велел нубийцам приступить к дрессировке пяти африканских слонов. Вначале животные проявляли крайнее неудовольствие — трубили, отряхивались. Однако уже через несколько часов они под воздействием лакомств и уговоров стали уступать и к середине следующего дня, к радости Гагенбека и удивлению Вирхова, превратились из упрямых и диких в исполнительных верховых и выючных животных.

Если слоны еще не вполне приручены, их оставляют на некоторое время в краале. Обращаются с ними при этом неплохо. Мягким обращением и хорошим кормом можно достигнуть большего, чем грубостью и строгостью. Преобладающее большинство слонов оказывается способным к приручению. Однако некоторые, весьма немногие, не подчиняются человеку ни при каких условиях. Иногда таких «неисправимых» выпускают на волю, а иногда их жизнь обрывает пуля.

КАКУЮ БИОЛОГИЧЕСКУЮ ЗАДАЧУ ВЫПОЛНЯЕТ МУСТ?

В общем и целом на прирученных слонов можно положиться. Как среди самцов, так и среди самок ненадежные экземпляры редкое исключение: это, как правило, животные свирепые от рождения или же находящиеся в уже упоминавшемся выше своеобразном состоянии (муст), которое внешне напоминает яр, но все же отличается от него. Иногда самцы в этом состоянии не выказывают никаких брачных намерений, самки не привлекают их. К чему же тогда муст, какую биологическую задачу он выполняет? Наиболее логичное объяснение — инстинкт побуждает самцов перед спариванием бороться за самку. Их кровь кипит, они рвутся в бой с соперником. Однако при мусте возбуждение животных не спадает даже и после спаривания.

Разумеется, ненадежные слоны встречаются не только среди забияк с детских лет и животных, находя-

щихся в состоянии муста. В Бирме слонов, признанных опасными, выделяют, навешивая им колокольчик. Кроме того, ооци (так в Бирме называют махаутов) получает вооруженного копьем помощника, который обязан ни на минуту не выпускать слона из поля зрения.

ОДЕРЖИМЫЕ БЕШЕНСТВОМ

Хроника несчастных случаев, виновниками которых были ненадежные слоны, чрезвычайно обширна.

Однажды в краале на Цейлоне стал неистовствовать прирученный декой. Он попытался сбросить с себя погонщика, но тот был опытным махаутом. Чего только не предпринимал этот слон-буян, какие штуки он не выкидывал, но ничего не добился. Тогда он неожиданно забросил хобот назад, схватил своего седока, швырнул его наземь и растоптал.

Иногда слоны впадают в неистовство, а затем после всех учиненных ими бед у них наступает состояние, которое, с человеческой точки зрения, может показаться раскаянием (в действительности же оно, разумеется, не имеет с ним ничего общего).

В Бирме один слон, который, впрочем, не находился в состоянии муста, убил своего седока, а потом целую неделю охранял тело убитого, пасся только около него и приходил в страшную ярость при малейшей попытке людей приблизиться к труп. Когда труп разложился, животное сбежало. Десять дней спустя слон был пойман вновь и вел себя вполне нормально.

В другом случае, о котором сообщает Джон Гагенбек, прирученный слон вдруг пришел в бешенство и стал бросаться на каждого, кто попадался ему на глаза. Махауту пришла в голову счастливая, как ему показалось, мысль. Он решил сыграть на пугливости животного, закутал лицо черным платком и, напоминая в таком виде мумию, пошел навстречу своему бушующему подопечному. Но неистовствующее животное не дало себя напугать. Слон бросился на махаута и убил его.

По словам Гагенбека, дальше произошло следующее: с трупа сняли черный платок. Увидев лицо своего мертвого хозяина, слон сразу успокоился, стал гладить труп хоботом и издавать жалобные звуки. В конце кон-

цов он выкопал в земле углубление, затолкал туда труп и украсил могилу ветками и листвой, сорванными с ближайшего дерева.

Гагенбек называет этот случай, который, однако, известен ему только понаслышке, «абсолютно истинным». Это, разумеется, не может помешать нам считать заключительную часть рассказа, особенно версию о том, что слон «украшал» могилу, легендой, основанной на переоценке умственных способностей животного.

Другой слон, сиамского происхождения, за пятнадцать лет убил в Бирме не менее девяти погонщиков. Все свои жертвы он пронзал бивнями. В конце концов его хозяин решил применить радикальные методы лечения. Он велел отпилить у этого великолепно развитого слона оба бивня, да к тому же до самого мяса. Операция явно была весьма мучительной для животного, но раны зажили сравнительно быстро. После этого слон стал кротким как овечка и больше не нападал на человека.

Удивительным кажется то, что найти погонщиков для животных, известных своей злобностью, оказывается не так уж трудно. Такие рискующие махауты получают не большее вознаграждение, чем их коллеги, работающие на смирных слонах. Но встречается немало погонщиков слонов, для которых восхищение их неуместной храбростью уравнивает страшный риск; некоторым эта игра с опасностью, возможно, приходится по вкусу. Действующие по холодному расчету владельцы таких злобных слонов, вероятно, тоже способствовали появлению подобного спортивного фанатизма.

КТО ЛУЧШЕ —

САМКА ИЛИ САМЕЦ?

Если сравнивать качества самцов и самок с точки зрения возможности их использования человеком, надо сказать следующее. Самцы крупнее и сильнее самок, а также менее пугливы. Но наряду с этими преимуществами у них имеются и недостатки. Достигший половой зрелости самец начинает проявлять склонность к бунту. Его повелитель теперь для него больше не вождь, которому он подчиняется, а соперник, с которым он борется за предводительство над стадом.

Конечно, индийские махауты пытаются обуздать таких слонов. Одно из самых действенных, но и жестоких средств — это держать самца в состоянии длительного недоедания. Таким способом умеряют его бьющую через край силу. Но даже сокращение кормежек не является абсолютно надежным средством против вспышек буйства. И погонщикам в Азии нередко приходится расплачиваться своей жизнью.

ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ ДЕЛАТЬ ОБУЧЕННЫЙ РАБОЧИЙ СЛОН

Недостаточно приручить слона и заставить его терпеть на своей спине махаута или ооци. Слон должен выполнять работу, и этой работе, которая может быть весьма разнообразной, его надо обучить. Это делается уже в течение многих веков в индийских и бирманских школах для слонов. Слон должен научиться реагировать на значительное число слов и телодвижений погонщика. «Ученый» слон по команде поднимает с земли трубку, нож, палку, которые бросает его погонщик, натягивает или ослабляет обвитые вокруг деревьев цепи. Он должен уметь понимать смысл телодвижений махаута. Если махаут напрягается и откидывается назад, это значит, что он желает, чтобы слон остановился. Нажим коленом на один из боков должен побудить слона повернуть в ту или другую сторону. Удар справа или слева означает, что надо поднять правую или левую переднюю ногу. Если погонщик наклоняется вперед, значит, он хочет, чтобы слон опустил на колени.

Этапы обучения молодого слона, как правило, следующие. После того как слоненок отвыкнет от матери, что обычно происходит на пятом году жизни, животное необходимо приучить к погонщику. Дрессировка происходит в лагере, поблизости от которого протекает река. В центре лагеря сооружается треугольная ограда из деревянных кольев в рост слоненка. С помощью прирученного слона, приманки или же силой слоненка загоняют в эту ограду. Он входит в загон через открытую сторону треугольника, которую тотчас же закрывают. Животное чувствует, что его лишили свободы, и начинает буйствовать. Его пытаются успокоить, угощая бананами и другими лакомствами. Рядом с оградой

установлен обслуживаемый двумя рабочими блок, при помощи которого будущий погонщик опускается сверху на спину слона. Однако животное не желает мириться с этим маневром и становится беспокойным. Тогда седока поднимают вверх, но, как только слон успокаивается, его опускают опять.

Эта игра продолжается до тех пор, пока слоненок не устанет сопротивляться. В конце концов он примиряется с судьбой и уж больше не пытается сбросить погонщика со своей спины. Он как будто говорит теперь: «Конечно, то, что вы делаете, глупо, и я не понимаю, к чему это. Но если уж вам так хочется, пусть будет так!..»

ПАЛОЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Даже когда молодых слонов уже удалось приучить терпеть седока на своей спине, они нет-нет и заикаются. Уильямс сообщает, что один из слонят его лагеря имел обыкновение нападать на него при всяком удобном случае. Надо было что-то предпринять. Решили как следует отколотить животное, точно так, как воспитатели (заметим кстати: плохие) поступают с непослушным ребенком. Слона загнали за треугольную ограду, и здесь собравшиеся для этой процедуры люди нанесли ему десятки палочных ударов. До начала порки Уильямс стал перед слоном и, показав палку, пытался дать ему понять, что его ожидает. Каков же результат? Когда на следующий день молодой слон завидел Уильямса, случайно державшего в руках палку, он оглушительно затрубил и умчался в джунгли. Разумеется, нельзя предположить, что получивший побои слон способен уяснить связь между «виной» и «возмездием». И в данном случае до сознания слона, разумеется, не дошло, за что он получил побои (не говоря уже о том, что он не мог бы понять «справедливости» наказания). Результатом наказания, естественно, могло быть лишь то, что животное стало ассоциировать вид несимпатичного ему по каким-либо причинам человека с исходившими от этого человека неприятными ощущениями и в дальнейшем не решалось больше на него напасть.

Когда слон достигает восьмилетнего возраста, на него впервые навьючивают легкий груз и приучают подниматься в гору или преодолевать вброд мелководье.

В течение последующих лет он привыкает выполнять более трудные работы, например поднимать с земли и складывать в кучу для костра хворост или высвобождать цепь, запутавшуюся в бамбуковых зарослях. Только по достижении девятнадцати лет слон считается полноценным. Он уже «обучился», а его мощь достигла высшей точки развития. Он вступил в возраст зрелого мужчины, длящийся примерно до пятидесяти пяти лет.

Классическая работа азиатского слона — его труд на деревообделочных и лесопильных предприятиях, например, таких, как в Рангуне (Бирма), где бывают заняты сотни животных. Здесь они находятся постоянно, и здесь они лучше всего проявляют себя как работники.

Что может делать слон на лесопильном заводе? Главная его обязанность — переносить бревна. Большой частью он делает это при помощи хобота. Если бревна слишком длинные и толстые, он влочит их по земле. Некоторые старые самцы, когда им надо перенести тяжелое бревно, опускаются на колени, подкладывают под него снизу бивни и, придерживая его хоботом, несут затем до пилы. Уборка распиленных стволов также входит в обязанности рабочих слонов. Они не сбрасывают доски как попало, а аккуратно укладывают их штабелями. Человеческие руки не могли бы работать более надежно. Кучи опилок слоны сдувают. Однако слоны знают не только свои обязанности, они хорошо понимают и значение колокола, подающего сигнал к окончанию работы. После того как он прозвучал, слон уже больше ничего не понесет своим хоботом.

БИОГРАФИЯ ПО СЕЙНА

В Индии и Бирме имеются два способа содержания слонов. Некоторые крупные предприятия, такие, как лесопильные заводы в Рангуне, Моулмейне, Мандалае, размещают слонов (число которых часто доходит до нескольких тысяч) в стойлах точно так же, как лошадей. У этих животных на задней части корпуса клеймо, которое им выжигают в юности (обычно в возрасте шести лет). Что касается событий, которые происходят в их жизни, то точные сведения о них дают записи в книге, заведенной на каждого слона.

Содержание записей примерно следующее:
По Сейн, № 895

- 1897 г. Родился в ноябре.
1903 г. Выдрессирован. На обеих ягодицах выжжено клеймо «С».
1904—1917 гг. Работал в качестве вьючного животного.
1918—1921 гг. Переносил бревна в районе реки Му.
1922 г. Переведен в леса Ганго.
1932 г. Ранен в схватке с диким самцом. В течение года для работы не использовался. Полностью вылечен.
1933 г. Переведен в Киндабские леса.
1943 г. Занят на переноске древесных стволов для строительства мостов.
1944 г. Переведен в Сурунскую долину. Исчез на один день. Найден на ананасовой плантации, где съел примерно тысячу плодов. Острые колики. Вылечен.
1945 г. Отдан лесопильному заводу во Вьетокском лесу.
1951 г. 8 марта. Найден мертвым. Застрелен неизвестным в районе Вьетока.

ТРУД БЕЗ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

Такие животные, содержащиеся в стойлах на «казарменном положении», всегда находятся под рукой у своих хозяев и под их контролем. Но постоянное содержание слонов в неволе имеет и свои отрицательные стороны: лишенные свободы животные не размножаются в таких же масштабах, как находящиеся на воле. Можно сказать: ну и что же! Когда возникнет нужда в рабочих слонах, их можно наловить в джунглях! Но это неверно по двум причинам: во-первых, джунгли не неисчерпаемы, и, во-вторых, приручение и дрессировка выросшего на свободе животного или рожденного в неволе слоненка — вещи разные. В последнем случае все происходит значительно легче и без помех. С самого рождения слоненок находится в постоянном контакте с хозяином своей матери, рассматривает его как своего товарища по играм и принимает от него

пищу. Понятно, что животное, с младенческих лет привыкшее к человеку, легче поддается дрессировке, чем пойманное в джунглях.

Поэтому в Бирме, реже в Индии, можно встретить и другое, более оригинальное обращение с прирученным слоном. Днем он работает, но потом он «сам себе хозяин», а это прежде всего означает, что он сам должен заботиться о своем пропитании. Своеобразный метод, подумает тот или иной читатель: слон выматывает силы ради человека, которому помогает в работе, а затем ему отказывают даже в корме — само собой разумеющемся вознаграждении, которое получает любое животное в цирке или зоопарке в качестве компенсации за лишение свободы! С человеческой точки зрения, это, несомненно, самая отвратительная эксплуатация. Но сам слон, не способный мыслить понятиями, не имеет ни малейшего представления о нелепости предназначенной ему роли. Так же как он не может оценивать человеческими критериями свои собственные поступки, так же не может он применять эти критерии и к человеческим действиям.

После работы погонщик едет на своем слоне домой, а дом его частенько находится за много километров от завода. Затем он отпускает слона, и животное может делать все что ему угодно. Ну и что же оно делает? Во всяком случае, не бежит от хозяина и даже не удаляется слишком далеко от его дома, а отправляется на поиски корма, причем редко углубляется в джунгли больше чем на десять километров.

«ПОЧЕМУ ТЫ ОПЯТЬ УБЕЖАЛ ТАК ДАЛЕКО?»

На следующее утро погонщик первым делом отправляется на поиски своего слона. Не следует забывать условия, при которых ему приходится углубляться в джунгли. Через лесную чащу не проложены аллеи для прогулок, там полным-полно диких зверей. Но ооци хорошо знаком с окружающими лесами, он бдителен и осмотрителен.

Никогда нельзя сказать с уверенностью, где находится слон. Человек, еще не имевший дела со слонами или даже просто не знакомый как следует с привыч-

ками разыскиваемого слона, наверняка не нашел бы его. Но наш ооци — мастер своего дела и знаток слонов до мозга костей. Отец его, дед, все его предки были погонщиками слонов. И когда ему самому едва исполнилось шесть лет, он уже сидел на спине у слона. С четырнадцати лет он пошел на лесопильный завод и сначала служил здесь за ничтожную плату помощником ооци, выполняя для него всевозможную подсобную работу. Однажды — то был один из самых важных и славных дней в его жизни — он сам стал ооци и получил на свое попечение слона. Он не только знает до мельчайших подробностей повадки своего слона, но знает его следы, помнит их площадь, их диаметр, все их особенности. Он может отличить их от следов сотен других слонов. Идя по следам, он вдруг натывается на огромные кучи навоза. Они говорят ему о том, что слон провел тут ночь, и даже о том, что именно это животное. Случается, что в навозе много бамбука — можно сделать вывод, что для разнообразия животному захотелось полакомиться этим растением, произрастающим на берегу небольшой реки.

Когда ооци кажется, что слон уже где-то недалеко, он запекает песню, желая привлечь внимание животного. Заметив слона, погонщик подходит и разговаривает с ним, как с разумным существом. Он упрекает слона, читает ему нравоучения, бранит его: «Почему ты опять убежал так далеко? Вечно думаешь только о своем брюхе! Со вчерашнего вечера только и делал, что жрал! Сколько же центнеров ты слопал? А что у меня за это время во рту было? Кусочек-другой, и все!»

Огромный добряк пропускает эти наставления мимо ушей. Само собой разумеется, он ничего не понял. Но тут ооци приказывает: «Хмит!» — и это требование лечь слон понимает очень хорошо. Он подгибает передние и задние ноги и касается животом земли. Когда ооци усядется ему на спину, слон поднимается и отправляется на завод.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ СЛОНОВ

Рабочий день слона на лесопильном заводе обычно точно распределен. Животные знают свои обязанности и охотно бегут к своим рабочим местам. После двух

часов работы первый перерыв. Если вблизи есть озеро или река, слонам разрешается там побултыхаться. Они делают это с явным удовольствием, поливают себя и своих товарищей, ныряют, резвятся и играют. После купания слоны отправляются в стойла, так как приближается время самой палящей жары, которую животные переносят плохо. Здесь они получают обед, состоящий преимущественно из сена, бананов и сахарного тростника. Через несколько часов сирена возвещает конец послеобеденного отдыха, и слоны вновь принимаются за работу, продолжающуюся до наступления темноты и заканчивающуюся снова купанием.

Можно подумать, что азиатских слонов безжалостно эксплуатируют. Но о них все-таки заботятся. Конечно, не столько из соображений гуманности, сколько из понимания того, что хищнически обращаться с таким драгоценным добром нельзя. В течение года у слонов девять рабочих месяцев (с июня по февраль) и три месяца отдыха, которые приходятся на самое жаркое время года. Но и рабочие месяцы имеют не больше восемнадцати--двадцати рабочих дней. В течение года слон трудится примерно тысячу триста часов и за это время производит работу, вполне окупающую его содержание.

Случается, что слона, работающего на лесопильном заводе, используют и для торжественных церемоний. Например, при посещении завода высокими гостями серых работников с проведенными на лбу белыми линиями — знаками Шивы — выстраивают в две шеренги справа и слева от ворот.

ЖИВЫЕ ТРАКТОРЫ

В глубине джунглей индийских слонов часто используют в качестве живых тракторов. Они должны перетаскивать стволы деревьев, поваленные на густо поросшие тропической растительностью тропы, с места вырубки к перевалочному пункту. Обычно такие пункты находятся на берегу реки, по которой лес сплавляют дальше. Особенно большую роль играет слон в одной из важнейших отраслей бирманской промышленности — заготовке тикового дерева. Ствол тика дает отличную твердую древесину, которая легко раскалывается и хорошо обрабатывается. Она может служить в три раза

дольше, чем дубовая древесина. Тик используется при постройке храмов и особенно в кораблестроении. Доставка стволов из джунглей осуществляется главным образом тягловой силой слонов, эффективность которой повышается тем, что на отдельных участках пути прокладывают гать. На перевалочных пунктах слоны также работают при помощи хобота, бивней и передних ног.

Иногда надо подтащить деревья к краю пропасти и сбросить их вниз. И эту работу слон выполняет также надежно. С точностью до одного метра знает он, насколько близко ему можно подойти к краю пропасти. Без всякой команды он сам останавливается примерно в трех метрах от края. И теперь уж никакими силами не заставить его сделать хотя бы шаг вперед. Цепи, связывающие слона с грузом, который он тащит за собой, развязывают, и животное ставят позади ствола. Теперь погонщик подает команду. Слон наклоняет голову и снизу просовывает под ствол хобот, как рычаг. Сначала вперед продвигается один конец бревна. Это неудобное положение слон сейчас же выправляет, так, чтобы середина и другой конец продвинулись тоже. Подтолкнув ствол к самому краю, наш друг под конец дает ему хороший пинок передней ногой. Тяжелая махина с гулом летит в пропасть.

В Таиланде в лесистой местности площадью в пять тысяч квадратных километров постоянно работали примерно триста слонов. Животные волокли срубленные стволы деревьев через лес к ближайшей реке. Когда наступал период дождей, сложенные в штабеля бревна сбрасывали в реку и, связав их в плоты, гнали затем вниз по течению до Бангкока.

Слоны очень любят воду, и работа в реке доставляет им явное удовольствие. Один путешественник по Таиланду, плывший на коноэ по реке, обнаружил, что в одном месте русло реки запружено примерно сотней тиковых бревен. А среди нагроможденных стволов работали, проявляя все признаки удовольствия, три слона. Сначала они обхватывали бревна хоботами и приводили их в положение, указываемое надсмотрщиком, а затем лбом и бивнями направляли по фарватеру.

В некоторых областях Индии и Цейлона махауты не довольствуются лишь приучением слонов к работе, а дрессируют их, как в цирке. Один путешественник,

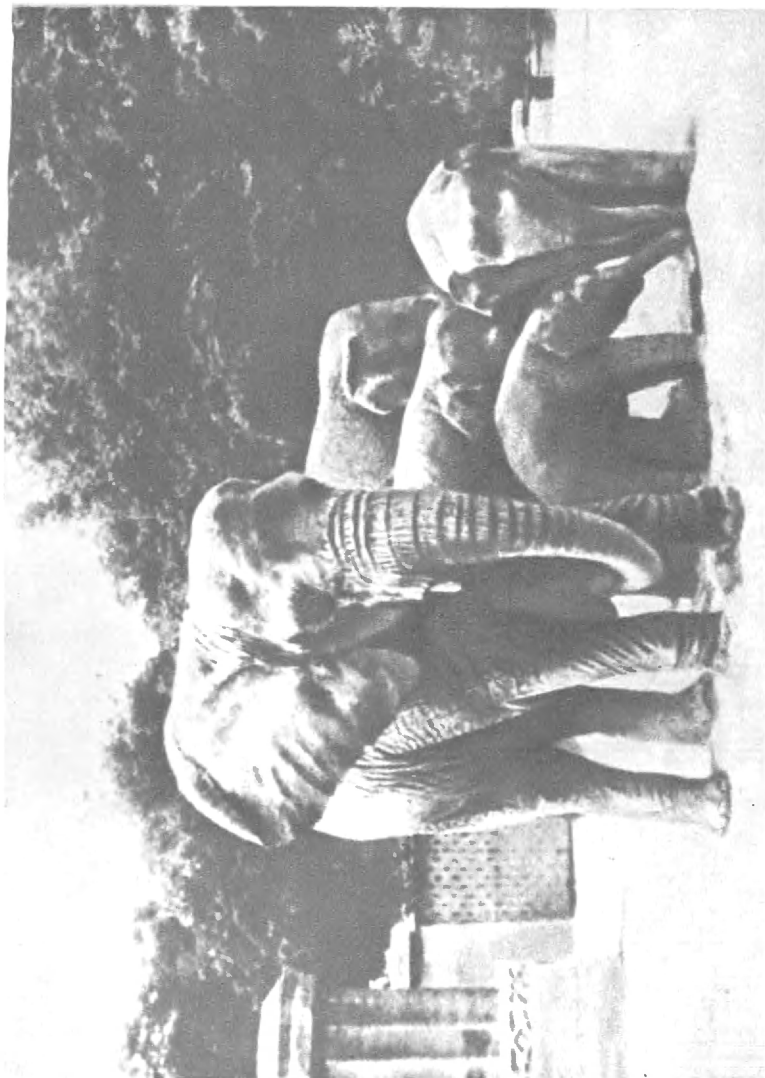
побывавший на Цейлоне, сообщал, например, о том, что на пути из Коломбо в Канди он встречал сингальцев, выучивших слонов стоять на задних ногах и обхватывать самих себя хоботом, на который усаживался погонщик. Другие слоны по приказу погонщиков стояли на трех ногах, на голове или садились, подняв перед собой передние ноги.

Хорошую службу могут сослужить слоны и на строительстве дорог. Менее рационально брать их в длительные походы, так как огромная масса фуража, необходимого им для питания, — слишком обременительный балласт, и полезный груз, который они способны нести, весьма невелик по сравнению с колоссальным весом их тела. Тем не менее в Индии слонов использовали для военных целей, а именно в артиллерии. В слоновой батарее на шесть орудий приходится двенадцать слонов. Для ухода и присмотра за ними содержатся надсмотрщик и двенадцать махаутов, а также двенадцать косцов, обеспечивающих животных кормом. Военным слонам предлагается переносить за день груз в 500 килограммов на расстояние до 70 километров. Наибольший груз, который они в состоянии пронести, и то лишь по дороге, на расстояние в несколько сот метров, составляет тысячу килограммов. На холмистой местности они могут нести не более 300—350 килограммов.

ПИКИРУЮЩИЕ САМОЛЕТЫ ПРОТИВ СЛОНОВ

Значительную роль сыграли слоны во время второй мировой войны в Бирме. В составе 14-й британской армии, оперировавшей в этой стране, имелось много слоновых рот, которые выполняли важные функции. Когда в 1942 году японцы вторглись в Бирму, слоны сослужили отступавшим в индийские провинции Ассам и Бенгалию англичанам хорошую службу при постройке мостов и дорог и при эвакуации бирманских городов. Животным приходилось выполнять тогда работу, которая была намного тяжелей, чем в мирное время. Так, они должны были поднимать бревна на высоту до трех метров. Именно эта операция и представляла наибольшую угрозу для ооци. Слоны сначала клали стволы на свои бивни. Когда же затем они поднимали головы, то

Семейство слонов в неволе

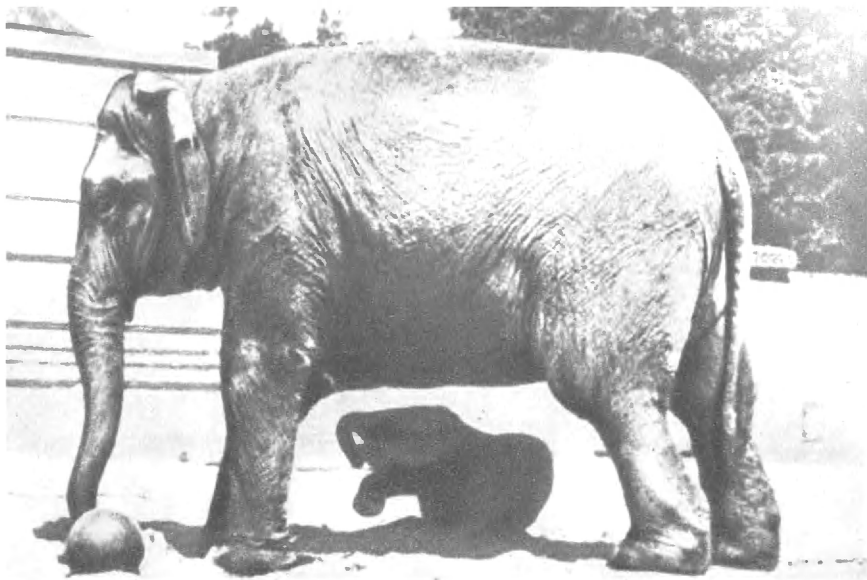

В Гамбургской гавани за работой

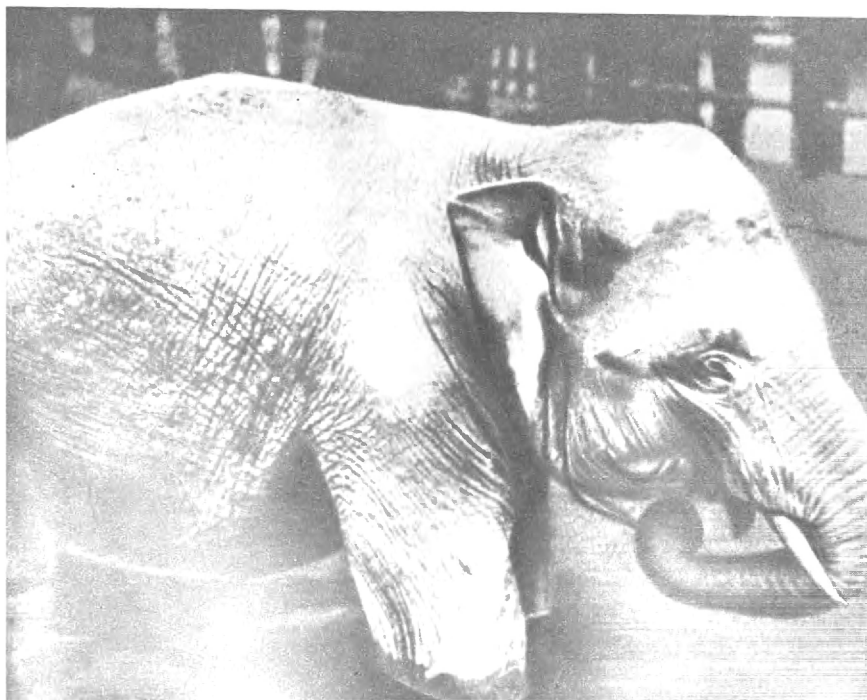

Слоны в Лейпцигском зоопарке

Орье со своей матерью

Шорш купается

возникала опасность, что эти массивные стволы, весившие до четверти тонны, покатаются назад и ранят седока, и, может быть, даже смертельно.

Во время отступления в горах Чина англичанам приходилось преодолевать высоту до двух тысяч метров. Слоны поднимались на нее, но очень медленно и осторожно, причем некоторые из них не выдерживали подъема и гибли.

Не только англичане, но и японцы использовали слонов, которых они в ряде случаев захватывали вместе с ооци. Но они в меньшей степени, чем англичане, использовали их на строительстве дорог и заготовке леса, а больше для транспортировки военных материалов. Захват самцов давал японцам и другую выгоду. Питая пристрастие к слоновой кости, они отпиливали у них бивни до самого мяса. Это не вредило здоровью животных, но значительно снижало их работоспособность.

Когда японцы продвинулись до подступов к Импаху, англичане начали наносить им контрудары. Английская авиация атаковала караваны слонов, пикируя на них и открывая по ним огонь из пулеметов. Жертвами одного такого ужасного налета стали сорок слонов. Часто на теле слонов, пойманных после подобного обстрела, оказывались зияющие раны. Англичане устроили в ту пору полевой лазарет для слонов — несомненно, уникальное явление в истории войн. Выяснилось, что слоны обладают высокой регенерационной способностью и раны у них заживают относительно быстро.

К моменту, когда война в Бирме была окончена, число рабочих слонов сократилось примерно на четыре тысячи. Часть их, без сомнения, погибла. Что же касается оставшихся в живых, можно предположить, что они, потеряв свой дом и хозяев, ушли в джунгли, где присоединились к диким стадам. Нашлось несколько отважных ооци, которые решили вернуть хотя бы часть одичавших слонов. План их заключался в том, чтобы на прирученных слонах въехать в гущу стада, приблизиться к слонам, имеющим на спине клеймо, и, пересев на них, заставить их повиноваться. Такое предприятие требует, конечно, величайшей отваги и ловкости, это игра со смертью. Об успехе или неудаче этой экспедиции в джунгли ничего не известно.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГАУДХЕ

В Индии и Таиланде использование слонов в качестве верховых животных — традиционно. Иногда их приучают ложиться по команде, чтобы на них легче было взобраться. Если же слонов не удастся обучить этому, то к ним приставляют лестницу, по которой пассажиры поднимаются на спину животного. Они совершают поездку, сидя в гaudхе — ящике, прикрепленном подобно седлу. Форма его может быть весьма различной. В Индии гaudха похожа на сани, в Таиланде — на кровать. В большинстве случаев она имеет плетеную бамбуковую крышу для защиты от солнца и дождя. Перед гaudхой сидит махаут, должность которого отнюдь не синекура. Работа у него достаточно напряженная: он должен непрерывно понуждать животное к движению анкóм — палкой с железным наконечником и крюком, а также своими криками. Во время больших переходов верхового слона вечером расседывают, спутывают ему ноги, выпускают в лес и предоставляют самому себе. Несмотря на путы, он иногда удаляется на довольно большое расстояние. Если же ему удастся освободиться от пут, то его нередко приходится искать целыми днями. Люди, неоднократно ездившие верхом на слонах, утверждают, что эти поездки удобны и приятны. Несмотря на постоянное встряхивание, с которым приходится мириться, в гaudхе можно даже спать.

ОБУЧЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО СЛОНА

Слона используют и при охоте на тигров. Разумеется, эта его функция давно уже не имеет серьезного хозяйственного значения, ибо современное огнестрельное оружие куда более надежно, чем самый сильный слон. Но и в наши дни при охоте на тигров главное заключается не в практической целесообразности того или иного способа охоты, а в его эффектности. Участие же мощного, шагающего через степь и джунгли гиганта, несомненно, производит очень большое впечатление.

Но сначала слона надо обучить охоте на тигра. Ведь если он без всякой подготовки встретится в джунглях с этой хищной полосатой кошкой, то при своей пугли-

востии непременно бросится бежать. А между тем в этом случае он никоим образом не должен пускаться наутек. Как достигнуть этого? Его следует приучить к тиграм, которых на воле он, возможно, никогда не встречал, а также ко всем превратностям и опасностям охоты. Сначала его знакомят с внешним видом, запахом и ревом объекта охоты и делают это, показывая ему тигра, находящегося в клетке.

Однако повстречаться с тигром, сидящим за прочной решеткой, совсем иное дело, чем столкнуться с ним в джунглях. Дрессировка, таким образом, должна быть дополнена. И вот в один прекрасный день слона ведут в лес, где совершенно неожиданно из зарослей выскакивает тигр, который, конечно, и теперь не находится на свободе, а крепко сдерживается цепью. Однако хищник угрожающе рычит на слона и, насколько позволяет цепь, бросается на него. Слон не испытывает никакого желания иметь дело со столь опасным субъектом и старается убраться подобру-поздорову. Но махают, сидящий у слона на спине, уколами анка препятствует его бегству, и против собственной воли слон приближается к своему сотоварищу по джунглям. Он явно взволнован, но постепенно убеждается, что ему нечего бояться этого тигра (а разницу между данным тигром и всеми остальными животными этого вида он, как и рассчитывает дрессировщик, просто не поймет). Возбуждение спадает. Таким образом, цель достигнута: слон привык к виду и повадкам тигра.

Остается только приучить его к ружейным выстрелам. Для этого нужно стрелять в непосредственной близости от слона. Поначалу он основательно пугается, но потом стрельба уже почти не производит на него впечатления.

СХВАТКА С ТИГРОМ

Охота происходит следующим образом. Дюжины оседланных слонов, из которых часть — испытанные охотники на тигров, а часть — новички, со своими махаутами на спинах выстраиваются перед конюшнями. Закончив все приготовления, охотники во главе со старым слоном выступают в джунгли. Совершив многочасовой марш, слоны наконец занимают исходную позицию. Широким фронтом они преграждают тигру все пути

к бегству. В промежутках между ними ставятся загонщики. Сначала кордон слонов в смертельном ужасе пытаются прорвать испуганные загонщиками павлины, олени и прочая безобидная живность. Это им удается, ибо на сей раз предстоит охота только на крупных зверей. Наконец из травы вынырнули тигры. Они стремятся не к схватке, а к спасению своей жизни. Только когда они видят, что без борьбы жизнь им не спасти, они бросаются на слонов (конечно, если их еще до этого не прикончили пули охотников). Самый драматический момент наступает тогда, когда тигр прыгает на слона. Последний имеет в лице своего махаута превосходного секунданта, который пускает в ход против «агрессора поневоле» тяжелую железную палку. Слон также может рассчитывать на помощь со стороны остальных махаутов. Да и сам он вовсе не чувствует себя беззащитным. Он старается схватить тигра хоботом и, если это ему удастся, прижимает его к бивням, швыряет наземь и топчет, пока тот не испустит дух.

В одной охоте, задуманной с большим размахом, которую устроил отличавшийся безумной расточительностью наваб (правитель) Ауда*, участвовало кроме огромной вооруженной свиты и других сопровождавших лиц (в том числе шутов и баядерок) не менее тысячи слонов. Когда тигр выдал себя рычанием, двести слонов окружили его. Внезапно хищник выскочил из кустов и вспрыгнул на спину одного из слонов, на котором сидело трое охотников. Тот встряхнулся с такой силой, что все четверо — люди и тигр, описав большую дугу, отлетели в кусты. Казалось, дело охотников проиграно, но тигру было не до них. Он думал только о бегстве, но спастись ему не удалось. Слоны погнали его к окруженному плотным кордоном вооруженной до зубов стражи слону, на котором восседал готовый выстрелить наваб. Прикончить тигра было его личной привилегией.

Как правило, после такой охоты убитых тигров привязывают к слонам. Но слонам это не по вкусу. Они не терпят запаха подобных зверей и с большой неохотой несут их.

Наконец, индийских слонов используют и для всевозможных менее значительных дел, например даже для

* Ауд — область в Северной Индии.— *Прим. ред.*

такого, казалось бы, совершенно чуждого им занятия, как рыбная ловля. Махауты направляют своих животных в какой-либо пруд или старицу, и слоны, питающие к воде особую любовь, идут туда с явным удовольствием. Но речь идет не о том, чтобы порадовать их и доставить им развлечение, а о том, чтобы использовать их как помощников в рыбной ловле. Своей тяжелой походкой они должны вспугнуть рыбу. Когда же вспугнутые обитатели водоема всплывают наверх, их приканчивают дубинками или ножами или ловят руками. А иногда слон и непосредственно участвует в ловле. Он опускает свой проворный хобот в воду и вытаскивает оттуда рыбу. Однако он не пользуется своей добычей. «Убежденный вегетарианец», слон не знает, что ему делать с рыбой, и послушно передает ее погонщику.

VI

«СВЯЩЕННЫЕ СЛОНЫ»

БАНГКОК ЛИКУЕТ

Учитывая внушительный вид слона и его значение в хозяйстве Индии, не приходится удивляться тому, что в религии индийцев он играет не меньшую роль, чем в религиях африканских племен.

В Южном Таиланде охота на слонов начинается с ряда церемоний. Их главный момент — вознесение молитв духам и предкам. Женам охотников в период охоты не разрешается украшать себя и бывать в определенных частях дома.

В Азии можно встретить сотни тысяч изображений индийского слона в качестве бога мудрости — нарисованных, отлитых из бронзы, высеченных из камня, выточенных из благородного дерева, изваянных из алебастра.

Даже в легенде о воскресении Будды можно найти упоминание о слоне. В своей прошлой жизни Будда якобы был слоном, но, разумеется, животным особого рода: предводителем гигантского стада в восемьдесят тысяч голов (хотя таких огромных стад и не существует), с успехом защищающим возглавляемых им собратьев от злого охотника, пожелавшего добыть слоновью кость.

Но особое положение даже по сравнению с тем, которое занимает слон вообще в жизни Южной Азии, принадлежит одной редко встречающейся разновидности этих животных. Цвет кожи у слонов серый, это известно каждому. Но и среди них, как и среди большинства других животных, а также людей, могут встре-

чатся альбиносы, то есть такие особи, кожа которых ввиду недостатка пигмента имеет молочно-белую окраску. Науке пока не известен ни один совершенно белый слон. Однако это не значит, что их не может быть. Установлено, что время от времени встречаются очень близкие к альбиносам разновидности слонов с кожей светлого оттенка или покрытой светлыми пятнами. Бросающаяся в глаза окраска этих слонов может быть еще больше подчеркнута припудриванием и тщательным обмыванием тамариндовой водой. Во всех азиатских странах, где водятся слоны, эта разновидность слонов считается весьма ценной. Во многих местах, особенно в Таиланде, они являются даже объектом религиозного почитания, и вся страна приходит в волнение, когда сообщается о поимке «белого слона».

Один путешественник, посетивший Таиланд в конце прошлого столетия, стал свидетелем церемоний в честь такого «белого слона». Животное было поймано в джунглях и в один прекрасный день доставлено по реке в Бангкок. Выгрузка происходила с исключительной пышностью. Предназначенная для него конюшня располагалась внутри королевского дворца. Здесь было устроено специальное возвышение, на которое возвели слона.

Но все почести, оказывавшиеся слону, совсем не означали забвения необходимой осторожности. Несмотря на всю его «божественность», задние ноги «священного слона» были опутаны веревками. Так и стоял он — свято оберегаемый пленник своих почитателей — под красной вывеской, на которой можно было прочесть следующую надпись, выведенную золотыми буквами:

«Слон окраски чудесной. Щетина, копыта и глаза его белые. Сложением совершенен и всем видом свидетельствует о своем знатном происхождении. Кожа его цвета лотоса. Он потомок брахманских ангелов. И эта святыня силой и славой нашего короля всемогущего добыта и будет служить ему верой и правдой. Подобен он кристаллу цены несказанной. Ведет он свой род от семейства слонов благородных. Источник он мощи и силы несметной. Кристаллы чистейшей воды, ценнейшие в мире, не более редки, чем слон сей чудесный».

Но самое забавное, что европейский наблюдатель вовсе не был убежден в том, что видит перед собой действительно белого слона. «Если бы я назвал его белым,— пишет он,— меня должны были бы обвинить в неспособности различать цвета». Но все-таки он признает, что кожа слона выглядела «светлой».

В новейшее время одна путешественница из Европы оказалась свидетельницей возбуждения, вызванного в Бангкоке известием о поимке «белого слона». В храмах возносились молитвы. Глашатая, возвещавшего на улицах эту чудесную весть, одаривали со всех сторон. Все радовались и поздравляли друг друга. По приказу короля немедленно были снаряжены и нагружены провиантом десятки лодок и барок, доставившие двор к краю, в котором временно находилось чудесное животное. Слон был пойман не один, а вместе со всем стадом. Но рядом с белым слоном разве могли привлечь к себе чье-нибудь внимание его серые собратья! Всем скопом они были выпущены на свободу в джунгли. Оставили только одно «священное» животное, а что касается спутывания ног, от которого не избавиться и самому молочного-белому альбиносу, то оно было произведено веревками не из вульгарного лыка, а из чистого шелка (которые, если бы он попытался бежать, пожалуй, врезались бы в мясо еще глубже, чем обычные!).

И вот началась торжественная встреча. По специально построенной широкой дороге слон проделал путь до реки, где был погружен на корабль, доставивший его в Бангкок.

Столица ликовала. Акробаты демонстрировали свое искусство. Перед слоном шли с пением и танцами юные девушки. Прохожие кормили слона изысканнейшими лакомствами и обмахивали его веерами. Священнослужители читали молитвы за «прекрасного главу мужественной семьи». Даже сам король, облеченный самодержавной властью и уж, конечно, умевший заставить уважать себя и быть центром всех торжеств, играл в этот день второстепенную роль. Остается только добавить, что и в этом случае глаза непредубежденной европейки видели, что поражающее всех создание вовсе не белого, а лососево-красного цвета.

Особенно интересны песнопения, обычно исполняемые во время больших торжеств, связанных с передачей белого слона властителю Таиланда. Пение начинается со всевозможных восхвалений почитаемого животного:

«Мы стоим пред слоном роскошнейшим и благороднейшим, чья белизна поражает каждого, стоим пред ним, олицетворением всех красот.

Мы стоим пред белым слоном. Он принадлежит к племени, которое састры зовут Дамронг Тханин. Он — цель всех желаний.

Он обладает всеми добродетелями, которых требует священный закон. Вот уж 500 лет никто не слышал о том, чтобы такое прекрасное животное было обнаружено в какой-нибудь стране, в каком-нибудь городе, но сегодня, по воле небес, явился он к нам, сияющий, излучающий красоту, и склоняется пред своим повелителем».

Однако что там ни говори, но явившееся по воле небес создание — отнюдь не одаренное разумом существо. Может случиться, что оно и не проявит полного понимания человеческих желаний. Поэтому и в песнопении содержится, разумеется вполне тактичный, намек на возможные осложнения:

«Всесильное благословение ангелов да осенит душу этого священного слона, да сделает его кротким и поможет ему стать совсем спокойным, чтобы внял он словам поучения и возносимым ему песнопениям, ласкающим слух.

О высокочтимый отец наш, отмеченный знаками высшего благородства, ты драгоценен, прекрасен, величествен. Да не отравит сердце твое гнев при воспоминании об отце твоём и твоих близких. Пусть не завладеет тобой печаль, когда будешь ты думать о тобою покинутых. Высокочтимый отец наш, не думай о слонах, бывших друзьями твоими ранее, игравших вместе с тобой и резвившихся, с которыми вместе блуждал ты в глуши и с которыми мог ты бродить по лесам».

И дальше идет точное перечисление того, что слон потерял в результате своего пленения и что он выиграл. Потерял он, в сущности, только все вредное для здоровья: «О высокочтимый отец наш! Широкие

просторы, где жил ты, были полны опасностей! Тысячи трудностей встречались тебе, когда искал ты деревья, травы, луга, плоды благовонные, служившие тебе пищей».

Дальше перечисляются отрицательные стороны свободы и подчеркиваются преимущества неволи.

В заключение певец, заявляющий, что песня его сложена по воле короля, выражает надежду, что белый слон, который, несомненно, владеет сиамским языком, после поэтического изложения всех этих веских доводов «больше не будет следовать необдуманном порывам своей фантазии, реветь и бить вокруг себя хоботом».

Все эти тайландские церемонии вокруг «белого слона», несомненно, в значительной мере отражают восточную романтику. Но, конечно, опытные люди при этом всегда учитывают и материальные жизненные блага. Не только двор, но и буддийские храмы придают большое значение тому, чтобы иметь хоть одного белого слона. Во-первых, потому, что дело идет о «священных животных», связанных с религиозным культом, а во-вторых, потому, что этих животных с бронзовой чашей в хоботе можно пустить по улицам собирать милостыню, побуждая жителей к щедрости.

VII

СЛОНОВАЯ КОСТЬ КАК ТОВАР НА МИРОВОМ РЫНКЕ

ВКУСНО ЛИ СЛОНОВОЕ МЯСО?

После того как мы отдали должное хозяйственному значению азиатского слона — верхового, вьючного и рабочего животного, следует сказать несколько слов и о ценности мертвого слона.

Люди, отведавшие слонového мяса, сравнивают его с говядиной. Правда, оно жестче и грубее. Сало слона, имеющее серый цвет и очень быстро затвердевающее, тоже как будто достаточно вкусно. Как особые деликатесы славятся его сердце и язык. Говорят, что жители Индии и Бирмы любят лакомиться кончиком хобота.

Превосходным материалом для изготовления лекарств, особенно от глазных болезней, служат большие нервные стволы, заканчивающиеся в бивнях.

В результате охоты на слонов, устраиваемой африканцами, иногда убивали столько животных, что их мяса хватало, чтобы покрыть месячную потребность многих деревень.

Подробное описание разделывания туши слона дал знаменитый исследователь Африки Ливингстон, наблюдавший эту церемонию в одной из расположенных около реки Замбези деревень. В гробовой тишине, пишет он, стоят вокруг слона люди, и старшина охотников объявляет, что голова и правая задняя нога принадлежат тому, кто убил животное, то есть тому, кто нанес ему первую рану, а левая передняя нога — тому, кто нанес вторую рану или первым коснулся слона, после того как он упал. Вслед за такой речью, как сообщает далее Ливингстон, африканцы сразу приходят в возбуждение, поднимают страшный шум и начинают

кромсать тушу своими копьями. Некоторые из них даже впрыгивают в разделываемую тушу, стремясь прежде всего обеспечить себя желанным салом. Другие в это время вырезают из убитого слона столько мяса, сколько могут унести. «В невероятно короткий срок, — пишет Ливингстон, — срезаются и складываются в кучи тонны мяса».

На основании своих личных впечатлений Ливингстон описывает вкус слоновьего мяса различных сортов. Хобот и язык отличны; первый напоминает буйволовый затылок, а второй — говяжий язык. Нога превосходна, немного студениста и сладка, как костный мозг. Но все остальное мясо настолько жесткое, что его может есть только голодный человек.

Европейцам редко представляется случай полакомиться слоновым мясом. В начале нашего века один мясник в бельгийском городе Генте как-то дал своим покупателям возможность отведать этого редкостного кушанья. По случаю закрытия зоологического сада он за небольшую цену приобрел на аукционе слона, зарезал его и переработал его мясо в 1900 килограммов сосисок, которые нашли отличный сбыт.

Используется также и кожа слона. Как и шкуры буйвола и моржа, ее в специальных дубильных заведениях перерабатывают в полировочную и шлифовальную кожу, которая применяется при обработке драгоценных камней и золота, а также в точной механике.

Африканцы умеют использовать и пучок щетины, который растет у слона на конце хвоста. Из волос толщиной с телефонный провод они плетут ожерелья и браслеты. За каждый волос дают десять яиц или цыпленка.

ВОДОСТОЧНЫЕ ЖЕЛОБА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Однако на мировом рынке ценится не мясо, не кожа и не щетина слона, а только слоновая кость. Правда, не он один является поставщиком слоновой кости в широком смысле слова, ибо она добывается также и из бивней нарвала (морского единорога), моржа, зубов кашалота и гиппопотама. Но все это суррогат и второ-

сортный товар. «Настоящую слоновую кость» не может дать никто, кроме нашего приятеля — слона.

Однако и настоящая слоновая кость неодинакова по своему качеству. Специалисты различают «твердую» и «мягкую» кость. Первая (менее ценная) приходит из западной Африки, вторая (более ценная) — из восточных областей этого континента.

В XIX веке еще не все африканцы имели истинное представление о стоимости и ценности слоновой кости. Они отдавали великолепнейшие бивни за несколько старых одеял. Стэнли, побывавший у африканцев племени маниуемас, у озера Танганьика, отмечал, что мужчины и женщины считали слоновую кость весьма подходящим материалом для изготовления дверных косяков, ножек кроватей, подпорок хижин и водосточных желобов. Другие исследователи Африки сообщают, что во многих деревнях поля огораживались заборами не из досок, а из вбитых в землю слоновых бивней. В то время как на Занзибаре фунт слоновой кости и тогда уже стоил полтора доллара (теперь это, конечно, неслыханно низкая цена), у маниуемас его можно было выменять на такие вещи, особенно медные, стоимость которых была равна всего лишь нескольким центам. Правда, богатые запасы слоновой кости, которыми владело племя маниуемас, и ее дешевизна недолго оставались в секрете.

Первыми осознали возможность получения колоссальной прибыли арабы. Территория, где жили маниуемас стала их Эльдорадо. Такое положение начало наконец озадачивать маниуемас, и они стали проявлять осторожность в обмене. Тогда арабы решили ввести «товарообмен» при помощи мушкетов, то есть оружия, совершенно неизвестного этому племени. Как бы храбры они ни были в борьбе против равного противника, против этих людей, которые, по их понятиям, «похитили молнию», они чувствовали себя бессильными и безоружными.

Известный исследователь Эмин-паша¹⁶ также сообщает в своих дневниках, что в Восточном Судане, который он объездил в 1880 году, он часто встречал кровати с ножками из слоновой кости. Кроме того, жители изготавливали здесь из желтовато-белых бивней кубки, ручные и ножные браслеты, чаши и миски. Для резьбы по кости, которой местные жители придавали весьма небольшое

значение, они не пользовались токарными станками и все изделия изготавливали ручным способом. В те времена почти любой индеец или же араб (в прибрежных городах Африки) торговал слоновой костью между прочим и от случая к случаю. Около 1900 года торговля слоновой костью перешла в руки специалистов, прежде всего индийских купцов. Самым крупным среди них слыл Али Дина Бисрам, скупщики и доверенные лица которого действовали по всей Центральной Африке. Перед второй мировой войной расположенный против Танганьики остров Занзибар был оплотом индийских торговцев, а главным перевалочным пунктом для их товаров был город Хартум. Отсюда драгоценный материал отправлялся в средиземноморские порты, главным образом в Триполи, откуда его переправляли в Европу.

«СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ВЫСКОЧЕК»

Восхищение слоновой костью и понимание ее высоких достоинств — явление не новое. Ценность ее была известна еще певцу «Илиады». Он рассказывал, что кони троянцев имели украшения из слоновой кости, а дворцы Менелая и Одиссея, двух греческих полководцев в Троянской войне, блистали убранством из того же материала.

В эпоху Древнего Рима слоновая кость как строительный материал применялась часто, и даже слишком часто — по мнению людей, которые осуждали хвастливость спесивых выскочек и, не одобряя их роскошь, помпу и чванство, противопоставляли им сограждан, воспитанных в скромности и простоте. «Делать ножки стола из серебра, — говорит римский сатирик Ювенал, живший в I веке новой эры, — считается теперь вульгарным, их надо делать из слоновой кости. Того требует зазнайство нынешних богатеев».

Однако слоновую кость использовали не только как предмет роскоши, из нее изготавливали художественные изделия. Так, например, обнаженные части статуй богов часто делали из слоновой кости*.

* Одежды богов делали из листового золота. Эти статуи назывались хризозефантинными. Таковы знаменитые статуи Зевса и Афины, созданные прославленным скульптором Древней Греции Фидием. — *Прим. ред.*

РЕКОРДНАЯ ДЛИНА И РЕКОРДНЫЙ ВЕС

А что изготавливают из слоновой кости сегодня? Биллиардные шары, клавиатуры музыкальных инструментов, художественные изделия. Хотя обработка слоновой кости ремесло не распространенное, все же в 1925 году, к которому относятся последние известные статистические данные, в Германии насчитывалось 2224 человека, считавших ее своим основным занятием. В 20-х годах нынешнего века в Германии ежегодно использовалось 100 тысяч, в Европе — около 250, а во всех странах мира, вместе взятых, — около 600 тысяч килограммов слоновой кости.

По весу и величине бивни слонов сильно отличаются один от другого. Длина их колеблется от 0,5 до 2,5 метра, а вес — от 0,5 до 80 килограммов.

Но эти нормы часто опрокидываются рекордным весом и рекордной длиной. Согласно документам индийских торговых домов, подвизавшихся на занзибарском рынке, в 1898 году в районе Килиманджаро была добыта пара бивней, весившая 250 килограммов. Она была оценена в 21 тысячу марок. Один из этих великолепных бивней перекочевал в Лондон, в Британский музей. Лишь на 5 килограммов меньше весили два других бивня, принадлежавших самцу, убитому в 1910 году также в районе Килиманджаро.

Но самый тяжелый бивень не обязательно и самый длинный, а самый длинный — не обязательно и самый тяжелый. Самая длинная из всех известных донине пара бивней была обнаружена в Северной Родезии. Длина каждого бивня достигала 410 сантиметров, однако вес обоих составлял всего лишь 147 килограммов. Другой рекордный бивень имел длину 294 сантиметра, но по своему весу — 44 килограмма — не выходил за пределы средних размеров.

Красота бивней не менее важна, чем их вес и длина. В высшей степени совершенная пара бивней из Уганды принадлежала знаменитому зоологу Брему. Она весила 101 килограмм, имела длину 2,57 метра и была абсолютно безупречна по форме. В свое время Брем оценивал ее в 3775 марок.

Удаление бивней требует умения. Опытные африканцы совершают его максимум за пять часов. Важно, чтобы извлеченные бивни не оставались на солнце, иначе они могут лопнуть. Поставщиками слоновой кости служат прежде всего африканские слоны, у которых бивни крупнее, чем у их меньших ростом, более кротких и миролюбивых индийских собратьев.

Чтобы покрыть мировую потребность в слоновой кости, ежегодно убивают около сорока пяти тысяч слонов. Эта убыль не соответствует приросту поголовья, ибо слоны, беременность самок которых длится, как уже отмечалось, примерно двадцать с половиной месяцев, размножаются очень медленно. Обладание бивнями — величайшее несчастье для слонов. Для него самого они не являются жизненно важными, но в глазах алчных людей имеют большую ценность и достоинства.

Для чего нужны слону бивни? Он сдирает ими с деревьев кору, которую затем подбирает хоботом, раскалывает ствол, когда не в состоянии дотянуться до веток и листьев, а при случае использует их для борьбы, иногда и с себе подобными. Так, однажды в черепе самца после схватки с одним из его собратьев был найден кусок бивня. Но как бы полезны ни были слону его бивни, он может обойтись и без них, о чем свидетельствует отсутствие таковых у индийских самок.

Выше уже говорилось о том, что преследования, которым в течение многих веков и тысячелетий подвергалось это когда-то весьма распространенное в Африке животное, сильно уменьшили его поголовье. Некоторые правительства делали попытки защитить слонов, другие же не только не издавали законов, направленных на их охрану, но, наоборот, иногда официально нанимали охотников, которые должны были убивать как можно больше слонов в целях сохранения плантаций.

ВЫТОПТАННЫЕ ПОЛЯ, УНИЧТОЖЕННЫЕ ПЛАНТАЦИИ...

Конечно, слон, который часто производит в джунглях страшные опустошения и ломает ветви толщиной в руку, обращается с плантациями ничуть не бережнее. Ему известно, где можно полакомиться. Желудок его требует огромной массы корма, и поэтому ему не при-

ходится пренебрегать различной зеленью, растущей в диком лесу. Но бананы значительно вкусней! Случается, что ночью или средь бела дня в Либерии или в бассейне Конго стадо слонов вторгается на плантацию, раскинувшуюся на многие километры и поэтому никогда на всем протяжении не охраняемую владельцем. В результате такого нашествия он теряет целые тонны предназначенных для отправки в Европу фруктов. К этому прибавляется еще и убыток от вытоптанных полей. Столь неожиданно посетив плантацию, стадо вновь исчезает в густой и непроницаемой чаще. Не приходится удивляться тому, что владелец плантации, игнорируя всевозможные законы об охране слонов, берется за ружье¹⁷.

Однажды в Северной Родезии Шомбургк наблюдал, какие разрушения в состоянии производить слоны. С большим старанием и трудолюбием возделали свои банановые поля жители одной из деревень, принадлежавшей племени вауши. В один прекрасный день здесь появились слоны и втоптали в землю все растения, не пощадив ни единого. Африканцам не помогли даже широкие и глубокие канавы, окружавшие их сады и поля. Гигантские животные разрушали стены своими бивнями.

Другие наблюдатели рассказывают, что нередко даже легких изгородей и простых пугал было достаточно, чтобы отпугнуть этих тяжеловесных животных.

Один исследователь Африки видел однажды в Конго, как хозяйка небольшого маисового поля, плача, стояла перед своей хижиной и показывала на слониху, которая, расположившись на ее поле со своим слоненком, никого не подпускала к себе и производила ногами страшные опустошения. Женщина много раз пыталась прогнать животное. Но самка, если при ней имеется слоненок, отличается храбростью и ведет себя воинственно. Прогнать ее не так-то просто. И только когда вся деревня взялась за дело и вооружилась шумовыми инструментами, слониха сочла за благо удалиться вместе со своим детенышем.

В тех областях Индии, где много слонов, сторожа обороняются от этих нападающих на плантации опустошителей полей, производя шум и размахивая факелами. Многие слоны пугаются, но на других грозные

жесты людей не производят никакого впечатления, и они продолжают свою работу.

Телеграфные служащие в Африке довольно часто злятся на слонов, разрушающих телеграфные столбы. В Индии и Бирме единственной надежной защитой телеграфных столбов от атак слонов служит так называемое пунге — ограждение, состоящее из нескольких рядов бамбуковых кольев различной длины, забитых в землю под углом тридцать градусов и направленных заостренными концами вверх. В первом ряду высота кольев не превышает 10—12 сантиметров, а в последующих она возрастает до 120—150 сантиметров. Ширина такого ограждения — 6—8 метров.

Нередко слоны разрушают могилы. Так, южнее озера Эдуард находится могила известного охотника на диких зверей швейцарца Бернара де Ваттвиля. Слоны постоянно вытаптывают могильный холм и опрокидывают надгробный камень.

СЛОНОВАЯ КОСТЬ ДОПОТОПНЫХ ВРЕМЕН

Кроме слоновой кости, добываемой от убитых слонов, существует и другая. Она принадлежит не современным слонам, а их обитавшему тысячи лет назад предку — мамонту. Мясо этого исчезнувшего животного давно уже обратилось в прах, а прах — в бесконечном процессе превращения веществ — в травы, растения и деревья, и снова в прах и снова в травы, растения и деревья. Но бивни мамонта пережили тысячелетия: слоновая кость — это слоновая кость, а не легко разлагающаяся клеточная ткань. В наибольших количествах они были найдены в Северной Сибири. В конце XVIII века одному купцу из Якутска пришла в голову мысль предпринять систематические поиски ископаемой слоновой кости. Снарядив с этой целью специальную экспедицию, он проник с нею далеко на Север и при этом совершенно случайно открыл в Ледовитом океане острова, на которые до той поры не ступала нога человека. Царское правительство выдало ему привилегию на монопольную эксплуатацию этих вновь открытых земель.

В начале XX века на рынок главного перевалочного пункта Якутска поступало около 1500 пудов слоновой

кости в год. Иностранные покупатели платили в среднем от 20 до 30 рублей за пуд. Товар шел во все части света, особенно в Европу, и служил дешевым заменителем африканской слоновой кости. Но и в самой Сибири из бивней мамонта изготавливали предметы обихода и различные художественные изделия. И в наши дни по зеленому сукну многих бильярдных столов катятся шары, сделанные из бивней тысячеклетней давности, украшавших пасть мамонта еще во времена первобытного человека.

VIII

СТАНЦИЯ ПО ПРИРУЧЕНИЮ СЛОНОВ

БЕСПОЛЕЗНЫЙ КОМИТЕТ

В одной из предыдущих глав говорилось, что южно-азиатские традиции ловли слонов, их приручения и использования для работы неизвестны в Африке. Африканцы никогда не предпринимали серьезных попыток поставить себе на службу этих серых животных. Однако в европейских государствах, имевших колониальные владения в Африке, возникла мысль — не целесообразнее ли с коммерческой точки зрения использовать рабочую силу отдельных слонов, нежели убивать их всех ради слоновой кости.

В Германии убежденным поборником укрощения африканского слона и превращения его в рабочее животное был Карл Гагенбек.

СТАНЦИЯ ПО ПРИРУЧЕНИЮ СЛОНОВ

Более успешно осуществлялись бельгийские проекты приручения африканского слона. Эксперты ознакомились с тем, как работают индийские слоны на Цейлоне, и это произвело на них сильное впечатление. Официальные учреждения, командировавшие их, сперва не верили, что африканского слона удастся, так же как и его индийского собрата, поставить на службу человеку. Поэтому они хотели попытаться акклиматизировать индийского слона в Африке. Однажды в бомбейском порту на пароход погрузили четырех слонов, которые 1 июня 1879 года были выгружены в Дар-эс-Саламе.

Оттуда их надо было перевезти в Конго. Но ни один из слонов не добрался до цели, все они погибли на пути к своей новой родине. Путешествие происходило при столь драматических обстоятельствах, что даже вдохновило бельгийского писателя Бурто написать роман на эту тему. В течение десяти лет не предпринималось больше ничего. Затем в 1889 году французские газеты сообщили, что католической миссии в Габоне удалось приручить одного африканского слона. Это известие воскресило интерес к укрощению слонов. Офицеру Лаплюму было предписано выяснить на месте, насколько сообщения газет соответствуют действительности. Он подтвердил их правильность, после чего бельгийцы с новым рвением приступили к решению проблемы. В том же году в Апи была создана «Станция по приручению слонов».

Слонов ловили здесь не традиционным индийским способом, при котором целое стадо загоняется в крааль, а по способу, применяемому паникисами * на Цейлоне.

В первые годы существования станции в Апи на поимку слонов посылались только отдельные лица, главным образом африканцы из племени азанде, которые ловили почти исключительно молодых животных, накидывая на них арканы. В дальнейшем ловля осуществлялась систематичнее, причем удавалось захватывать и взрослых слонов.

Охота происходила следующим образом. Руководитель лагеря и его многочисленные помощники, снабженные тяжелыми клубками толстых веревок и старомодными ружьями, на рассвете отправлялись в путь. Разведчики определяли место пребывания наиболее крупных стад и подкрадывались к ним. Когда им удавалось подобраться поближе к животным, они рассыпались веером и открывали убийственный, но не убивающий огонь, ибо их допотопные ружья были заряжены холостыми патронами. Таким способом слонов заставляли бежать в нужном для охотников направлении. Искусными приемами удавалось отделить несколько слонов от остального стада и окружить их поодиночке, после чего им ловко набрасывали арканы на шею и на ноги. Связан-

* См. выше, стр. 80.

ных животных привязывали к деревьям, а потом, как и в Индии, с помощью прирученных слонов отводили в «лагерь», где они должны были пройти все стадии дрессировки. На первой стадии они совершали прогулки в сопровождении прирученных слонов, на следующей — брали корм из человеческих рук и наконец на высшей — выполняли определенную работу. В задачи станции входили не только ловля и приручение слонов, но и ведение записей о поголовье рабочего скота, а также устройство животных на различные предприятия.

СЕГОДНЯ В АРУ

В 1927 году находившаяся в Апи станция была переведена в Гангала-На-Бодио (на реке Дунгу), а в 1948 году — в Ару, в провинции Уэле (в северо-восточной части бассейна Конго). Одна из причин перемещения станции состояла в том, что удовлетворение в течение многих лет колоссального аппетита слонов оставило слишком явные следы на растительности в окрестностях Апи и Гангала-На-Бодио.

В настоящее время в Ару насчитывается около пятидесяти слонов. Один европеец, недавно посетивший станцию, следующим образом описывает распорядок дня животных (не слишком для них обременительный). Рано утром, часов в шесть их выпускают из хлева, и на них садятся корнаки — так в тех местах называют погонщиков слонов. Если среди поголовья есть дички — не вполне прирученные животные, их привязывают к уже выдрессированным (именуемым монитерами). Корнаки дают своим подопечным некоторое время погулять по дорогам вокруг хлева. Потом животные отправляются на реку, где утоляют жажду и купаются. В заключение караван следует в заросли кустарника. Время, которое слоны там проводят, почти полностью занято кормежкой. Но среди них нет нетерпеливых обжор, которые глотают свою пищу в спешке. Медленно, с чувством, не торопясь поедают они невероятное количество зеленого корма, и трапеза их длится очень долго. Время подходит к 16 часам. Слоны снова купаются, после чего возвращаются в хлев.

В течение всего дня животные пользовались относительно большой свободой и лишь время от времени на-

ходились под наблюдением. Теперь их привязывают. Слонов ставят в два длинных ряда, и перед каждым животным располагается воспитатель. Они ели сегодня много часов подряд, но теперь наступило время вновь утолить голод. Трубоч подаёт сигнал. Вносят колоссальные горы корма, и животные принимаются за ужин.

Ночью за ними присматривают шесть служителей. Настоящий покой наступает в хлеву, как правило, только в полночь и длится не слишком долго, ибо потребность наших друзей в сне весьма невелика. Сон редко продолжается больше двух с половиной часов. По наблюдениям Уильямса, слонам на воле хватает даже получасового сна. Только глубокой ночью, когда даже мошара перестаёт петь свои серенады, животные, стоя или лежа, недолго, но зато очень крепко спят. Даже уши и хвост ни разу не шевельнутся во сне. Однако и в это время тишина не царит — с шумом переваривается колоссальное количество корма, поглощённое слонами за день.

Разумеется, случаются и всякие происшествия. Однажды убежавший со станции самец Бангойя увидел на одной плантации автомобиль и оторвал мотор от шасси. В другом случае монитер по совершенно непонятным для людей причинам убил только что прибывшего на станцию собрата... Но каких-либо сенсационных происшествий хроника станции слонов не содержит.

НА ПУТИ В МАТАДИ

Однако и станциям в Апи, Гангала-На-Бодио и Ару никогда не удавалось добиться, чтобы использование слонов в качестве рабочих животных приняло в Африке такие же большие размеры, как в Индии. Одно время пытались использовать того или иного слона на плантациях. Но успеха эти усилия не принесли. К трудностям общего порядка, которые и в Индии усложняют использование рабочего слона (например, присущая ему огромная потребность в корме, на удовлетворение которой уходит значительная часть дня), в Африке добавились и свои, специфические. Слоновая упряжка используется здесь не столь широко, так как африканские мосты не могут выдержать тяжелого груза. Однажды погонщик

подобной упряжки, вынужденный совершить огромное число объездов, признал, что если бы он воспользовался для доставки груза носильщиками, то достиг бы цели в несколько раз быстрее. В наши дни моторизация, которая проникла и в Африку, лишила слона какой-либо конкурентоспособности. Теперь их в основном используют лишь на немногих плантациях и предприятиях.

Станция в Ару и не рассчитана на дрессировку рабочих слонов. Это экспериментальная зоологическая станция, практическое значение которой состоит в поставке животных для цирков и зоологических садов. Однако транспортировка слонов не так-то проста. Массивные животные должны сперва проделать пеший марш до Стэнливиля. Отсюда они совершают пятисоткилометровое путешествие на плотах по различным рекам до Леопольдвилля. Здесь их ждет поезд, доставляющий слонов в Матади у побережья Атлантики, где их грузят на океанский пароход.

В БОКСЕ ОКЕАНСКОГО ПАРОХОДА

Конечно, перевозка слонов морем имеет свои трудности. Первые осложнения возникают при погрузке их на пароход. Если он стоит у причала, то слонов опоясывают крепкими ремнями и при помощи подъемного крана переносят на палубу. Если же пароход находится на рейде, эту операцию надо проделать дважды — сначала животных грузят на катера.

На пароходе слонам связывают ноги и помещают в загражденные места, а крупных животных запирают в клетки, где они только-только могут стоять. Друзья животных не раз возмущались подобным способом транспортировки, но специалисты отвечали, что такой способ в интересах самого слона, ибо помогает ему твердо держаться на ногах во время качки. Конечно, морское путешествие не доставляет слонам удовольствия. Так же как и люди, они страдают от морской болезни, и иногда им приходится очень плохо. Но при хорошем корме и хорошем уходе они в общем чувствуют себя более или менее прилично. Надо сказать, что пугливость слонов нередко вызывает осложнения и на море.

Когда однажды в Коломбо, столице Цейлона и важном порту на Индийском океане, ночью вели караван слонов, животные, возбужденные обилием света, бросились бежать. Однако их удалось поймать на следующее же утро. Двое из них упали в порту в воду, и потребовалось немало усилий, чтобы вытащить их оттуда.

В другом случае в том же городе ночью четырех рабочих слонов разбудил шум паровых кранов. Они тоже убежали. Но куда? Никто не мог найти их следов. На следующий день, однако, все четверо были обнаружены перед домом своего хозяина. Они мирно паслись около деревьев, к которым их обычно привязывали.

Трудности транспортировки слонов однажды испытал и Шомбургк. Он ездил в Конго за купленной Гагенбеком слонихой и удачно доставил ее в Антверпен, где животное поместили в зоологический сад. Но когда слониху для дальнейшей перевозки вновь попытались заключить в специальную клетку, о которой у нее явно сохранились неприятные воспоминания, она пришла в бешенство, вырвалась и стала носиться по зоологическому саду (к счастью, в тот момент безлюдному). Потом она смирилась, ее легко поймали и отвели в хлев.

Сколь ни тяжела транспортировка слонов на океанских кораблях, но еще труднее их перевозить в Индии, Бирме и Таиланде на плотам и баржах, буксируемых маленьким речным пароходом. Сначала надо найти среди животных вожака, способного повести за собой на плот все стадо. Но слоны питают особую антипатию к почве, которая качается под их ногами. Как же заманить их на колеблющиеся сходы? Как правило, их пытаются успокоить тем, что по обе стороны схода устанавливают изгороди из пальм высотой три-четыре метра. Но даже после того как, проявляя бесконечное терпение, удастся заманить животных на барку или плот, все еще могут возникнуть весьма критические ситуации. Особенно неприятен животным стальной настил палубы, который накаляется под палящим индийским солнцем. Раздражает их и пароходная сирена. Когда же к ее реву присоединяется плеск колесных лопастей, испуганные слоны начинают так трубить и реветь, что даже у опытных махаутов и ооци мороз проходит по коже.

IX

В ЗАГОНАХ И ЗА РЕШЕТКОЙ

В СТАРОМ ПАВИЛЬОНЕ БЕРЛИНСКОГО ЗООПАРКА

Африка и Азия — родина слонов. Но уже давно родным для них стал весь мир, точнее, определенные его части — зоологические сады и цирки.

Расскажем сначала кое-что о жизни слонов в немецких зоопарках. В Берлинском зоологическом саду первый слон появился в 50-х годах прошлого века. Его звали Бой, он был любимцем берлинской публики. Умер он около 1880 года. Тогдашний директор зоосада доктор Бодинус выставил скелет Боя в слоновом павильоне, построенном в стиле индийских храмов. Кроме этого памятника-скелета в павильоне находились и четыре живых слона: африканка Дженни, два индийских самца — Омар и Ростом и индийская самка Мальда. Дженни раньше принадлежала абиссинскому негусу, а Омара и Ростома подарили зоосаду англичане.

Во время транспортировки животных произошла авария. Путешествие морем из Лондона в Гамбург оба перенесли хорошо, но значительные трудности возникли при доставке их из гамбургского порта на вокзал. Слоны разбили деревянные клетки, в которые были втиснуты, и попытались вырваться на волю. К счастью, одному опытному служителю удалось при помощи железных палок удержать их. Мальда, названная так по наименованию области, известной своими плантациями индиго, должна была участвовать в происходившей тогда в Афганистане войне, но ей посчастливилось, ибо ее своевременно выкупили агенты зоопарка и без шума доставили в Берлин.

Все животные, включая и африканку Дженни, были выдрессированы и умели проделывать всякие фокусы. Они по команде отходили назад, кланялись, ложились, поднимали с пола всевозможные предметы, даже монеты совсем небольшой величины. Самому младшему из этого квартета — пятилетней Мальде — доверяли даже катать на себе детей по зоосаду.

СТОРОЖА РАССКАЗЫВАЮТ

Когда началась вторая мировая война, в Берлинском зоопарке находились семь самок (шесть индийских и одна африканская) и два самца. 22 ноября 1943 года во время бомбежки все семь самок и один самец были убиты. Последний самец тоже недолго жил после этого ужасного дня. В конце 1954 года в зоопарке была только одна-единственная слониха, которую поместили в просторном, отлично оборудованном новом павильоне. Животное это по кличке Шанти (мир) подарил премьер-министр Индии Неру.

Почти во всех зоопарках, где есть только один слон, вместе с ним помещают и какое-нибудь другое животное (он ведь стадное животное и нуждается в обществе). Некоторое время Шанти — в данном случае в первую очередь по техническим причинам — помещали на ночь вместе с шестью ослиами, пятью кобылами и одним жеребцом. Особую симпатию Шанти питала к жеребцу. Она разрешала ему в любое время есть из своей кормушки, кобылиц же при подобной попытке отгоняла хоботом прочь. Затем индийской слонихе дали в товарищи ламу, с которой у нее завязалась тесная дружба, более крепкая, чем этого хотелось бы ее сторожу, весьма внимательному и серьезному наблюдателю за порученным ему животным (дело в том, что преданность слона человеку не должна подрываться слишком дружескими отношениями его с каким-либо другим животным).

Сторож говорит, что согласие Шанти подчиниться той или иной команде можно определить по некоторым безошибочным признакам. «Если животное закрывает глаза — все в порядке. Если же оно демонстративно держит глаза открытыми — это свидетельствует о неже-

лании слушаться. Тогда я сразу перестаю настаивать на выполнении моего приказа и изменяю его».

Иногда служитель выводит своего слона за пределы зоопарка и посещает с ним расположенные вблизи магазины. При таких визитах Шанти всегда вела себя очень хорошо: «девица» ни разу не соблазнилась лакомствами.

Прогулки слона по улицам большого города, естественно, привлекают к себе всеобщее внимание. И они бывают не только в Берлине. На некоторых московских улицах в последние годы также можно увидеть гуляющего слона. Это индийская самка по кличке Пунчи — покладистое и понятливое животное. Она живет в небольшом институте, где изучаются привычки и поведение животных *. Почти каждый день Пунчи выводят на прогулку. Уличное движение ей не мешает. Спокойно шагает слониха вдоль тротуаров. Путь ее лежит к ларьку, продавщица которого уже давно знакома с ней. Пунчи знает, что здесь стоит остановиться, уж пригоршню сахара она получит наверняка. Продавщица газетного киоска тоже подружилась с Пунчи, и от нее слонихе часто кое-что перепадает. Слониха вытягивает хобот, чтобы взять лакомства. «Пунчи просит книгу о слонах», — шутят дети, всегда сопровождающие этого колосса.

Во всемирно известном Гамбургском зоопарке слоны живут с 1867 года. Во время больших бомбежек города в годы второй мировой войны сад пострадал, но слоны остались невредимы. Ныне в зоопарке тринадцать слонов: девять индийских самок в возрасте от четырех до шестидесяти лет, два африканских самца и две самки.

Часть этих слонов выступает в цирке Гагенбека, и только временами они находятся в зоопарке. Но и постоянные его обитатели тоже не бездельничают. Они играют для увеселения публики (и для своей собственной тренировки) на шарманке и выполняют время от времени какие-нибудь работы, например перетаскивают бревна и металлические балки или выкорчевывают старые деревья. Одному из слонов как-то пришлось поработать «на стороне». Вблизи зоопарка угодил в канаву

* В Уголке Дурова. — *Прим. ред.*

и застрял грузовик. Шоферу никак не удавалось высвободить свою машину, и он решил обратиться к дирекции зоосада с просьбой о помощи. Ему послали на вырубку индийскую самку. Сло니ха очень быстро поняла, чего от нее хотят. Она уперлась лбом в заднюю стенку потерпевшей аварию машины и быстро вытолкнула ее на дорогу.

Главный смотритель Гамбургского зоосада опекает слонов уже больше двадцати лет. Свои приказы он отдает им в виде десятка команд на немецком, английском и малайском языках.

Иногда возникают забавные осложнения. Слоны одного баварского циркового дрессировщика привыкли к его баварскому диалекту. Однажды ему надо было найти замену. С предложением обратился дрессировщик из Рейнской области, который казался весьма подходящим. Но слонов, к сожалению, нельзя было заставить реагировать на его диалект, так что пришлось отказаться ему.

Вот что еще рассказал главный смотритель. Цирковым слонам приходится часто путешествовать, но они прекрасно помнят свой родной дом, и когда после своих странствий они снова попадают на Штеллингенский вокзал, начинают оглушительно трубить. Несомненно, животные понимают, что они снова «дома». По пути в зоопарк громовый рев усиливается еще больше, и когда наконец все слоны оказываются в сборе, они бурно приветствуют друг друга прикосновением и переплетением хоботов.

И еще одну историю рассказал этот смотритель.

Однажды хотели привлечь к участию в одной клоунаде циркового слона по кличке Рома. Он должен был толкать перед собой автомобиль. Эту задачу он выполнил сразу. Однако ему нужно было еще подуть в выхлопную трубу и обдать клоуна гарью. Животное никак не могло понять, что от него требуется. Оно засовывало хобот в трубу и трубило в нее, но не удавалось заставить его дуть. Решили отказаться от дальнейших попыток. В машине было сделано приспособление, при помощи которого водитель движением рычага мог создавать облако гари. Но как только оно появилось в воздухе, слон сразу же понял, что от него требуют, и из всех сил стал дуть в трубу.

В Дрезденском зоологическом саду служитель от-лично находил общий язык со своей индийской слонихой Карлой. Она ложилась по команде и, не проявляя ни малейшего недовольства, терпела, когда он топтал ее ногами, а потом возила его на своей спине. Кроме того, Карла играла на губной гармонике. Однако посетители зоопарка полагали, что с Карлой не все ладно: когда она стояла на привязи, то почти непрерывно трясла головой. Не было ли это нервным тиком? Нет это не нервный тик. Часто у слона в неволе бывают подобные стереотипные движения.

В 1940 году в Дрезденском зоопарке было три слона: африканский самец Юмбо и индийские самки Нанга (уменьшительное имя от Нанга-Парбат) и Бирма, которые жили в полном согласии. Однако Юмбо часто болел. У него был туберкулез, много страданий причинял ему также нарыв. Однажды ослабевший слон уже не смог подняться с пола. Вызвали пожарных, которые обвязали тяжелое животное канатами, пытаясь помочь ему встать на ноги. Но Юмбо еще не был настолько слаб, чтобы безвольно дать делать с собой что угодно. Неожиданно он потянул в другую сторону, и вся пожарная команда полетела кувыркком.

Зачастую тяговая сила слонов недооценивается. Ее недооценивают даже те люди, которые исходят не из смутных предположений, а пытаются высчитать ее с математической точностью. Профессора и студенты Дургамского университета (в Англии) решили недавно установить, соответствует ли их теоретический расчет реальным силам слона. Они заставили другого Юмбо перетягивать канат и скоро убедились, что полетели кувыркком не только все их формулы, но и они сами.

Дрезденский Юмбо умер в октябре 1940 года, Нанга скончалась спустя два года от истощения, а еще через два года от дифтерии умерла Бирма.

У индийского самца Омара, который ныне вместе с доставленной из Гамбурга индийской слонихой Кири проживает в Лейпцигском зоологическом саду, бурное прошлое. В 1924 году Омар прибыл в Ганновер. Шли годы. Омар возмужал и стал опасен. В 1932 году во время

яра он схватил служителя за куртку, швырнул его на землю и пронзил левую сторону грудной клетки бивнем. К счастью, сердце и легкие оказались незатронутыми. Сохранивший присутствие духа служитель сумел выбраться из загона и тем спас себе жизнь.

Пять лет спустя Омар нанес индийскому дрессировщику Мандадлу Сублаллу, поселившемуся в Ганновере, где он дрессировал группу слонов, страшный удар хоботом, наступил на поверженного и вонзил в него бивень. Индеец вынесли из загона мертвым. Но не следует представлять дело так, будто Омар напал на дрессировщика из «жажды убийства». Скорее всего здесь сыграла решающую роль роковая случайность. Омар интересовался одной самкой, с которой его содержали вместе, и Сублалл не вовремя столкнулся с пылавшим страстью животным.

Преемник Сублалла тоже едва-едва, и только благодаря хитрости, спасся от нападения Омара. В 1938 году Омар в соответствующей его росту огромной клетке был доставлен по железной дороге в Лейпциг. Здесь он тоже однажды натворил бед. Правда, пострадал не человек, а слониха Цилли. По неизвестным причинам он бросил ее в глубокий ров, отделяющий в Лейпцигском зоопарке загон от посетителей. Вскоре после падения Цилли околела.

КАК УБИВАЮТ СЛОНОВ

В одной из предыдущих глав говорилось, что живущие на воле слоны обладают различными характерами. Но и в неволе наши друзья не теряют своих индивидуальных черт. Бывают слоны «добрые» и «злые» (причем мы, как уже не раз было сказано, не понимаем эти условные характеристики в человеческом смысле слова), слоны легко и трудно поддающиеся дрессировке.

Чрезвычайно послушным животным была слониха Ипани из Мозамбика, которая двадцать лет назад жила во Франкфуртском зоологическом саду. Во время детских утренников или других представлений ее без всякой опасности можно было вводить в переполненные зрительные залы. Иногда она заходила даже в служебные помещения, причем безо всякого труда поднималась по каменным лестницам.

Об одном удивительно добродушном и понятливом слоне рассказывает Карл Гагенбек. Это был самец по кличке Боско. Обычные работы он научился делать за несколько дней, а ложиться и вставать — в течение одного дня. После дрессировки, длившейся менее четырех недель, он мог шагать по бутылкам, стоять на передних или задних ногах, есть за накрытым столом с тарелки и пить из бутылки. Цирковой номер с участием Боско обычно заканчивался тем, что он через всю арену нес на бивнях сидящего на стуле дрессировщика, что особенно нравилось юным зрителям.

Боско побывал в Америке и пользовался в тамошних цирках исключительным успехом. Его привязчивость к людям, а также великолепная память проявились в том, что после двухлетнего перерыва он сразу же узнал Гагенбека и с явной радостью облизал ему лицо, издавая при этом ласковые горловые звуки.

Но Гагенбеку известен был слон и с прямо противоположным характером. То был рабочий слон, настолько капризный и злобный, что хозяин, дабы предотвратить возможность несчастья, должен был наконец умертвить его. Он сделал это, разумеется, с неохотой, так как слон — большая ценность.

Убить слона — дело отнюдь не простое. К ядам, например, эти мощные животные чувствительны очень мало. Они переносят такие дозы, которых было бы достаточно, чтобы уничтожить население целого поселка.

В истории умерщвления слонов много примеров, когда на этих гигантов не действуют даже самые сильные яды. Так, одному тяжело больному слону, усыпленному хлороформом, впрыснули в желудок шесть унций синильной кислоты, а когда эта доза не подействовала, еще унцию стрихнина. Но все эти попытки избавить слона от мучений не дали ожидаемого результата. В конце концов пришлось вскрыть ему шейную артерию, и он умер от потери крови.

О том, что может вынести желудок слона, свидетельствует хроника зоологических садов и цирков. Во Франкфуртском зоосаде слон однажды проглотил осколки бутылки от ликера, а в цирке Вульффа другой слон — наполненную маслом бутылку из-под шампанского. В Лондонском зоопарке слон проглотил дамскую сумочку, в которой кроме обычных косметических

принадлежностей находились еще кошелек, ножницы и ножичек. Но ни один из трех слонов не нанес вреда своему здоровью. Что же касается владелицы сумочки, то она смогла даже получить обратно часть своих денег, правда, в весьма трансформированном виде.

Иногда, чтобы убить слона, приходится прибегать к помощи пехоты и артиллерии. Об этом мы расскажем в другом месте книги.

ДРУЖБА СЛОНА С ЧЕЛОВЕКОМ

Бывает, что слоны слушаются только одного-единственного человека — своего смотрителя. Если тот с ними, все в порядке, они добродушны и послушны, если его нет, они мечутся и бушуют и могут быть весьма опасны.

Карлу Гагенбеку пришлось испытать это на собственном опыте. Одна самка, купленная у бродячего цирка, подружилась со старым столяром по фамилии Шорш. Этот Шорш мог «обернуть слониху вокруг пальца» (да простят нам такое выражение!). Но насколько предана она была ему, настолько враждебно относилась к другим людям, которых встречала ударами хобота. Никто, кроме Шорша, не мог установить со слонихой хотя бы сносных отношений.

Слон с подобным же характером доставил однажды немало хлопот двоюродному брату Карла Гагенбека — Джону. В одной цейлонской деревне около Канди он за крупную сумму купил у сингальца необычайно красивого и весьма послушного с виду слона по кличке Панака. В сопровождении молодого смотрителя животное было доставлено во владения Гагенбека и помещено в загон. На следующее утро Панака, который казался образцом послушания, стал неузнаваем. Он буйствовал и вел себя как одержимый: глубоко взрывал землю, вырывал с корнем и валил небольшие деревья. С особым удовольствием хватал он хоботом камни и бросал их на крышу гостиницы. Служащие Гагенбека не были новичками в обращении со слонами, однако все их попытки умиротворить разбушевавшееся животное окончились неудачей. Переступить порог его загона было опасно для жизни, ибо он бросался на каждого входящего.

Гагенбек впустил к буяну двух молодых слонов (ему казалось, что это хорошая идея). Но тот не только

не подобрел, а даже стал бить своих собратьев хоботом, да к тому же так сильно, что они сначала упали, а потом в страхе выскочили из загона. Гагенбек решил выждать несколько дней. В течение этого времени слону бросали корм через ограду загона.

В конце концов пришлось обратиться к прежнему хозяину и попросить его прислать своего служителя. Когда тот прибыл и слон узнал его, произошло мгновенное преобразование. Панака начал гладить молодого индийца хоботом, выражал большую радость и снова стал послушным, даже покорным и кротким животным. Лучшим выходом было бы, если бы любимец Панаки остался у Гагенбека. Но индеец не хотел расставаться со своим хозяином-сингальцем. Тогда Гагенбек предложил возвратить слона прежнему хозяину, потребовав от последнего вернуть уплаченные за животное деньги. Дело дошло до суда, в результате которого Гагенбеку удалось добиться только обмена Панаки на двух молодых и не очень ценных слонов.

Самка Лилли, жившая перед первой мировой войной в Дрезденском зоосаде, тоже слушалась только своих двух друзей — собственного смотрителя и директора зоосада Шепфа. Больше никого она не выносила. Особую антипатию она почему-то питала к людям, одетым в форму, безразлично какую: их она с большим удовольствием оплевывала. Ей не было никакого дела до того, что среди людей с погонами и блестящими пуговицами иногда встречались и «коронованные особы».

Но все-таки даже на самую горячую симпатию к человеку абсолютно полагаться нельзя. Слон Бой, тезка первого берлинского слона, находившийся двадцать лет назад в зоологическом саду Мюнхен-Хеллабрунна, был в наилучших отношениях со своим смотрителем Вернером и директором Хеком. Однако это не помешало ему однажды совершенно неожиданно и без всякого повода напасть на них обоих. Директора он ударил в спину бивнями, сломав ему несколько ребер, а смотрителя схватил хоботом и бросил головой вниз в ров. К счастью, поблизости находился не потерявший присутствия духа служитель, разнесивший корм. Он бросил буяну в голову мешок с кормом для морских свинок, чем отвлек внимание разозленного животного. В это время Хеку удалось бежать. На следующий день от

вчерашнего дурного настроения не осталось и следа. Бой запищал от радости, когда Хек приблизился к нему, а своего зрителя Вернера он вновь стал слушаться с первого слова.

Невозможность предвидеть поступки слонов привела однажды в Базельском зоологическом саду к гораздо более печальным результатам. В 20-х годах нашего века здесь находилась индийская самка Дженни. Она считалась послушной и добродушной и по команде проделывала всякие фокусы. Казалось, что она питает особую симпатию к своему зрителю Гансу Гефельфингеру. И все же она стала виновницей его гибели. Однажды Гефельфингер был найден в хлеву мертвым. Его убила Дженни. Никто не знает, как это произошло, и никто никогда не сможет поведать об этом, ибо свидетелей не было. Пять лет спустя из-за Дженни погиб еще один человек: берлинский врач, который пытался вылечить ногу животного. Во время осмотра слониха прижала своего благодетеля к решетке и раздавила ему грудную клетку.

СВОЕНРАВНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

Как человек, который не в силах перенести одиночество, вела себя несколько лет назад индийская слониха Лецими в зоосаде города Орхуса в Дании. После смерти самца, вместе с которым она прибыла из Индии, слониха чувствовала себя хорошо только в присутствии своего индийского зрителя. Когда она не видела его, ей по крайней мере необходимо было знать, что он находится в своей комнате рядом с хлевом. Но зрителю надо было часто выходить по делам. Тогда ему пришла в голову в буквальном смысле слова светлая мысль. Он включил электрический свет, запустил на полную мощность радиоприемник и потихоньку вышел из здания. Лецими «думала», что он находится в соседнем помещении, и была довольна. Когда же зоосад приобрел молодого слона и его поместили вместе с самкой, она была явно счастлива, что рядом с ней соплеменник, да еще такой, которого она могла усыновить.

Вообще симпатии слона не обязательно принадлежат человеку. В зоологическом саду Рима одна слониха вдруг привязалась к козе. Когда та находилась вблизи

нее, все шло хорошо, но как только коза убегала или ее уводили, слониха начинала бушевать и дико трубить.

Бывало и наоборот: у индийской самки Зулейки, жившей когда-то в Дюссельдорфском зоосаде, не было более злого врага, чем другая слониха. Директор зоосада думал доставить ей радость, поместив вместе с ней подружку — слониху Целлу, прибывшую из Штуттгарта. Но Зулейка отнюдь не обрадовалась такой соседке, наоборот, она стремилась отколотить ее и вообще отравить ей жизнь. И даже после того как их разъединили, она не переставала выражать свою неприязнь к ненавистному созданию. Зулейка, опираясь на разделявшую их стену, поднимала свое грузное тело, будто хотела перелезть через нее, и ударяла по ней хоботом — удары адресовались Целле.

Чем была вызвана эта антипатия? Директор зоопарка объяснял ее тем, что красивая и молодая Целла, обученная всяческим фокусам, отодвинула на задний план старую и некрасивую Зулейку и получала от посетителей больше подачек, чем ее соперница. По его мнению, вражда Зулейки была вызвана, таким образом, ревностью, а также борьбой за кусок хлеба.

Иногда стычки между слонами приводят к трагическим ситуациям. Однажды в Базельском зоосаде вместе с индийской самкой Мэри поместили африканскую самку Мэди. Мэди была еще очень молода и сразу же признала в Мэри вожака. Но и у слонов дети в конце концов становятся взрослыми. Мэди подросла, стала сильнее, и тогда прежние отношения между животными изменились. Но если Мэри во время своего главенства была мягкой и снисходительной госпожой, то Мэди вела себя как типичный тиран. Прежде всего она, как это часто случается с деспотичными животными в зоологических садах, предъявила претензию на наиболее удобные для выклянчивания подачек места у решетки. Нередко, когда атаки своенравной Мэди становились слишком свирепыми, на помощь терпеливой Мэри должны были приходить люди. Однажды Мэди нанесла индийской слонихе такой сильный удар, что та упала и не могла встать. Для того чтобы поднять ее на ноги, пришлось воспользоваться блоком.

Весьма двойственным характером отличался самец Ромео из Римского зоосада. Когда его выпускали погу-

лять, он держался самоуверенно, и шутки с ним были плохи. Каждый, кто имел со слоном дело, мог ожидать нападения. Однажды сторожу, который работал непосредственно перед оградой его загона, он дал такого пинка в зад, что тот отлетел на несколько метров. В другой раз он притиснул своего собственного смотрителя к стальной стене, зажав его между бивнями. Когда тот попытался проскользнуть между ногами, слон опустил свои бивни вслед за ним. Наконец смотрителю все-таки удалось перехитрить слона и убежать.

Насколько строптивым был Ромео, когда чувствовал свое превосходство, настолько он сникал, когда ощущал обвившиеся вокруг его ног веревки. Связанный, он дрожал от страха, не выказывал больше ни малейшего духа противоречия и, если надо было, безвольно позволял сажать себя на цепь.

У слонят также могут быть прихоти. Исключительной упрямцей проявила себя Грети, которая несколько лет назад находилась в Риме и катала там детей на своей спине. Однажды, когда ей вновь надо было катать ребят, ее никак нельзя было оторвать от решетки, отделявшей детский городок от остальной территории зоопарка. Сколько бы травы и хлеба ей ни предлагали, она пренебрегала всеми этими дарами и упорно пыталась схватить хоботом росший по ту сторону решетки цветок татарника, до которого могла дотянуться лишь с невероятным трудом. Даже побои не могли заставить Грети отказаться от попыток сорвать цветок. Только осуществив свое желание и отправив себе в пасть несчастный цветок, она без сопротивления дала оседлать себя.

Своенравная Грети стала позднее жертвой вновь приобретенной зоопарком слонихи. Это животное, значительно более мощное, постоянно затевало с ней ссоры. Однажды в хлеву она сбила с ног Грети и нанесла ей такие увечья, от которых та уже не смогла оправиться.

СЛОН И АВТОМАТ

Случай, который произошел однажды в Галле, доказывает, что катание детей на слонах, даже самых молодых, всегда несколько рискованно. В один прекрасный день ручной слоненок Бупари, бывший до тех пор образцом послушания, вдруг испугался. Почему? Никто

не мог сказать, что произошло в его мозгу. Во всяком случае, Бупари вдруг выскочил из детского городка и начал метаться по ресторанной площадке, опрокидывая стулья, столы и все, что встречалось ему на пути. К счастью, люди не пострадали.

В «зрелые годы» слониха Бупари под руководством своего зрителя Вильгельма Дельца проявила себя очень способным к дрессировке животным. Она звонила в колокол, играла в кегли, вертела шарманку, балансировала на бутылках, садилась на стул, поднимала хоботом своего дрессировщика в воздух. Но главное — она обслуживала специально для нее сконструированный автомат. Однако этот автомат не различал достоинства монет. Какие бы монеты в него ни бросали, он щедро выдавал печенье.

Дельцу было не по вкусу, что печенье можно приобрести и на пфенниги, ибо при этом ему приходилось доплачивать. И тогда ему в голову пришла спасительная мысль. Он научил Бупари отличать медь от никеля и бросать медь в его карман, а никель — в автомат. Бупари отлично поняла свои обязанности. И когда профессор философии Аллоиз Риль протянул Бупари горсть мелочи на сумму пятьдесят пфеннигов, способное животное тщательно отделило каждую никелевую монету от медной. Вероятно, слониха определяла различие между монетами не зрительно, а при помощи слизистой оболочки хобота и ее нервных окончаний.

Упрямство было отличительной чертой находившегося в зоосаде у Гагенбека восемнадцатилетнего самца Тото, который в юные годы носил по улицам Дар-эс-Салама (Танганьика) навешанные на него с обеих сторон рекламные плакаты. В течение некоторого времени он получал в зоопарке для подкрепления сил рис с молоком, который ему приносили в миске. Когда же служитель собирался унести посудину, Тото начинал реветь и бушевать. Он каждый раз требовал, чтобы ему дали самому установить, что в миске больше ничего нет. Только после того как Тото убеждался, что миска пуста, он позволял унести посуду. Другой особенностью Тото была его склонность хватать через решетку загон дамские шляпки и присваивать их. Чтобы оградить посетителей зоопарк женщин от потерь, этого воришку приходилось привязывать.

Совсем невоспитанно поступил однажды слон в Лондонском зоопарке. Один молодой англичанин хотел поразить свою мать и сестру, вместе с которыми он посетил павильон слонов. Он знал, что слон был привезен из Бирмы, и ему было известно, что в качестве команды «ложись» там употребляется слово «хмит». Он утверждал, что ему удастся заставить слона лечь.

— Хмит! — кричит он слону. Слон не реагирует. — Хмит! — снова кричит молодой человек, и опять без всякого результата. В третий раз кричит он «хмит» во всю силу своих легких.

Теперь слон наконец обращает внимание на крикуна. Он подходит почти вплотную к решетке, но не ложится, а хватает хоботом навоз, лежащий рядом, и бросает кусок величиной с каравай прямо в «знатока» бирманского языка.

РОЖДЕННЫЙ В ЗООПАРКЕ

Живущие на свободе самки за свою жизнь производят на свет в среднем четырех детенышей, в неволе же они рожают чрезвычайно редко. Во всей Европе, где в зоологических садах и цирках в настоящее время насчитывается около трехсот слонов, их родилось немногим более десятка.

Первый слон родился в Европе в 1906 году в зверинце Шёнбрунна. В венских газетах того времени, которые, конечно, подняли большой шум по поводу этого счастливого события, можно прочесть, что у Перерль — так называли малыша — были сравнительно темная кожа и белый хобот.

В последнем известном случае родов слона в Европе детеныш появился на свет мертвым. Это произошло в июле 1951 года в зоопарке Мюнхен-Хеллабрунна. Индийская слониха Рания родила мертвого слоненка. После родов мать заболела и, несмотря на все усилия ветеринарного врача, умерла в начале августа. Когда вскрыли труп, оказалось, что в чреве самки находился еще один вполне сформировавшийся детеныш женского пола. Смерть слонихи, по медицинскому заключению, произошла оттого, что второй детеныш помешал выходу последа первого. Отцом близнецов был самец Август, который сам родился в неволе в Лейпциге незадолго до

второй мировой войны. Этот факт свидетельствует, что и слониhi могут производить на свет близнецов, у живущих же на свободе животных такие случаи, видимо, совсем нередки.

Под более «счастливой звездой», чем в Хеллабрунне, происходили роды у слониhi в Римском зоологическом саду в 1948 году. Родилась самка. В первый день жизни она весила ровно 100 килограммов, а к концу первого года — 366 килограммов. Совсем недавно появился на свет и Москвич. Он содержится в открытом вольере расположенного в Москве зоопарка, который существует уже сто лет и является любимым местом отдыха москвичей.

Наиболее интересные случаи рождения слонов в Европе были в Копенгагене, где индийская слониха Эллен родила от опасного и злобного Чанга трех малышей (в 1907, 1912 и 1916 годах). Слонята, все мужского пола, были названы — Каспар, Юлиус и Лауриций. Ни один из них не умер естественной смертью. Юлиусу и Лаурицию впрыснули яд, чтобы освободить их от вызванных болезнью страданий. Каспар долгое время бродил с каким-то цирком по стране, а затем за пять тысяч марок был продан зоологическому саду в Ганновере. Сначала он вел себя хорошо, но потом начал буйствовать в хлеву, стал опасен для окружающих и однажды тяжело ранил служителя. Во избежание новых опасных инцидентов животное пришлось умертвить.

Вскрытие трупа показало, что у Каспара было сильное воспаление обоих бивней. Вероятно, ему приходилось терпеть ужасную зубную боль. Человек может сказать, что у него болит, Каспар же реагировал на боли буйством.

СЛОНЫ-ПАЦИЕНТЫ

Разумеется, случай с Каспаром не единичен. Директорам зоопарков и цирков постоянно приходится иметь дело с зубными болезнями своих подопечных. Директор цирка Штош-Сарразани однажды собственноручно удалил слону больной бивень и перерезал нерв, после чего несносный до этого пациент вновь стал спокойным и миролюбивым.

Другому слону, мощному самцу того же цирка, пришлось сделать анестезию, для чего потребовалось

110 граммов хлоралгидрата. В этом состоянии он без всякого сопротивления позволил срезать бивни. Лечение третьего слона проводилось публично женщиной-дантистом. Операция длилась несколько дней, и в конце концов слону была поставлена фарфоровая пломба.

Разумеется, лечение слонов, если оно производится без соответствующих мер предосторожности, представляет большой риск. Один римский дантист был убит своим пациентом.

Конечно, слоны страдают не только от зубных болезней. В зоологическом саду в Галле у Бупари II, преемницы упоминавшейся уже Бупари I, на конце хобота появилась гнойная опухоль. Различные медикаменты и мази не принесли облегчения. Когда обратились за советом к известному лейпцигскому профессору, тот рекомендовал сделать операцию. Но как ее провести? Сторожу пришла в голову удачная мысль. Он стал перед решеткой хлева и выманил у доверчивой Бупари хобот, который та положила ему в руки. Сторож крепко схватил хобот, обернул эту серую кишку вокруг одной из толстых железных штанг решетки и изо всех сил сжал ее. Как ни редела Бупари, профессор вскрыл нарыв, выжег поверхность раны и перевязал ее. В течение двадцати минут операция была закончена.

Но вот наступил момент, когда сторожу надо было подойти к животному. Он сделал это с большими опасениями. Не отомстит ли Бупари ассистенту хирурга за его «коварство»? Конечно, нельзя было ожидать, чтобы животное поняло смысл происшедшего и истинную роль сторожа. Но слониха не проявила никаких признаков враждебности. Бупари и сторож остались хорошими друзьями.

О подобном же эпизоде сообщает Уильямс. Бирманскую слониху по кличке Ма Киав, защищавшую своего слоненка, тяжело ранил тигр, разодрав ей всю спину. Уильямс в течение трех недель лечил животное, причем лечение было весьма болезненным и пациентка терпела его с большой неохотой. Слониха вела себя как малое дитя, которое обращает раздражение от боли, причиняемой ему при лечении, против желающего ему добра врача.

Когда лечение было закончено, Уильямс отослал животное обратно в лагерь, из которого оно прибыло,

и потерял его из виду. Однажды слониха вновь повстречалась Уильямсу. Она стояла у ручья вместе с шестью другими слонами. Уильямс издали крикнул погонщику: «Ну как поживает спина Ма Киав?» Ооци не понял толком, о чем идет речь, и не ответил. Но Ма Киав, как рассказывает Уильямс, подошла к нему, опустилась и показала спину, как будто хотела сказать: «Большое спасибо за помощь!»

Уильямс — слишком серьезный знаток слонов, чтобы не усомниться в правильности подобного толкования этого поступка. Может быть, возражает он сам себе, его следовало понимать не как жест благодарности, а как выражение радости. Животное услышало голос своего прежнего опекуна и из старой дружбы приблизилось к нему.

Мы не хотим быть более доверчивыми, чем сам Уильямс. Тем не менее наш принципиальный отказ от очеловечивания животных не исключает того, что слон реагирует на приобретенный им добрый опыт определенными поступками. Хотя их и нельзя приписать моральным побуждениям, тем не менее они созвучны человеческим чувствам. Во всяком случае, примечательно в этом эпизоде то, что Ма Киав так же не стремилась отомстить своему целителю за физические страдания, как и Бупари в Галле.

МАТЬ И ДИТЯ

Как обращаются слонихи в неволе со своими детенышами?

В общем и целом так же трогательно и нежно, как и на свободе (это постоянно подчеркивается в литературе). Слонята обычно жизнерадостны и шаловливы. Хоботок у них непрестанно двигается. Они охотно играют с сеном и вообще со всем, что находят на земле. Иногда они без конца заставляют мать гонять их своим хоботом.

Образцовые отношения были между шёнбруннской Пеперль и ее матерью. Бесчисленное количество раз мать ощупывала тело малютки, охраняя ее сон, прикрывала ночью сеном. Когда же шаловливо-ребячливая Пеперль начинала бегать между ногами матери, та, оберегая ее, поднимала над ней свой хобот и трубными

звуками выражала радость. Семь недель спустя после рождения, но не ранее (хотя никто этого не запрещал), мать отправилась с дочкой на прогулку. Она даже терпела, правда с явным неудовольствием, когда видела, что ее бэби играет со сторожем.

Копенгагенская Эллен также была нежна со своими тремя малышами. Она ощупывала, обнюхивала и ласкала их. Когда Каспар однажды упал в бассейн для купания, она помогла ему выбраться оттуда. Все же о материнской любви слоних следует сказать то же, что и об их супружеской любви: ее нельзя сравнивать с соответствующими человеческими чувствами. Эта любовь вытекает из инстинкта заботы о потомстве, и, как только последний ослабевает, слониха теряет к своим детям какой бы то ни было интерес. В случае с Эллен этот интерес сохранялся весьма короткое время, каких-нибудь полтора года, после чего она даже почувствовала к своему отпрыску антипатию. Когда слоненок хоботом или пастью искал сосцы матери, та не только не оказывала ему помощи, но часто давала такого пинка, что во избежание серьезных увечий приходилось убирать его от столь нелюбезной мамыши.

Римская слониха с самого начала выказывала весьма недружелюбное отношение к своему детенышу. Пришлось искусственно вскармливать его коровьим молоком и томатным соком. Позже стали смешивать молоко с рисом, ячменем и пшеницей.

КРИТИЧЕСКАЯ ДИСТАНЦИЯ

Не менее важную роль, чем в зоологических садах, играет слон и в цирках. Любой директор цирка знает, какой притягательной силой обладают эти серые великаны.

Карл Кроне, директор самого большого цирка в Европе, рассказывает в автобиографии, при каких обстоятельствах он впервые столкнулся со слонами. В то время ему было шестнадцать лет. Отец его, владелец небольшого зверинца «Менажери Континенталь», воспользовался благоприятным случаем и по весьма низкой цене приобрел африканского слона, правда с довольно злобным нравом. Возник сложный вопрос, как перевезти слона во время многочисленных переездов зверин-

ца с места на место. Администрация железной дороги требовала уплаты за целую платформу. Эта цена была недоступна, а посему семейный совет решил, что в дальнейшем Карл будет совершать с Плутоном пешие переходы к месту назначения. Поручение почетное, так как благодаря этому Карл оказывался в центре всеобщего внимания. Но, с другой стороны, это была нелегкая миссия, ибо иногда путь их вел круто в горы. А если добавить, что и солнце начинало припекать, то можно понять желание Карла сделать переход более удобным. Однажды он решил, что было бы куда лучше ехать на слоне, чем шагать рядом с ним. Карл заставил животное поднять левую ногу и вскочил на его широкую спину. Но Плутона не устраивал подобный способ передвижения. Он затрубил, стал кидаться из стороны в сторону и до тех пор гневно втыкал свои бивни в землю, пока не сбросил всадника на пыльную дорогу. И сколько ни пытался Карл Кроне оседлать Плутона, все его усилия кончались неудачей и синяками.

В дальнейшем, когда маленький зверинец превратился в большой цирк, Кроне держал у себя, кроме пяти-сот хищных зверей всех пород (в том числе пятьдесят тигров), не менее двадцати семи слонов.

Но ведь зритель в цирке не удовлетворяется только одним лицезрением слонов, он хочет, как повелось издревле, видеть их артистическое искусство.

На улицах Рима слоны, отлично выделявавшие разнообразные фокусы по команде своих дрессировщиков — эфиопов, были обычным явлением. Они опускались на колени, танцевали на канате, бросали камни в цель, кидали оружие в воздух.

Обычная дрессировка слонов, главным образом индийских, ограничивается ныне тем, чтобы заставить их стоять на передних или задних ногах или же передвигаться на цилиндрическом катке. Но их можно обучить и кое-чему другому. Карл Гагенбек выучил слона кататься на трехколесном велосипеде, а его сын Вильгельм научил скакать верхом на слоне льва.

Воспользуемся случаем, чтобы сказать несколько слов о Гагенбеках — знаменитой семье звероловов, дрессировщиков и торговцев животными. Это необходимо для того, чтобы помочь читателю, который уже встречался в нашей книге с четырьмя представителями этой

семьи, не путать их между собой. Самый знаменитый из Гагенбеков, несомненно, Карл. Он основал зоопарк в Штеллингене под Гамбургом, вел международную торговлю животными, первым в Германии стал устраивать этнографические выставки зверей, а в 1896 году получил патент на изобретение вольера без решеток. Карл Гагенбек — один из пяти сыновей дважды женатого рыботорговца Клауса Карла Гагенбека. Братьями его были: Вильгельм, руководивший цирком, и зверолов Дитрих, который умер на Занзибаре. Его сводные братья Джон и Густав тоже занимались ловлей зверей и торговлей ими. После смерти Карла Гагенбека в 1913 году остались два его сына — Лоренц и Генрих. Старший из них — Генрих до самой смерти в 1945 году руководил зоопарком, а ныне это предприятие возглавляет Лоренц.

Другой дрессировщик по фамилии Филадельфия добился того, что слоны, преодолевая врожденную робость и пугливость, скатывались с высокой горки в наполненную водой арену.

Как осуществляется дрессировка цирковых животных, и в частности слонов?

Разумеется, сейчас эта проблема решается, как и всякая другая, с научной точки зрения. Прежний укротитель из ярмарочного балагана бродячего зверинца, который выходил против дикого зверя с железной палкой и под звуки возбуждающей музыки, вращая глазами, отчаянно хлопал хлыстом, уступил место современному дрессировщику.

Последний не считает животное какой-то опасной бестией, а, наоборот, видит в нем существо, специфические свойства и врожденные способности которого можно при разумном обращении использовать для достижения определенных результатов. Наука о дрессировке животных, поставившая перед собой задачу прежде всего исследовать биологическую реакцию дикого зверя на приближение человека, пришла к выводу, что любое хищное животное в этом случае проявляет тенденцию к бегству. Путем сокращения или увеличения «критической дистанции» дрессировщик может заставить животное занять любое требуемое место.

Наука — наукой, но на школьной скамье искусству дрессировки не научишься. Слишком много бывает случайностей, которые опровергают бумажные расчеты.

Каждое животное обладает своей собственной «критической дистанцией», и, подобно человеку, ему свойственны различные настроения и причуды. Оно реагирует на разные жесты, окрики, аффекты только одному ему присущим образом. К тому же дрессировщик, как правило, имеет дело не с одним животным, а с целой группой, каждый из членов которой совершенно определенно (дружественно, нейтрально или враждебно) относится к другому. Горе тому, кто неверно разместил враждующие группы! Нет ничего более опасного для дрессировщика, чем вспыхнувшая на манеже цирка ссора между животными, в которую постепенно втягиваются все остальные звери и даже — что вовсе не входило в первоначальные намерения зачинщиков — сам дрессировщик.

Таким образом, с готовыми рецептами в дрессировке добьешься немногого. Мы указывали, что прежний свирепый укротитель, который мог управлять, только сея вокруг себя страх и ужас, уже низвержен. Однако следует указать и на то, что красивые фразы, употребляемые в современных цирковых программах, — это всего-навсего ни к чему не обязывающие выражения. Так, в одной богато иллюстрированной рекламной брошюре можно прочесть, что владелец цирка воспитывает своих слонов лишь при помощи ласки, доброты и приучения к своей персоне, а хлыстом пользуется исключительно для подачи сигналов. Наша книга — не рекламная брошюра, и мы намерены говорить правду. А правда состоит в том, что дрессировка слонов, так же как и других диких зверей, только при помощи «ласки» и «доброты», как правило, неосуществима. Многие дрессировщики делают тайну из своих методов дрессировки. Директор одного цирка, находившегося на гастролях в Лейпциге, ссылаясь на оригинальность своих гуманных методов, решительно отказался дать мне какие-либо сведения о том, как он дрессирует слонов. Он не знает (и должен признаться, что я не сказал ему об этом), что, довольно долго разыскивая его в обширном здании, я целых четверть часа наблюдал его за работой. Я видел слоненка с прочно связанными задними ногами, которого при помощи блока повалили на пол. Слоненок отчаянно трубил и всеми силами сопротивлялся, но, разумеется, тщетно.

Конечно, не надо становиться на ту точку зрения, что не следует вообще дрессировать животных. Наоборот, можно сказать, что для обитателей зоологических садов дрессировка, принимающая во внимание их индивидуальные врожденные способности, является благом. Животное чем-то занято, и его существование приобретает какой-то смысл. Дрессировку в зоопарках следовало бы осуществлять в еще больших масштабах. Иную позицию следует занять по отношению к некоторым дрессировщикам в цирках. Их дрессировка зачастую требует от животных противоестественных и противоречащих всему их существу поступков. Тот, кто оправдывает такую дрессировку потребностью людей в зрелищах и материальными интересами цирков, должен взять на себя определенную моральную ответственность и за применение средств насилия по отношению к животным.

Но выступать за дрессировку животных в цирке и в то же время приукрашивать или отрицать ее неизбежную жестокость, кажется мне не очень честным.

ОТКРОВЕННЫЙ ДРЕССИРОВЩИК

Учитывая вышесказанное, нетрудно догадаться, что нечасто удастся встретить откровенного дрессировщика. Мне дважды пришлось беседовать с такими людьми.

Первым из них был Отто Зусков, постоянно живший в Париже. В течение нескольких десятилетий он изо дня в день имел дело со всевозможными животными, в том числе и со слонами. Местом нашей беседы был узкий, словно банка сардинок, цирковой вагончик, стоявший посреди целого поселка таких же домиков на колесах. Разговор зашел о дрессировке.

— Что бы ни рассказывали и что бы ни писали в книгах о животных, дрессировка — дело жестокое, — сказал мне Зусков. — Животное признает господином только того, кто заставит его уважать себя. Если дрессировщик хоть раз проявит слабость, если он хоть раз отступит, то потеряет право быть господином. Это звучит не очень красиво, и я знаю, что лучше бы мне держать мой профессиональный опыт при себе, но дело обстоит так: животные, подвергающиеся дрессировке, должны трепетать перед своим господином.

— Проще всего, — продолжал Зусков, — обстоит дело с дрессировкой тигров. Тигр труслив, но очень способен к обучению. Если же он бросается на дрессирующего, то в противоположность льву всегда сзади. Значит, дрессирующий не должен допустить, чтобы тигр увидел его спину.

— А слона тоже можно пронять только строгостью?

— Конечно! Это, разумеется, не означает, что я непрерывно колочу животных. Этого я не делаю ни в коем случае. С обоими слонами, которых я сейчас показываю по вечерам, у меня самые теплые отношения. Могу сказать даже, что они любят меня, как дети. Но сначала мне пришлось взять их как следует в оборот, и, поверьте мне, не из любви к строгости, а по необходимости.

Дрессирующий пожимает плечами.

— На манеже, перед публикой, — говорит он, — надо обращаться с животными мягко. В северных странах, особенно в Англии, очень не любят проявлений жестокости к животным. Но именно слону нельзя отдавать команду слащавым шепотком. Во время дрессировки я так ору на моих двух слонов, что весь цирк трясется; я этого не скрываю. В результате они слушаются. А по вечерам, особенно, как я уже говорил, в северных странах, мне приходится быть с ними настолько любезным, насколько это возможно. Но, к сожалению, в таких случаях они часто не выполняют моих приказов. Номер лопнул, и мне тоже хочется лопнуть от ярости, но я не смею лопаться, не смею орать. Нет, я должен дружелюбно улыбаться, будто мне доставляет истинное удовольствие, что мои слоны не желают браться за дело, и как будто я понимаю, что они просто шутят. А между тем мне совсем не весело и у меня нет никакого желания копаться в их переживаниях, существование которых я в общем признаю. Для меня важно показать публике номер, ибо это моя профессия и за это мне платят.

Здесь следует указать, что в отношении громкости голоса, которая требуется при дрессировке слонов, существуют и иные мнения, чем у Отто Зускова. Так, дрессирующий «говорящего слона» Нелли, выступавший некоторое время в цирке Бэрли, сказал мне, что он отдает команды только тихим голосом. Директор Римского зоологического сада Кноттнерус-Мейер также считает целесообразным не кричать на слонов. Лишь в особо

опасных ситуациях может понадобиться резкий, пугающий окрик. Так, однажды Кноттнерус-Мейер во весь голос закричал на известного своей злобностью слона с Суматры, приближавшегося к нему с явно враждебными намерениями: «Назад! С ума спятил, что ли?» Животное повернуло назад и исчезло. Кноттнерус-Мейер считает, что этого не произошло бы, если бы громкий окрик не явился для слона чем-то непривычным. Смысла сказанного животное, конечно, не поняло, но звучность окрика заставила его изменить свое намерение.

Я спросил Отто Зускова, в каком возрасте слонов легче всего обучать.

— В молодости, — ответил он, — в четыре-пять лет. Когда им перевалит за пятнадцать, они едва ли годятся для дрессировки.

— Можете ли вы безусловно полагаться на своих дрессированных слонов?

— Нет. Ни на одно животное положиться нельзя.

Это как раз то, в чем я хотел удостовериться. Человек способен создавать понятия, и уже по одному этому его поведение постоянно. Друг, который в тяжелую минуту независимо от превратностей своей собственной судьбы, не покидает вас, действует сознательно. Он думает: иначе поступить я не могу. Животное не знает никаких понятий. Оно может привязаться к человеку, но оно не размышляет об этой привязанности. Оно руководствуется инстинктом и практическим, приобретенным на основе ощущений опытом. В любое время инстинкт может захлестнуть опыт, и в любой момент один опыт может вступить в противоречие с другим.

Дрессировщик ведет меня к животным. Они стоят в палатке и непрерывно двигают хоботами — «ткуют», как называют это движение специалисты. Их передние ноги связаны так крепко, что слоны не могут сделать ни шагу вперед или назад.

Отто Зусков замечает выражение сострадания на моем лице.

— Иначе нельзя, — извиняющимся тоном говорит он. — Но вечером их сажают на более длинную цепь, которая дает им некоторую свободу движений и возможность лечь. Однако они не всегда пользуются этой возможностью. Я наблюдал случаи, когда слоны не ложились месяцами и спали стоя.

Другого дрессировщика слонов — Эпи Видане — я посетил в зимнем помещении цирка Буш в Магдебурге.

Эпи Видане по национальности сингалец и родился в Канди, бывшей столице Цейлона. Его полное имя — Аллеватегомме Паллегиддере Пунха Видане. Это слишком долго и трудно произносить. Чтобы не очень отягощать память своих товарищей по работе, он решил радикально укоротить свое имя. Эпи — англоязычное сочетание инициалов двух первых частей имени, а Видане — титул.

— С каких пор вы имеете дело со слонами? — спросил я этого человека с экзотическим именем и с экзотической внешностью, сидевшего передо мной в национальном одеянии с тюрбаном на голове.

— С ранней юности, — отвечал он на не совсем безупречном, но все же понятном немецком языке, который в критических случаях исправляла его жена, немка.

Вероятно, «господин Эпи», как называли его товарищи-артисты, никогда не покинул бы свой родной Цейлон, если бы не произошло одно исключительное событие. Талант Эпи открылся в 1918 году в связи с посещением Цейлона английским королем. Высокий гость и его свита принимали парад ста пятидесяти слонов с погонщиками. Одним из погонщиков был Эпи, и то, что он сумел показать со своим слоном, вызвало, по его словам, всеобщий восторг. Слава о нем как о дрессировщике разнеслась далеко за пределы Цейлона. Директора цирков обратили на него внимание. Он побывал чуть ли не во всех странах мира и повсюду дрессировал слонов. Однажды он получил приглашение и от известных ганноверских торговцев животными Руэ.

Я спросил господина Эпи, можно ли изучить на Цейлоне искусство дрессировки. Он ответил утвердительно. Хотя специальных школ там нет, но многие мастера этого дела имеют учеников, которым передают свои знания.

Большое значение господин Эпи придает умению ухаживать за слонами в случае заболеваний.

— Я не нуждаюсь во врачах,— сказал он.— Когда мои слоны бывают больны, я лечу их сам.

Правда, в этом отношении Эпи Видане не является исключением. Повсюду в Индии, Бирме, Таиланде, на Цейлоне владельцы слонов имеют собственные рецепты против различных заболеваний, особенно против колик и ран, нанесенных тиграми. Иногда это заклинания и заговоры, иногда другие средства, которые не помогают и подчас даже ухудшают состояние больных. Но бывают и такие способы лечения, которые стоят на уровне современной медицины.

Эпи Видане считает, что уход за слонами в зоологических садах менее тщателен, чем в цирках, где перед каждым выступлением обязательно проверяют, здорово ли животное. Господин Эпи не разделяет мнения, будто самки лучше поддаются дрессировке, чем самцы.

— На моей родине,— рассказывает он,— охотнее работают с самцами. Я сам тоже предпочитаю иметь дело с ними, ибо они более восприимчивы к дрессировке. Но в Европе директора цирков никак не откажутся от предпочтения самкам. Они считают их более покладистыми. Действительно, самцы могут быть опасными, но только в период яра, и наступление этого периода всегда заметно.

— Сколько времени вам требуется для дрессировки?

— За две недели я выдрессирую любого слона.

— Ваш коронный номер?

— Трюк с головой. Я снимаю тюрбан, что служит сигналом для слонихи Олимпии поднять хобот. Тогда я засовываю свою голову ей в пасть, и в таком положении она уносит меня с арены.

Я вопросительно смотрю на госпожу Эпи. Она пожимает плечами:

— Кто садится за карточный стол, должен быть готов к проигрышу. Кто избрал своей профессией дрессировку слонов, должен быть готов к тому, что погибнет от слона. Это суровый факт, но с ним приходится считаться.

Я высказываю предположение, что самка, с которой господин Эпи разыгрывает этот трюк, особенно ручная. Однако дрессировщик отнюдь не подтверждает этого. Олимпия — самая обыкновенная слониха, обученная этому трюку совсем случайно.

— Никто не может сказать заранее, всегда ли все хорошо кончится. Возможно, например, что слона испугает что-либо и он позабудет всякую дрессировку.

Господин Эпи выучил этому трюку уже многих слонов. Однажды, примерно в 1925 году, он вместе со слонем Джассо гастролировал в американском цирке Ринглинг. Вновь и вновь демонстрировал он там свой трюк, и каждый раз удачно. В один прекрасный день он перешел в другой цирк. Тем не менее дирекция решила сохранить его номер в программе, считая, что слон, обученный этому фокусу, потерпит у себя в пасти голову любого дрессировщика. Но это предположение оказалось ошибочным: слон раздавил голову последователя Эпи.

Господин Эпи не пользуется кнутом принципиально. Но обойтись без так называемой хундю, заостренной железной палки длиной в три четверти метра, он не может. Подобно Зускову, он также высказал мнение, что без известной строгости дрессировка невозможна.

Мое посещение господина Аллеватегомме Паллегиддере Пунха Видане закончилось в рабочем зале, где были размещены животные. Здесь стояли рядышком: Дженни — 63 лет от роду, Олимпия — 60 лет, Карла — 45 лет, Дитта — 30 лет — четыре огромные слонихи, совершавшие характерные для слонов «ткущие» движения.

— А ночью они тоже стоят? — спросил я.

— Нет, — ответил мне Эпи. — Одновременно лечь все четверо не могут, так как им не хватит места. Но время от времени ложится то одно, то другое животное.

Нельзя сказать, чтобы вид привязанных за левую переднюю ногу великанов был очень приятным. «Заслужили ли они такую каторжную жизнь?» — может спросить кто-нибудь из друзей животных. В качестве утешения ему можно напомнить о слонах Ару, предпочитающих свою станцию свободе. Правда, им ежедневно представляется возможность плескаться в реке и гулять в джунглях. Но в цирке слон вместо излюбленного купания должен довольствоваться жалким суррогатом в виде поливки, а о степи и джунглях вовсе позабыть. Теперь единственная его радость в жизни — блюда из овса, сена и соломы...

Несмотря на равные страдания, которые по человеческим понятиям должны были бы пробуждать в слонах братские чувства и солидарность, животным господина Эпи не чужды зависть и недоброжелательность друг к другу.

— Каждое животное, — сказал он мне, — стремится получить лакомые куски, которые перепадает от меня другим. Ни одно не откажется в пользу другого.

Наивный друг животных, вероятно, выслушает подобное сообщение не без удовольствия. Оно облегчит его совесть, ибо свидетельствует о том, что не только человек «несправедлив» по отношению к слонам, но и у слонов есть довольно «некрасивые черты», и они относятся друг к другу «эгоистически» и далеко не «по-товарищески».

Х

СЛОНЫ НА ГОРОДСКИХ УЛИЦАХ

ТРАГИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ

В Европе нигде не встретишь слона на свободе, его можно увидеть только в зоологических садах и цирках. Но однажды в конце XIX века в Ганновере произошёл забавный случай. Сторож зоосада забыл закрыть дверь загона, и этим воспользовались самка Мэрли и самец Антон. Они вышли погулять на пустую в это утро территорию зоопарка, а потом, без труда сломав деревянный забор, вышли в ганноверский городской лес. Здесь, нагулявшись досыта, они искупались в водоеме.

Понятно, что любители утренних прогулок были крайне поражены, столкнувшись в немецкой роще с индийскими слонами. Но эти экзотические создания никого не трогали, вели себя абсолютно мирно и послушно последовали за служителями зоосада, довольно быстро нашедшими их по следам.

Гораздо менее безобидно окончилась прогулка слонов по улицам другого немецкого города. Это случилось 31 июля 1888 года. Мюнхенские горожане веселились на общественном празднестве. Одно представление сменялось другим. Больше всего публику привлекало праздничное шествие, самая интересная часть которого как бы олицетворяла собой связи с заграницей. То были восемь слонов, представлявших Восток. Этих животных дал цирк Гагенбека, как раз разбивший в то время свои палатки в Мюнхене.

Вначале все протекало наилучшим образом. Слоны послушно шествовали гуськом. Но затем произошло несчастье. Паровозики городской железной дороги были

оформлены в виде драконов, и в тот самый момент, когда живые великаны проходили мимо искусственных, локомотивы с оглушительным шипением выпустили пары. Слоны, до тех пор терпеливо и спокойно переносившие шум праздника, испугались и рванулись вперед. Увидев это, участники шествия и окружающая их толпа поддались панике. Возникло всеобщее смятение, поднялся крик. Гагенбеку, который был здесь же, несколько раз удавалось остановить животных. Но каждый раз ему мешала успокоить их всеобщая паника. Наконец вызвали войска. Прибыла баварская кавалерия. В результате огромных усилий (хотя стоило только немножко подумать, и тогда хватило бы минимума сил) нарушителей порядка арестовали и препроводили в цирк. Среди публики было много раненых и даже один убитый, правда не столько из-за слонов, сколько из-за неразумных людей.

Артиллерия против слонов

Хроника паник, вызванных слонами, знает и более бурные сцены с более печальным для животных исходом, чем описанная выше мюнхенская история.

Однажды в Венеции в середине прошлого столетия известный владеец зверинца Гарнье пытался погрузить слона на каботажное судно. Никакими силами нельзя было заставить животное ступить на неустойчивые сходы. Сторож всячески пытался уговорить слона — ничего не помогало. Вдруг слон схватил своего сторожа хоботом, швырнул на землю и растоптал. И тут-то началось самое страшное. Животное убежало и для начала разорило фруктовые лавчонки, расположенные неподалеку от набережной. Пришлось вызвать войска. По беглецу было сделано несколько залпов. Вконец запуганный слон забежал в какой-то маленький тупичок и здесь спрятался в одном из домов. Но когда он попытался взобраться вверх по лестнице, та обрушилась под такой огромной тяжестью. Солдаты дали еще один залп, и великан упал. Однако через некоторое время он все-таки поднялся и, к ужасу толпы, наблюдавшей этот необычный спектакль, направился к расположенной поблизости церкви Сан-Антонио, вышиб входную дверь и спрятался внутри. В конце концов в слона выстрелили из пушки, и ядро угодило ему в живот (сто лет назад

были еще пушки, которые стреляли не снарядами, а ядрами из камня или железа). Скелет этого колосса хранится в анатомической коллекции в Падуе.

В другой раз Гарнье вел слона из Женевы в Лозанну. Пройдя половину пути, своенравный детина повернул и зашагал обратно в Женеву. Вышедшее из-под контроля животное заманили в каменное здание. Вначале пытались умертвить его отравленными бутербродами. Но слон не соблазнился этим лакомством, и тогда выставили более грозное оружие — пушку. Жертвой ее и пал великан. Местное общество естествоиспытателей воспользовалось удобным случаем и устроило банкет, на котором подавалось слоновое мясо.

В заключение следует вспомнить еще об одном слоне, которого в 1866 году демонстрировал цирк «Белл и Майерс» в маленьком швейцарском поселке. Слон, помещенный в конюшне гостиницы, в один прекрасный день ни с того ни с сего убил своего сторожа-индийца. Немедленно приступил к делу муниципальный совет, на заседании которого было решено умертвить животное. Общинный глашатай под барабанную дробь объявил жителям «мудрое» решение. И вот начались военные действия. Все прилегающие улицы были оцеплены, и артиллерия, которую вызвал бургомистр, вступила в дело и живо прикончила «убийцу». Ядро, положившее конец его жизни, говорят, выставлено в музее в Муртене.

Без сомнения, в последних трех случаях поведение людей можно назвать каким угодно, но только не разумным. Даже если слон убил человека, он вовсе не заслуживает смерти. Наоборот, необходима правильная оценка его поведения. Наверное, и упомянутые три «преступника» действовали только из страха или по недоразумению. На родине «провинившихся», в Индии, при большом опыте в обращении со слонами их, конечно, не подвергли бы казни. Там в случае подобной катастрофы спрашивают не о том, какую ошибку допустил слон, а наоборот — какую ошибку допустили люди.

Надо сказать, что и теперешние европейские служители зоопарков сумели бы успокоить и образумить всех трех животных. Слоны, не понимая необычные для них явления, реагируют на них испугом. От людей же можно ожидать, что и при непредвиденных событиях они будут действовать разумно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Современный немецкий писатель Ганс Бауэр известен как автор интересных научно-популярных книг о природе земли и о животном мире. Его книги «Звери выглядят иначе», «Зеленый океан», «Тайна морских глубин», «Его предки были волками», «Книга о лошади», «Книга о слонах» и другие имели заслуженный успех у читателей.

В СССР изданы «Тайна морских глубин» (1959) и «Книга о слонах» (1957), которые с одобрением были встречены советским читателем.

Причина успеха «Книги о слонах» не только в самой теме книги — ведь слон одно из наиболее своеобразных и популярных животных, — но и в том, что книга написана живо и интересно и отвечает на самые разнообразные вопросы о жизни слонов. Автор описывает физиологические особенности этих гигантских, родственных мамонту животных, пишет об их жизни на просторах джунглей и «за решеткой» (в цирках и зоопарках), о том, как происходит ловля слонов и приручение, о роли этих животных в древности в качестве военной силы («Слон — танк древности») и их «службе» человеку в настоящее время. Он говорит также об их экономическом значении («Слоновая кость — ценный товар на мировом рынке») и связанном с ним хищническом истреблении слонов колонизаторами в Африке. Такое многостороннее освещение темы делает книгу особенно ценной и интересной.

Высоко развитая нервная деятельность слонов и прекрасная память способствуют тому, что в ряде случаев их наделяют свойствами, присущими человеку. Автор «Книги о слонах» выступает против таких попыток: строго придерживаясь материалистических взглядов, он всячески избегает сообщать непроверенные сведения, особенно охотничьи рассказы с их неизбежными преувеличениями.

То обстоятельство, что слоны обладают свойствами, характерными для высокоорганизованных животных, делают их особым объектом научного исследования. Изучение реакций слонов на те или иные раздражения могут дать ученым ценные сведения. Особенно это важно сейчас, когда на стыке двух отраслей науки —

биологии и механики — родилось новое интересное направление — бионика, имеющее огромное практическое значение.

Ганс Бауэр считает, что слоны обречены на исчезновение с лица земли. Следует сказать, что это чересчур мрачный и не совсем верный взгляд. Как уже отмечалось в комментариях к книге, численность слонов пока что достаточно высока.

Нужно надеяться, что человечество, истребившее стада бизонов, пасшихся в прериях Северной Америки, стеллерову корову и многих других животных, осознало, какой ущерб наносится естественным ресурсам земли, и слоны — эти полезные животные — будут все же сохранены.

В наши дни при бурном развитии техники и индустрии, росте населения, особенно в странах, где ранее была непомерно высокая смертность, и освоении «целинных просторов» охрана природы от непродуманного, часто хищнического истребления становится сложной и трудной проблемой. Эта проблема касается и слонов. Этим гигантским животным нужны обширные, не освоенные человеком пространства и пастбища — ведь 500 тысячам слонов требуется на один день около 150 тысяч тонн растительной пищи. Конечно, слоны не могут отличить дикие растения от культурных плантаций, поэтому, чтобы предотвратить истребление посевов, приходится численность слонов регулировать путем отстрела, а в некоторых густонаселенных районах почти уничтожать их совсем. Специалисты считают, что в будущем слоны уцелеют в диком состоянии главным образом в национальных парках и заповедниках, где можно содержать десятки тысяч голов.

Возможности для хозяйственного использования слонов в Африке велики. Опыты станции по приручению диких слонов в Ару показывают, что мнение, будто африканские слоны не поддаются приручению и дрессировке, ошибочно (об этом писал еще Гагенбек). Поле же деятельности рабочих слонов неограниченно.

Исследования последних лет убедительно показали, что природные кормовые ресурсы африканских саванн могут быть освоены дикими животными (антилопами, слонами, бегемотами и др.) гораздо производительнее и рациональнее, чем домашним скотом. Это открывает широкие возможности для создания охотничьего хозяйства и развития экономики молодых африканских государств.

П. Юргенсон

¹ Современная систематика делит семейство слоновых на два отдельных рода: *Elephas* — индийские слоны и *Loxodonta* — африканские слоны. Индийские слоны представлены лишь одним видом — *Elephas indicus*, который населяет Индию, Пакистан, Цейлон, Бирму, Вьетнам, Таиланд, остров Суматра и северную часть острова Калимантан (на Калимантане одичали завезенные туда домашние слоны). В Африке обитают два вида: *Loxodonta africanus* и *Loxodonta cyclotis*; первый из них населяет саванны, а второй — тропические леса. Виды слонов подразделяются на географические расы.

² Численность диких слонов, несмотря на длительный период хищнического истребления, все еще довольно высока, и участь белого носорога или кавказского зубра им еще не угрожает. В настоящее время в Центральной Африке не менее четырехсот тысяч слонов. О численности индийских слонов данных нет.

Однако количество слонов постепенно продолжает уменьшаться и не только за счет прямого истребления, но и за счет сокращения площадей, пригодных для их обитания в процессе хозяйственного освоения Африки.

В Уганде ежегодно убивают более двух тысяч слонов. Половину — в порядке регулирования их численности для защиты населения и посевов. В 1929 году слоны заселяли в Уганде 70 процентов территории, а в 1959 г. — лишь 17.

³ Скопление слонов в тысячные стада не свидетельствует об их многочисленности, это лишь временная (сезонная) концентрация в период засухи.

В 1958 году в Национальном парке Уганды во время засухи было обнаружено стадо в 1500 голов (общая численность слонов в парке — 12 тысяч). В период дождей такие крупные стада распадаются на множество мелких стад-семей.

⁴ Это указание автора неточно. Область распространения слонов в Африке гораздо шире. В Экваториальной Африке еще много районов, где слоны достаточно многочисленны.

⁵ Слоны на территории ЮАР сохранились не только в Национальном парке Крюгера. Они есть и в Национальном парке

Аддо. Здесь обитают последние представители особой капской расы слонов.

⁶ Желудок африканского слона, находящегося на воле, вмещает количество пищи, равное 5—6 процентам его живого веса, что составляет в среднем 250—300 килограммов (при среднем весе слона 5 тонн).

⁷ Помимо различных звуков, состояние, в котором находится слон, выражается в положении его ушей, хобота, головы. Английский исследователь Тинберген различает не менее девятнадцати сочетаний в положении ушей, хобота и головы, показывающих разные состояния: возбуждение, настороженность, страх и т. п.

⁸ Гагенбек, Карл (1844—1913) — основатель крупной фирмы по торговле дикими животными в Гамбурге. Организовал один из самых больших в мире зоосадов, где стремился создать наиболее естественные для животных условия. Написал интересную книгу воспоминаний под названием «О зверях и людях» (есть русский перевод в издании Географиза. М., 1957).

⁹ По данным Бомбейско-Бирманской транспортной компании, из 17 тысяч принадлежавших ей рабочих слонов лишь 9 процентов были в возрасте от 56 до 65 лет и лишь 2 процента — свыше 65 лет. Старейший слон, живший в зоологическом саду США, умер на 85 году жизни. Сло니ха Московского зоопарка Джинда умерла в 1936 году в возрасте 54 лет. У нее были обнаружены многочисленные явления старческого одряхления организма.

¹⁰ Вес наиболее крупных слонов достигает 5 тонн. Уже упоминавшаяся слониха Джиндау весила 4 тонны. Интересно отметить, что ее головной мозг весил 4,4 килограмма, каждая почка — 16 килограммов.

¹¹ Основой стада является семейная группа из двух-пяти и более слонов, связанных родственными отношениями. Чаще всего это самка и ее потомство разных поколений. Обычно стадо слонов состоит из двух-трех семей, которые то сходятся вместе, то расходятся.

¹² Благодаря новейшим исследованиям в Африке установлено, что основу питания африканских слонов составляют травянистые растения, причем больше спелые, чем молодые, а не листья, ветви и плоды деревьев, как считали ранее. Такую основу образуют всего лишь семь видов травянистых растений саванн. Травы составляют от 25 до 100 процентов веса содержимого желудков слонов, древесные кустарники и кустарниковые растения — не более 10 процентов.

¹³ Шомбургк, Ганс (1880) — известный немецкий путешественник и исследователь Африки. Открыл и впервые доставил в Европу карликовых бегемотов. Написал ряд книг о своих путешествиях, из них «С палаткой по Африке» есть в русском переводе. Для покрытия расходов на экспедиции ловил диких животных для зоосадов. Снимал кинофильмы о природе и населении Африки.

¹⁴ Гржимек, Бернард — директор зоосада во Франкфурте-на-Майне, крупный ученый и исследователь африканской фауны, деятель охраны природы. Особенно известны его исследования в Национальном парке Серенгети (Кения).

¹⁵ Вирхов, Рудольф (1821—1902) — известный немецкий ученый-антрополог и анатом; консультировал выставки животных, которые устраивал Гагенбек.

¹⁶ Эмин-паша (Эдуард Шницер, 1840—1892) — немецкий путешественник и колониальный деятель. Исследовал Судан и водораздел рек Нила и Конго.

¹⁷ Защита сельского хозяйства от слонов в Африке — сложная проблема. Особенно большие опустошения производят слоны в восточных районах бассейна Конго. Причиняемые ими убытки достигали здесь 200—300 тысяч франков. После нашествия этих животных приходилось поля засеивать вновь. За семь лет (1948—1954) здесь была отстрелена на полях тысяча слонов.

Слоны, находившиеся в небольшом заповеднике Аддо (Уганда), наносили большой урон посевам и посадкам. Заповедник оградили проволокой, по которой пропустили ток слабого напряжения (был создан так называемый электрический пастух). Однако вскоре животные перестали бояться слабых ударов тока. Пришлось соорудить на протяжении 11 миль изгородь из стальных балок и стальных тросов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
I. Немного зоологии	5
В долине Замбези и у подножия Гималаев	—
У слона много названий	7
Без хобота нет жизни	8
Друг воды	10
Трапезы и арсенал слона	12
Влюбленный слон	13
Рост — 3,75 метра	15
Слоны и снежные выюги	—
Умственные способности слона	16
Умел ли Мампе рисовать?	21
Короткая или долгая память?	22
«Мне цепь моя тяжка»	23
Свобода не манит слонов	24
Небольшое отступление	25
Воплощение мощи	26
Что открыл Тарабыкин во время охоты	28
Как выглядел мамонт?	29
II. На просторах джунглей	31
Мужские и женские стада	—
Шаловливые слонята	34
Будни стада	35
Истребление слонов	36
Во времена настоящих охотников на слонов	38
Водка за слоновую кость	39
Охота на слонов двести лет назад	—
В западне	40
Конная охота на слонов	41
Когда внезапно появляется серая стена...	—
«Боевые порядки» африканского мира	42
Никакого страха перед вспышкой света	43
В гуще слоновьего стада	45
Когда слон пускает в ход хобот	46
Дуэль со слоном	48
Упущенный шанс	50
Африканцы, которые никогда не видели слонов	—
Одинокие слоны	51
Свирепый роуг	52
Рухнувшая палатка	54
Танцующая хижина и атакованный паровоз	—
Почтительный леопард	56
Трагедия в болотах Мпонде	—
Несимпатичные собаки	57
Боятся ли слоны мышей?	58
Сей в деревне просо...	59
III. Существуют ли кладбища слонов?	61
Куда исчезают мертвые слоны?	—
Последние дни	63

Могила в болотах	63
Девственный лес в роли могильщика	65
IV. Танк древности	66
Противник стерт в порошок	—
«Луканский бык»	67
Из Индии или из Африки?	68
Сурус в анналах истории	69
Боевое животное на аренах	70
Слоновый тореадор	72
Невежественное средневековье	73
«В Германии неизвестен»	74
V. Ловля и приручение слонов в Индии	76
Загонщики оцепляют стадо	—
Как выглядят краали	—
Как производится облава?	77
В джунглях что-то происходит...	78
Странный «коллега»	79
У ворот краала	80
Охотники-одиночки за работой	—
Тщетная попытка вырваться из плена	81
Энергичный слон-приманка	82
Петля вокруг шеи	—
Освобождение и... закабаление	84
«Нет никакой разницы»	—
Какую биологическую задачу выполняет муст?	85
Одержимые бешенством	86
Кто лучше — самка или самец?	87
Что должен уметь делать обученный рабочий слон	88
Палочное воспитание	89
Биография По Сейна	90
Труд без вознаграждения	91
«Почему ты опять убежал так далеко?»	92
Рабочий день слонов	93
Живые тракторы	94
Пикирующие самолеты против слонов	96
Путешествие в гадухе	98
Обучение охотничьего слона	—
Схватка с тигром	99
VI. «Священные слоны»	102
Бангкок ликует	—
Песнопения в честь слона	105
VII. Слоновая кость как товар на мировом рынке	107
Вкусно ли слоновое мясо?	—
Водосточные желоба из слоновой кости	108
«Строительный материал для выскочек»	110
Рекордная длина и рекордный вес	111
Вытопанные поля, уничтоженные плантации...	112
Слоновая кость допотопных времен	114
VIII. Станция по приручению слонов	116
Беспольный комитет	—
Станция по приручению слонов	—

Сегодня в Ару	118
На пути в Матади	119
В боксе океанского парохода	120
Беглецы из Коломбо	121
IX. В загонах и за решеткой	122
В старом павильоне Берлинского зоопарка	—
Сторожа рассказывают	123
В Дрездене и Лейпциге	126
Как убивают слонов	127
Дружба слона с человеком	129
Своенравные характеры	131
Слон и автомат	133
Рожденный в зоопарке	135
Слоны-пациенты	136
Мать и дитя	138
Критическая дистанция	139
Откровенный дрессировщик	143
В гостях у Эпи Видане	146
X. Слоны на городских улицах	150
Трагические случаи	—
Артиллерия против слонов	151
Послесловие	153
Комментарии	155

Бауэр, Ганс

КНИГА О СЛОНАХ. Пер. с нем. Изд. 2-е, испр. Под ред. и с примеч.
П. Б. Юргенсона. М., «Мысль», 1964
160 с. 16 с илл.

(Рассказы о природе)
596

Редактор *Б. Малкес*

Оформление художника *Б. Александрова*

Художественный редактор *С. Полесицкая*

Технический редактор *Н. Ногина*

Корректор *П. Чивкина*

Сдано в набор 15 июля 1964 г. Подписано в печать 1 октября 1964 г. Формат
бумаги 84×108^{1/2}. Бумажных листов 2,75. Печатных листов 9,02. Учетно-
издательских листов 9,07 (включая вклейки). Тираж 100 000 экз. Цена 32 коп.
Заказ № 1752.

БЗ № 43 1964 г. № 14

Издательство социально-экономической литературы
«МЫСЛЬ»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Москва, Ж-54,
Валовая, 28.